

Саша Фишер

**Мародер
без диплома**

Однажды в какой-то реальности российский император выбрал в жены не ту принцессу, и локомотив мировой истории покатился по совершенно другим рельсам...

Я вернулся в Петербург, отслужив три года по контракту. Вот только привыкнуть к прежней жизни у меня не вышло. Так что я сел на поезд и поехал в Сибирь. В поисках новой жизни или нового себя.

По дороге неведомый стрелочник отправил мой вагон по другим рельсам и в совершенно другую реальность.

Нет, поезд привез меня в Сибирь.

Только Сибирь оказалась совсем другая.

В ночной тишине замок оглушительно лязгнул, петли зашлись в ржавом скрипе.

Я замер и перестал дышать.

Если сейчас заверещит тревожная сирена, то действовать придется гораздо быстрее, чем мне бы хотелось. Или бежать.

Сосчитал до десяти.

Тихо.

Похоже, старый сарай скрипит так часто, что сторож уже давно не обращает на это внимания.

Выдох-вдох.

Я включил фонарик. В его тусклом свете кружились потревоженные пылинки. Луч скользнул по неровной металлической поверхности, тронутой пятнами ржавчины. Замер на табличке:

«Боевой шагоход „Гусак“

Модель 007/3

1957 год

Казенный Завод Военных Самоходов

Г. Мытищи, Российская Империя»

Охреть.

На гуся, кстати, эта машина была совершенно не похожа. Скорее уж на страуса, который присел на корточки. Или... Да уж, самое время подбирать метафорические эпитеты!

Я пробрался под брюхо и встал между массивными трехпальными лапами. Поискал на ощупь рычаг, он вроде должен быть где-то слева. Ага! Замок скрежетнул, и люк послушно отъехал в сторону. Изнутри пахло старой кожей, машинным маслом и почему-то анисом. Только вот лестница не опустилась, как ей и положено, а намертво заклинила где-то на самом старте.

Да фиг с ней. Я подпрыгнул, чтобы схватиться за две скобы. Подтянулся, бросил тело вверх и забрался в чрево ржавой машине смерти.

Натаха сказала, что шагоходы сняли с вооружения в Империи где-то в семидесятых. Заменяли на немецкие шильдкроты. По боевым качествам они слабее, зато для управления не требуется никакое колдунство.

Теперь задраить люк. Только бы тут ничего не заклинило... Я нащупал внутренний рычаг, повернул до характерного щелчка. Люк послушно вернулся на место. Теперь скобу вправо, и достать меня из брюха этой железяки можно будет только... Да никак нельзя, нет у них тут такого оружия. Могут напалмом поджарить, но достать запеченный результат все равно не получится.

Я огляделся. Кабина была рассчитана на двоих — механика-водителя и стрелка. Кресло стрелка было под самым потолком, забраться туда можно было по короткой металлической лестнице. Кресло водителя занимало почти все оставшееся пространство. Я протиснулся между правым рычагом и поручнем и сел.

Выдох.

Ну что, момент истины?

Я сцепил пальцы с замысловатую фигуру, надеясь, что ничего не перепутал и

пробормотал про себя заклинание, похожее на детскую считалочку.

Все четыре двигателя послушно взревели. Кабина мотнулась и резко дернулась вверх — Гусак разогнул колени. Снаружи раздался треск ломающихся досок. Ну да, рачительные хозяева построили над сидящим шагоходом навес и устроили там сеновал. И все это сено сейчас обрушилось на меня. Как тут, кстати, с обзором?

Я притянул к лицу окуляры и заглянул в них. Чего я ждал, интересно? Конечно же, там крошечная темень, и мне ни хрена не видно! Хотя пофиг! Вижу я плохо, но при моей броне и весе это вообще не моя проблема. Давай, Гусак, топай вперед! Я взялся за рычаги.

Теперь давай, шагоход. Прямо на закрытые ворота.

Сотрясаясь всем телом и сотрясая все вокруг, Гусак попер вперед. Доски разлетелись в щепки, и сразу же появился обзор. Завыла тревожная сирена, но поздно, поздно!

Метнулся луч прожектора, на секунду меня почти ослепило. Но это ерунда, просто я долго был в темноте.

Бум! Бум! Бум!

С непривычки на каждом шаге клацали зубы, но это тоже было неважно. Твою мать! Я рулю настоящим имперским шагоходом! Волна восторга пополам с адреналином захлестнула мое сознание, и я захохотал во весь голос.

Тра-та-та-та-та!

Пулемет справа. На левой вышке охранник или спит еще, или его там вообще нет.

Давай, Гусак, чуть правее! Протараним вышку и в лес.

Полный ход!

Шагоход снова чуть согнул колени и длинными прыжками понесся через пустырь, отбросив на ходу пару попавшихся по пути мотоциклов. Я успел заметить перекошенное от страха лицо пулеметчика в тот момент, когда бронированный корпус шагохода превратил сторожевую вышку в груды обломков. «Бедный парень», — с лицемерным сожалением подумал я.

Глава 1. Вагончик тронется, перрон останется

Вообще-то я не собирался вот так срываться и уезжать неведомо куда. Просто как-то слово за слово, почти случайно. На самом деле, у меня план был совсем другой. Я думал после увольнения вернуться домой, где-то месяц заниматься одним сплошным ничем — спать, жрать, смотреть порнушку и иногда устраивать вылазки в соседний бар, просто чтобы не забыть, как живые люди выглядят. А уже потом начать неспешно искать работу, и все такое... В этом своем идеальном плане я не учел только одно — мои родители представляли себе мою жизнь совершенно иначе.

Поговорили, да.

И сейчас я сижу на боковушке в плацкарте где-то посреди необъятных просторов России. По моим расчетам — преодолели Урал. Но на самом деле вообще пофиг. По расписанию — Новосибирск должен быть завтра утром. А до тех пор — пью чай. Ну а фигли еще делать? Спать, разве что...

Я с сомнением посмотрел на свою полку. Странное такое дело. Вроде бы, за время службы я научился засыпать в любой обстановке, пользуясь любым удобным случаем и под любые звуки. Но вот я снял форму, сел в обычный плацкарт, и началось — дверь туалета громко хлопает, растворимая лапша воняет, а ноющий киндер в соседнем купе... Хотя сейчас вроде бы тихо, глухая ночь, свет приглушенный, никто туда-сюда не ходит. Но вместо того, чтобы спать, я сижу на нижней полке и медитирую на остывший чай с привкусом ржавой цистерны. Может все-таки спать пойти? Вторые сутки уже нормально не сплю...

И тут заскрежетали тормоза, стакан в подстаканнике пополз к краю, дребезжа ложечкой об стекло, вагон довольно сильно тряхнуло, и мы остановились. Вокруг темнота, никаких признаков станции или чего-то подобного. Стоп-кран что ли кто-то сорвал?

Я высунул голову в проход. Посмотрел в сторону туалета. Посмотрел в сторону купе проводников. Никого. Тишина. Только пятки торчат со вторых полок. Вообще-то нас довольно сильно тряхнуло, неужели никто не проснулся? Не с кем даже поматериться на ситуацию.

Посидел. Глотнул чаю. Ничего не поменялось. Стоим где-то посреди тьмы, вокруг — сплошное сонное царство и молчание. Еще посидел. Да блин! А вдруг там кто-то под поезд бросился в ночи, и мы теперь до утра будем ждать полицейский вертолет? Или в мы в багажном вагоне перевозим несколько тонн золотых слитков, кто-то об этом узнал, пути перекрыли, и сейчас деловитые парни в черных шапках помогают дорожному грузу переместиться из вагона в кузов неприметного грузовика, чтобы потом... Или, например... Сидеть на месте и молчать стало просто невыносимо. Захотелось курить, я напомним себе, что бросил. Еще раз попытался рассмотреть что-то в темноте за окном. Потом встал и пошел к выходу. Уворачиваясь от торчащих в проходе ног разной степени ароматности. И еще подумал, что надо было с собой взять пачку картонных бирок. Сейчас бы развесил по одной каждому любителю демонстрировать свои голые конечности. Так вагон сразу начал бы веселее смотреться. Ну ладно, не веселее. Но мне было бы точно смешно.

Никто так и не проснулся. Дверь в купе проводника была закрыта. А вот дверь наружу — открыта. И даже лесенка опущена. И снаружи маячит тень какого-то человека.

— Почему стоим? — спрашиваю.

— Встречный поезд пропускаем, — мужик повернулся, на его лицо упал свет из вагона,

и я смог его рассмотреть. Лет, наверное, сорок пять, худой, можно даже сказать, тощий. Мне сначала показалось, что из-под шапки на меня голый череп скалится. С длинными усами и глазами навывкате. У меня даже глаз задергался, я таких уродов в жизни не видел!

— Да ты спускайся сюда, — говорит он. — Покурим хоть. Куковать еще час или полтора, не меньше.

Фух. Показалось. То ли тень сначала так упала, то ли что. Обычный худой мужик, на ходячий скелет с тараканьими усами не похож. С недосыпу мне что ли всякое мерещится?

— Не курю, — отвечаю. — Бросил.

— Тогда я покурю, а ты воздухом подышишь, — мужик хохотнул. Длинные усы закачались. Усы прямо натурально длинные. Ниже подбородка свешиваются. Как у какого-то китайского злодея из комиксов. Перрона никакого не было, так что с нижней ступеньки пришлось прыгать. Гравий противно скрипнул под ботинками.

— Странно, что больше никто не вышел, — говорю. Направо-налево тянулась темная гусеница поезда, с полосой тускло подсвеченных окон повдоль и более яркими дверными проемами поперек.

— Этот перегон такой, заколдованный, — мужик достал из кармана штормовки свернутую газету и оторвал от нее неширокую полоску. Надо же, он сворачивает самокрутку из газеты! И, кстати, довольно ловко это делает. Кажется, это называется «козья ножка». Длинный тонкий кулек, согнутый примерно в середине. Курительная трубка, только из бумаги. — Здесь все засыпают, даже если до этого не собирались.

— Видимо, я не все, — говорю.

— Получается, что так! — смеется. — А куда едешь, если не секрет?

— В Томск, — говорю. — Ну то есть, поездом до Новосибирска, а оттуда до Томска на автобусе.

— А откуда?

— Из Питера.

— Хех, странно! Обычно наоборот происходит! Или ты в Сибирь к кому в гости?

— Да нет, я в томский универ поступить хочу.

— А что, в Питере своих универов нет?

Я помрачнел и промолчал. Ну вот что ему ответить? Рассказать, как мне на уши присела мама, расписывая блистательность юридического образования? Или про то, как отец мне мою дальнейшую жизнь по полочкам раскладывал? «Поработаешь в головном офисе, конечно, придется сначала побегать на вторых ролях, но наберешься опыта, и я тебя продвину повыше...»

— Просто захотелось, — говорю.

— Внушительный аргумент! — смеется. — Хрен поспоришь! И кем же ты решил стать, когда вырастешь?

— Историком, — отвечаю. — Ну, собираюсь на истфак поступить.

— О как! Гробокопателем, значит, будешь? Расхитителем гробниц и искателем сокровищ?

Издевается? Я попытался внимательнее рассмотреть его лицо в не особенно ярком свете. Вроде улыбается вполне искренне, без всякой тени сарказма. Хотя, честно говоря, на его тощем лице все равно смотрелась жутковато.

— Вроде того, — отвечаю.

— А любимый период у тебя есть?

И тут я опять подумал, что идея запрыгнуть в поезд и укатить в какую-то там Сибирь родилась у меня совершенно спонтанно. Прямо в процессе разговора на повышенных оборотах. Как и выбранная специальность. Нет, я, конечно, интересовался историей. И даже книжки всякие сверх школьной программы читал. И познавательные ролики смотрел. Но чтобы любимый период...

— Пока не думал над этим, если честно... — говорю.

— Упс, похоже я задел большую тему! — мужик выпустил клуб дыма, который на несколько секунд закрыл его лицо. — Но ты прости, братан, честно не хотел.

— Да ладно, бывает... — говорю. И что-то так курить захотелось, аж в горле запершило. Чтобы отвлечься, решил сменить тему. — А у этого сонного перегона может легенда какая есть?

— Ха, спрашиваешь! — он снова оскалился в своей жутковатой улыбке. — Поговаривают, что где-то на этом перегоне есть стрелка, с которой поезда-призраки выворачивают. Ты же про поезда-призраки слышал?

Я кивнул. На самом деле, ничего конкретного я про них не слышал, но кто-то где-то точно упоминал.

— Короче, есть такие поезда, в которые можно случайно сесть вместо своего, и уехать совсем в другое место. Не туда, куда собирался.

— Это как?

— Да очень просто. Покупаешь вроде бы нормальный билет, выходишь на перрон, садишься в поезд. А на самом деле в этот момент у перрона стоит не один поезд, а два. Просто они как будто в параллельных реальностях, и пассажиры в них друг друга не видят. Ты понимаешь же, о чем я? Два разных мира, но в обоих есть железная дорога, поезда и станции. И в некоторых точках рельсы и станции совпадают. А иногда случается совмещение поездов. И если тебя угораздит случайно оказаться на перроне именно в тот момент, когда там стоят два поезда, то ты легко можешь уехать совсем даже не туда, куда собирался.

— Так, подожди! — говорю. — Допустим, я понял принцип. Но спят-то все почему?

— Так поэтому же и спят, — тут он снова выпустил клуб дыма величиной с дирижабль. — Перегон здесь такой, где рельсы совпадают и в одном мире, и в другом. Из-за этого перегородка между мирами тонкая, ничего не стоит случайно провалиться из одного мира в другой.

— И ничего не заметить?

— Ах, если бы! — он снова захохотал. — Если ты в поезде ехал и внезапно в другой мир попал, то ты на полной скорости об шпалы и грянешься. Если в живых останешься, то повезло тебе.

— А если в это время по той стороне едет поезд в том же направлении? — вообще-то это все звучало как бред, конечно. Но нести бред мне всегда нравилось гораздо больше, чем какую-нибудь политику обсуждать. Да и пофиг мне, что этот мужик с длинными усами выдумывает! Зато не скучно. Гораздо хуже было бы, если бы он гундел что-то про «это все дурацкое суеверие, никто никогда не проверял, сколько людей на самом деле в поезде спят, а сколько нет».

— Начинаешь понимать, да? — он подмигнул, затянулся так сильно, что на краю газеты вспыхнули крохотные язычки пламени. — Ну тогда по всякому может быть. Может, в своем поезде останешься, а может в пункте назначения тебя ждет сюрприз. Слышал же историю,

как в Перми на перроне месяц назад обнаружился мужик с ружьем времен чуть ли не первой мировой?

— Месяц назад я еще был в... — тут я себя одернул. Чуть не сказал, где на самом деле я был, а мне вроде как не полагалось такое рассказывать. С одной стороны, вряд ли этому типу есть до меня и моих секретов какое-то дело, но распускать язык все равно не стоило. — Служил я. В части особо не было времени читать желтые новости.

— Где служил? — его глаза заинтересованно блеснули. А может в них просто отразился ярко засветившийся кончик сигареты.

— В глуши, — говорю. — На монгольской границе. Год срочной, два по контракту.

— А я было решил, что ты только школу закончил, — он оскалился в улыбке. — Обманчивая у тебя внешность, однако.

«Я знаю, — подумал я. — И даже умею этим пользоваться».

— Наследственность такая, — говорю. — У меня отец почти олигарх, а выглядит до сих пор как пацан. Так что там про мужика с ружьем в Перми?

— А, точно! Да, собственно, это вся история, — козья ножка догорела, и он щелчком отправил окурок куда-то в темноту. — Ночью на пустом перроне обнаружился мужик с ружьем. Его взяли, ясное дело, и давай допрашивать. А он говорит, что на поезде приехал. И плетет какую-то чушь, будто кукухой поехал. Его в дурку поместили, но так и не допытались, откуда он взялся и куда направлялся.

— Отстал от поезда-призрака, наверное.

— Наверняка! Только никто ему все равно не поверил.

Поезд как будто вздохнул, со стороны локомотива раздался протяжный визг.

— Не отстать бы... — говорю.

— Да не, еще встречный не прошел. Хотя шут его знает. Ты забирайся в вагон, братан, я тут еще немного покукую.

— А не отстанешь?

— Не, я и на ходу могу запрыгнуть, — Мужик снова оскалился и подмигнул и сунул руку в карман. — Кстати, братан! У меня есть для тебя кое-что!

— Для меня? Мы же вроде как не особо знакомы...

— Считай, что озарение на меня нашло, — говорит. — Как лицо твое увидел, так понял, кому эта вещичка точно пригодится.

Мужик протянул мне что-то на открытой ладони. Это была круглая бляха с ушком, вроде брелока для ключей. А на ней силуэт непривычных очертаний грузовика. Вроде шишиги. Серый тяжелый металл.

— Это что?

— Понятия не имею, я ее возле путей подобрал, — он пожал плечами. — Бери, бери. Это твой талисман, точно тебе говорю! Удачу принесет, зуб даю!

— Ну спасибо, — я взял бляху и покрутил в руках. — Блин, а мне и взамен дать нечего...

— Да и не надо! — говорит. — Все, давай в вагон, а то и правда отстанешь!

Я взялся за перила и запрыгнул на нижнюю ступеньку. И тут вспомнил, что я даже имя у мужика забыл спросить. Повернулся уже из тамбура, но перед дверью его не оказалось. Я высунулся из вагона, покрутил головой направо-налево. Никого. Странно. Попутчик-призрак? Я разжал кулак. Бляха была на месте. Тяжелая, холодная. Точно, брелок. Для ключей от машины. Только без ключей.

Поезд снова вздохнул и дернулся. А я внезапно понял, что хочу спать. Причем настолько, что сил, чтобы забраться на верхнюю полку уже не осталось. Я практически рухнул на сиденье и отрубился. Последнее, что я почувствовал перед провалом в небытие, как поезд тронулся с места и набирает ход.

— Эй ты, просыпайся! — кто-то настойчиво тряс меня за плечо, вырывая из блаженного сна. Я попытался оттолкнуть этого навязчивого некто, но ничего не вышло. — Просыпайся же! Конечная остановка, давай на выход!

Я с трудом продрал глаза и попытался сфокусировать взгляд на реальности. Будивший меня мужик был незнакомым. Наверное, пока я спал, один из проводников поменялся. Этот был здоровым и бородатым. И почему-то без формы РЖД. Хотя я слышал, конечно, что на дальних рейсах проводники на форму забивают и ходят в чем хотят. Тусклый свет ночного освещения вагона не позволял детально рассмотреть лицо, впрочем я не сильно старался.

— Шагай на выход! Дрыхнет тут! — увидев, что я проснулся, бородач перестал трясти меня за плечо. Я понял, что спал я сидя, зажав в руке бляху с грузовиком. Пальцы разжимались неохотно и болезненно. Да уж, как-то я внезапно срубился.

Расслабленная сонная истома начала потихоньку отпускать. Вместо нее появились непонятки.

Во-первых, за окном все еще было темно. Хотя в Новосибирск мой поезд должен приехать утром. Во-вторых, моих вещей на верхней полки не было.

— А который час? — спросил я. — Новосибирск по расписанию должен быть в восемь утра почти.

— Какой еще Новосибирск? — сварливо спросил бородатый проводник. — Новониколаевск это. Конечная. Выметайся уже из вагона, мне надо тут порядок наводить!

— Так, стоп! — я отбросил в сторону руку проводника, которой тот попытался меня ухватить. — У меня билет до Новосибирска!

— Ты бухой что ли? Или тебя кто-то кинул? — проводник заржал. — Ну покажь билет, посмотрю хоть, как нарисован!

— Билет... — я снова посмотрел на верхнюю полку и убедился, что моего рюкзака там нет. А я точно помнил, как сунул билет в боковой карман. — У меня украли рюкзак!

— Надо же, как удобно! — проводник снова попытался схватить меня за плечо, но я увернулся. — Шагай давай на выход, пацан. А то придется силой тебя выволакивать.

Да уж, ситуация — говно какое-то! Ночь, я где-то посреди Сибири, без вещей. Кроме меня и проводника в вагоне никого нет. Куда все делись?

— А где остальные пассажиры? — спросил я.

— Вышли давно, один ты проспал, — ответил проводник. — Ты будешь уже выходить или тащить тебя?

— Тащилка не выросла, — пробормотал я, снова автоматически отклонив плечо от пытавшейся схватить меня руки. — Руки убрал, а то пальцы сломаю.

— Пацан, ты мне угрожаешь что ли? — густые брови на лице проводника зашевелились. Он сжал кулаки. Внушительные такие, размером в половину моей головы.

— Да ладно, дяденька, не сердитесь, — сказал я, не особенно стараясь что-то там актерски играть. Вообще вырубить его сейчас было делом очень простым. Ясно было, что боец он такой себе, весь расчет на размер. Понятно, что если он ударит своим кулачищем и умудрится по мне попасть, то больно мне будет, конечно. Но это же попасть надо... Мне потребовалось небольшое усилие, чтобы перестать криво ухмыляться и перестать

прикидывать, что если сейчас провести два коротких удара, то бородатый проводник ляжет, даже не успев охнуть. Бить, понятное дело, не стал.

— Так топай тогда на выход!

Короче, было ясно, что он не отстанет, пререкаться дальше особого смысла не имело. А вещи... Да ничего там особенного не было, если задуматься. Кошелек и мобильник были на месте, во внутреннем кармане куртки. Так что, пофиг, по большому счету, где он там меня высаживает.

Я пошел к выходу через почти темный вагон. На верхних полках — свернутые матрасы, нижние подняты. Неправильность ситуации снова царапнула мозг. Сколько же времени я проспал?

Я прошел мимо кучи мешков постельного белья, мимо открытого купе проводников, мимо открытого же туалета. Повернул к открытой двери. Перрон в этом неизвестно-где был устроен ужасно неудобно. В Питере перрон вровень с полом вагона, просто выходишь и все. А здесь нужно было спускаться по неудобной лестнице. С чемоданом это делать, наверное, вообще пытка... И пока я обдумывал неудобство конструкции, проводник с силой толкнул меня в спину. Схватиться за перила я не успел, так что прямо всем собой грянулся на доски перрона. Вскочил. Вот мудила! Зря я его пожалел!

И не успел, конечно. Бородатый проводник уже сноровисто опустил металлический порог и захлопнул дверь. Если брошусь сейчас бить в стекло кулаками, выглядеть буду как дебил. Так что кулаки я разжал, оскалился в типа улыбке и помахал ему рукой на прощание.

Со стороны локомотива раздался гудок, поезд лязгнул, вздохнул, тронулся и покатился во тьму, медленно набирая ход.

А я остался стоять на перроне некоего Новониколаевска, о чем мне услужливо сообщался болтающаяся на двух полосатых столбах табличка. Итак, что мы имеем вокруг?

Перрон из посеревших досок, деревянное здание вокзала, типичного для каких-нибудь промежуточных станций, неопознаваемую статую на невысоком постаменте и три не очень ярких фонаря, которые все это роскошество освещают. У ног статуи — засохший букет из нескольких гвоздичек. Тишина, только комары звенят. Сука! Комары! Я хлопнул по лбу и почувствовал под одной ладонью сразу штук пять мелких кровососов.

— Эй ты! — раздался из-за кустов не очень дружелюбный окрик. — Стой на месте, руки вверх!

Я быстро повернулся в сторону голоса, и увидел в полумраке высокого плечистого мужика. В руках он держал дробовик, ствол которого смотрел прямо на меня. Я медленно, не делая больше резких движений, поднял руки.

Глава 2. Куда вы меня тащите?!

Кажется, только теперь я наконец-то проснулся. До этого я надеялся, что фигня с проводником и пустым вагоном, из которого меня выкинули на каком-то полустанке, мне просто привиделась под стук колес. Подсознательно как-то ощущал, что скоро меня разбудит нормальный проводник в форме РЖД, сообщит, что туалеты закрываются через полчаса, а за окном будет хмурый рассвет посреди сибирских равнин. Но ствол, направленный в грудь, к реальности возвращает даже лучше, чем ведро холодной воды. Как пробовавший и то, и другое, имею право сравнивать. Куда меня вообще занесло? Пока я спал, вагон прицепили к другому составу и привезли в какую-то глухомань? Сибирь большая, мало ли...

— Ты кто еще такой? — недружелюбно полюбопытствовал здоровяк, мотнув стволом в сторону здания вокзала.

— Богдан, — говорю. Надо бы в голос дрожи побольше добавить. Я втянул голову в плечи и оглянулся на своего конвоира в тот момент, когда он оказался под светом фонаря. Реально, бык. Одет в черные штаны-карго и рубаху с закатанными рукавами. Мышцы бугрятся, как у качка, голова той же ширины, что и шея. И борода лопатой. Дробовик держит уверенно и умело. Технически, можно, конечно, попробовать поднырнуть под ствол и... Нет. Говно идея. Во-первых, я понятия не имею, прикрывает ли его кто-то, во-вторых — допустим, я его сумею вырубить, что не факт, мужик, прямо скажем, не по сторонам глазееет, а о его боевых навыках я ничего не знаю, и что потом? Вокруг — неведомый населенный пункт, фиг знает, какие тут порядки. Так что подожду пока обнаруживать свои армейские навыки.

— Дяденька, а может уберете ружье? — говорю. — Я же ничего не сделал...

В бороде сверкнули зубы — ухмыляется. Но ничего не ответил. Недвусмысленно дернул ствол. Типа, шагай и не болтай. Благо, куда шагать было понятно. Других вариантов, кроме как к двери вокзала, здесь и не было.

Внутри вокзала меня ждал нехреновый такой сюрприз. Помещение было обычным для такого типа станций — холл с окошечками касс, сейчас закрытыми, арка-проем в зал ожидания и дверь в крыло «только для персонала». Вот только зал ожидания был отгорожен от холла грубой железной решеткой, явно изначальной конструкцией не подразумевавшейся. В решетке — калитка. На калитке — замок. В холле — еще четыре мужика, похожие на моего конвоира как братья. Такие же здоровенные, одетые в штаны с карманами и просторные рубахи, мускулистые и бородатые. Кто-то помоложе, кто-то постарше. И все они бросили свои дела и посмотрели на меня.

— Надо же, то есть Вене не показалось! — сказал один. Он был чуть более хрупкого сложения, чем остальные, борода отливала рыжим. Я мысленно присвоил ему кличку «Мелкий» — Я же говорил! Гони десятку!

— Какой-то задохлик, — сказал другой мужик. Тоже здоровенный и бородатый, но самой выдающейся деталью его лица были брови. Прямо великая китайская стена, сросшаяся на переносице. Он полез в карман и достал ком смятых бумажек и отслонявил одну. В голове тренькнул тревожный звоночек. Это явно были деньги, но по цвету и размеру они были никак на рубли не похожи. Размер скорее долларовой — узкая и длинная бумажка, а цвет — грязно-фиолетовый. — Ты откуда такой приехал-то?

— Из Питера, — говорю. Мысленно присваивая проспоровшему кличку «Брежнев».

— Растем, гляди-ка ты! — третий заржал противным каркающим смехом. Вне ситуации я бы подумал, что у него астматический припадок пополам с эпилептическим. Или что он подавился чем-то. — Уже молодежь из имперской столицы к нам приезжает. А чего ты в наши края?

— Ну... так получилось... — ответил я и мысленно наклеил ржущему на лоб ярлык «Гиена». Да что за херня здесь происходит вообще? Я Сибирь конечно не вдоль и поперек изъездил, но в нескольких местах был. И были эти места скорее скучные, чем дикие. От остальной России отличавшиеся довольно мало. Но чтобы вот так? Вооруженные громилы прямо на вокзале, решетка эта еще. Это бандиты что ли какие-то? Или террористы?

— Да что вы пристали, ну поехал приключений искать сосунок, — четвертый был старше всех остальных. Борода седая, лицо изборождено морщинами. Но никаких других намеков на старческую слабость нет. Пусть будет «Папаня». — Надоело мамкину сиську сосать, вот он и сбежал. Так ведь, малыш?

Он подошел вплотную и потрепал меня по щеке. Я напрягся, а он впился мне в лицо злым колючим взглядом.

— В-вроде того... — я сжался, как будто от страха и быстро оглянулся. Веня с дробовиком все еще стоял у меня за спиной. И ствол не опускал. Хреново.

— Ну-ка, покажь, что там у тебя в карманцах! — Папаня бесцеремонно похлопал меня по бокам.

— Эй! Что за фигня! — я отшатнулся и оттолкнул его руки. Не особенно резко и не пытаюсь наносить удары. Просто надо было проверить их реакцию на сопротивление жертвы. Выстрела, к счастью, не прозвучало, зато Папаня моментально двинул меня под дых кулаком. Я охнул, захрипел, согнулся пополам и завалился на бок. На самом деле, все было не настолько плохо. Били меня и посильнее, да и в солнечное сплетение он не попал. Но выходить из образа малохольного школьника и столичной fifы было рановато. Кстати, почему столичной-то? Я же не из Москвы...

— Сопротивляется он еще, борзый какой, — зло пробормотал Папаня, склоняясь и обшаривая мои карманы. Мобильник, кошелек, паспорт. Четверо столпились над добычей, а Веня продолжал держать меня на прицеле. Вот зануда, не расслабляется...

— Кошелечек мелковат, — сказал Гиена.

— Давай сюда, мне как раз сойдет! — а это Мелкий. — Какие рубли чудные, я таких не видел раньше. Новые что ли? А это еще что?

— Паспорт тоже странный какой-то... — снова Гиена. — Но мордаха вроде его.

— Дай сюда, ты все равно читать не умеешь! — в разговор вступил Брежнев. — С-а-н-к-т-П-е-т-е-р-б-у-р-г. Не соврал, гаденыш! Столичный он!

— Может у них в столице паспорта другие? — снова Гиена.

— Поди знай... — это Папаня. — А это что за чудо-юдо?

Они замолчали, зато пискнул мой мобильник.

— Рация, может?

— Да не, рация больше, я у жандармов видел. Эта штука смотри какая тоненькая...

— Часы это. Вот же цифры.

— Светятся, пищат! Чудно!

— А может он шпион какой? И это какая-то шпионская приспособа?

— Эй, мозгляк! Как там тебя?

— Богдан, — подсказал Веня, не опуская дробовик.

— Боня, стало быть, — Папаня навис надо мной. — Хорош уже корчиться-то, не настолько сильно стукнул. — Что это за хреновина такая?

Он покрутил надо мной мобильник. Я медленно разогнулся и сел. Несколько минут в неподвижности позволили мне немного привести мысли в порядок. Я все еще не понимал, что за фигня происходит, но составил некоторое представление о моих пленителях.

— Это игрушка, — говорю. — Чтобы в дороге скучно не было.

— Ишь ты... Как есть сыночка маменькин, — Гиена заржал. — А как в это играть?

— Давайте покажу, — я протянул руку.

— Быстрый какой! — Папаня отвел руку с телефоном. — А вдруг ты шпион, и бомбу какую хитрую везешь?

Я хотел ответить язвительно, но не решил не бесить здоровяков. С них станется начать меня пинать, а сломанные ребра в мои планы никак не входят. Они мне еще целыми пригодятся. Так что я соорудил невинную гримасу и развел руками. Папаня отдал мне мобильник. Я ткнул в сенсор отпечатка пальца и уставился на дисплей. Нет сети. Что ж, ожидаемо. Не особенно я и рассчитывал, если честно. Часы показывали 0:23. Получается, я примерно в полночь приехал? Мне казалось, что в полночь была та остановка, или даже позже... Я быстро ткнул в иконку игрушки.

— Вот тут надо переставлять пальцем камешки, чтобы получались линии, — говорю. И показываю. Они сгрудились вокруг, прямо головами столкнулись. Загипнотизировал их блеск нарисованных драгоценностей. Надо же... никогда не понимал, что именно в этих времяжорках так цепляет. Но в них и подготовленные люди залипают на много часов, что уж говорить о дремучих селянах, которые смартфон впервые в жизни видели? — Чем длиннее линия, тем больше приз потом. А если вот такую штуку передвинуть, то все зеленые взорвутся...

— Так, ну-ка хорош глазеть! — Папаня вырвал у меня из рук мобильник и легонько толкнул меня в грудь. Сунул мобильник в карман штанов. — Веня, давай его к остальным, хватит тут рассусоливать.

— А Кире будем показывать? — спросил Веня. Как у него руки не устали — все время меня на прицеле держать? Что-то подозревает, или он просто как робот, по инструкции работает?

— Кира спит давно, — Мелкий почесал бороду. — Может, сами проверим? Там всего-то пару кнопок ткнуть... А Кирка потом прочитает. Утром.

— Или так... — Папаня кивнул. Мелкий тут же метнулся к двери «только для персонала». А Веня легонько ткнул меня стволом в спину. Шагай, мол, следом.

Я пошел.

За дверью был короткий коридор и несколько дверей, покрашенных в мерзкий оттенок зеленого. Тусклые лампочки в зарешеченных плафонах как будто из бутылочного стекла придавали помещению вид не то казармы, не то подвала из фильмов ужасов. Мелкий толкнул одну из дверей, зашел внутрь и щелкнул выключателем.

— Туда садись, — грязноватый палец Мелкого ткнул на деревянное грубо сколоченное кресло. Я сел. — Сейчас мы тебе на бошку вот эту хрень наденем, и будешь ты чисто государь-император...

Мелкий взял со стола обруч из двух металлических дуг с винтовыми стяжками. К дугам были припаяны еще две дуги, так что по форме конструкция и правда немного напоминала

корону. Мелкий закрутил стяжки, обруч больно сдавил мне голову.

— Не ссы, это не больно, — он взял со стола два стеклянных шарика размером с яйцо и сунул мне их в обе руки. — Сожми в руках, чтобы не выпали.

Мелкий отошел к столу и откинул крышку на квадратной штуке вроде старого проигрывателя пластинок или чего-то подобного.

— Так... Этот вот вверх, вот этот вниз, нажать на зеленую кнопку... — бормотал Мелкий. — Ты готов там? Держи шары, чтобы не выпали, а то сейчас дернет!

«Дернет» — это было очень подходящее слово. Больно не было, но все тело как будто сотрясло судорогой. И сразу же отпустило.

— А это зачем? — спросил я.

— А это, Боня, полевая инквизиция! — Мелкий снова подошел ко мне, отобрал шары и сунул их обратно в коробочку. Почесал бороду и стал ослаблять стяжки. — Проверяем, колдун ты или нет.

— И как? — спрашиваю. Блин, может я все-таки сплю? Правда, теперь уже будет даже жаль, если проснусь, не досмотрев. Становилось все интереснее!

— А шут его знает, пацан, — сейчас бумажка вылезет, на ней все написано будет.

Аппарат зажужжал, защелкал, и из его недр медленно полезла полоса перфорированной по краям бумаги.

— Все, потопали уже в отстойник, а то меня батя с говном съест, если тормозить буду, — Мелкий мотнул головой в сторону двери.

— Так я колдун или нет? — спросил я, вытягивая шею. И тут же получил легонький удар прикладом в почку от Вени. Охнул от неожиданности.

— Топай давай, — сказал он. — Не твое дело, что там написано.

— Кирка с утра посмотрит, — сказал Мелкий.

Меня ожидаемо подтолкнули к решетке, перекрывающей зал ожидания. Когда я подошел, Гиена как раз стоял рядом с дверью и нетерпеливо позвякивал ключами. Веня подтолкнул меня внутрь, решетка захлопнулась за моей спиной.

Выдох, чо. В принципе, все не так плохо. Убивать или даже избивать или пытаться меня, похоже, не собираются, и то хлеб. Замок на решетке, как я успел заметить, может удержать только честного человека, а меня не так чтобы тщательно и обыскали. Будущее туманно, куда меня занесло — непонятно. Я вспомнил ночной разговор с курильщиком козьей ножки. Как он там сказал? «Ты можешь уехать совсем не туда, куда собирался»? Может, так и получилось? Я сунул руку в задний карман джинсов. Нашупал там металлический кругляш. Похоже, тот тип мне не приснился. Бляха была на месте, и Папаня ее не нашел. Ладно, фигли стоять-то? Надо смотреть, что там у меня за соседи по камере.

Я прошел под аркой и оказался, собственно, в зале ожидания — неудобные сидухи вдоль стен, коробка, когда-то явно бывшая ларьком с прохладительными напитками. Только все какое-то ужасно старое. Обветшалое такое. Окна снаружи тщательно забиты досками, есть еще одна дверь, на улицу, но, скорее всего, она тоже заколочена.

Разумеется, этот зал был обитаемым. И его аборигены прямо сейчас уставились на меня. Я торопливо натянул на лицо глуповатую улыбку вчерашнего школьника, чтобы никому из этих типов не пришло в голову, что я претендую на гордое звание альфа-самца в этой стае оборванцев.

— Здравсьте, — сказал я. И так, что мы здесь имеем? Я быстро сосчитал. Семнадцать человек. Семеро жмутся в один угол без стульев, сидят на полу, запах ощущается от самого

входа. Они грязные, одеты в многослойную вонючую рванину, бороды клочковатые, волосы редкие и сосульками, рожи опухшие, синюшные. Бомжи, в общем. Колоритная тройца по центру — бородатый мужик в длинном пальто и двое пареньков с внешностью типичных киношных уголовников. Пальто? Летом? Ну, может это знак касты какой-то... Но из всех обитателей зала ожидания он самый здоровый. Хотя размером он хорошо если с Мелкого. Скажем, Авторитет с шестерками. В противоположном от бомжей углу парочка мужичков средних лет в каком-то подобии деловых костюмов и шляпах. Таких плоских и круглых, я такие только в кино видел. И вроде они даже как-то называются... Канапе? Нет, это бутерброд такой. А! Канотье. Костюмы сидят на них удолбишно, носить они их, похоже, не умеют. Навскидку я бы сказал, что они жулики. Так и запомним.

Еще трое чинно сидят в рядочек. Смуглые, в красных рубахах, волосы черные, у самого правого в ухе увесистая серьга желтого металла. Раз не отобрали, значит не золото. Ну или может обычай какой есть, что нельзя отбирать у цыгана серьгу, он без нее превращается в бесполезный овощ. Да блин, что за фигня лезет мне в голову? Значит, цыгане. Только без коней и медведя. Хотя вот тот у заколоченного окна вполне может претендовать на звание хозяина тайги. Не очень высокий, зато в ширину больше, чем в высоту. Руки как лопаты, волосы начинаются сразу над бровями. Скорее, похож на Гориллу, конечно, но мы же в Сибири, какие Гориллы еще? Так что, Медведь. И последний... Длинный и тощий, в клетчатом костюме, штанины коротковаты, что делает его вид слегка придурковатым. Но может это мода такая... На голове — плоская кепка. Галстук, на котором, похоже, раньше был зажим. На длинном носу — круглые очки. Навскидку ему, наверное, лет пятьдесят, не меньше. Проворовавшийся чиновник? Или сумасшедший ученый? Пусть будет Бюрократ.

Я оценивал их, они оценивали меня. И, похоже, признали не особенно достойным внимания, потому что буквально через минуту гляделок потеряли ко мне всякий интерес. Бомжи дружно повернули головы внутрь своего кружка и что-то там залопотали. Один из шестерок продолжил шептать что-то на ухо авторитету, а тот продолжил кивать. Цыгане поз не сменили, один закрыл глаза и как будто заснул, двое других молча прожигали товарищей по несчастью недружелюбными взглядами. Медведь топтался с ноги на ногу, Бюрократ нервно теребил лацкан пиджака. Я бочком пробрался к одному из свободных стульев и сел. Между Жуликами и Авторитетом.

— Эй, рванина! — это Гиена, его голос фиг с кем перепутаешь. — Время жрать, подходи по одному! Завтра у вас тяжелый день, не бросать же вас голодненькими!

Процедура раздачи еды оказалась простая — мы выстроились в очередь, каждый подходил к решетке, получал миску хрючева, ложку и ломоть хлеба. Я был последним. Взял алюминиевую миску, отошел обратно к своему месту, понюхал содержимое. Каша? Или какое-то рагу? Наверное, так выглядела бы еда, если взять остатки супа в котле и высыпать в них остатки второго. С другой стороны, жрать уже хотелось, да и армия научила, что есть надо, когда есть такая возможность, потом ее может и не быть. Я зачерпнул ложку хрючева и поднес ко рту. Еще раз понюхал.

Еда пахла столовкой и чем-то еще. Неуловимым, но быть этого в еде не должно. Стоп. Это мои родители считали, что я все три года дудел в трубу в оркестре крохотной части на монгольской границе. Первый год так и было, но по контракту я попал в совсем другой род войск. А тактическая разведка воспитывает совсем другие привычки. Например, что не вся еда одинаково полезна. Я поставил миску на пустое сиденье рядом с собой.

— Эй, малец! Ты что ли жрать не будешь? — тут же подскочил ко мне один из

шестерок.

— Я не голодный, — я снова глупо улыбнулся. — Хотите?

В желудке заурчало. Я смотрел, как мои товарищи по несчастью наворачивают жрачку, постукивая ложками и жадно причавкивая. Возможно, чутье меня и подвело. Если это и правда какой-то другой мир, то и запахи здесь могут быть другие? Вдруг это просто включилась паранойя от нервного перенапряжения?

Первым завалился на бок один из бомжей. Сам момент я не успел отследить, старался в сторону их вонючего клубка по интересам не смотреть. Глянул только когда он уже лежал. Глаза закрыты, но вроде дышит. Потом поник второй. Потом свернулся калачиком у ног Авторитета один из шестерок. По спине пробежал легонький холодок. Бюрократ сполз по стене, растянулся, запрокинув голову и внезапно оглушительно захрапел. Ах вот это что... Какое-то снотворное.

Чтобы не отрываться от коллектива я быстренько сполз на пол и прилег, продолжая наблюдать за всеобщим отходом ко сну из-под прикрытых век.

Зал ожидания превратился в спальню минут, наверное, за пять. А еще через пять я услышал, как лязгнул замок на решетке.

Глава 3. Простые радости работорговцев

Я вжался щекой в пол и не шевелился. Двое. Ходят, не крадучись по залу ожидаая. Что-то металлически лязгнуло, видимо миски собирают. Со стороны Авторитета раздался характерный кашляющий смешок, значит один из двух Гиена.

— Так и хочется ему в рот мышь сунуть, — сказал он. — Не проснется же?

— Не, — ответил второй вполголоса. Кажется, Мелкий. — Старая карга свое дело знает, будут дрыхнуть до рассвета, хоть ногами их пинай.

— Эх, дрянство, что ж у меня мусора-то никакого нет? — Гиена снова заржал. — Он так смешно рот раззявил, прямо хохма была бы с утра на его рожу посмотреть!

— Шутки у тебя... — Точно, Мелкий.

Потом шаги приблизились ко мне. Сквозь прикрытые веки я видел пару кирзовых сапог рядом с моим лицом.

— Слушай, это... — похоже, Гиена стоял у меня за спиной. — Я тут заглянул в ту бумажку...

— И что? — судя по голосу, Мелкий напрягся.

— Там было написано «одаренность высокая» в трех полосках.

— Да ладно?! Не может быть такого!

— Да зуб на сало! — Гиена сделал какое-то движение рукой, одежда зашуршала. Перекрестился?

— Но его же не могли тогда из столицы выпустить, — задумчиво сказал Мелкий. — Их же еще в школе проверяют. Отправили бы в Соловец учиться, а там, говорят, чисто казарма.

— Да он вообще какой-то странный, — миски в руках у Гиены звякнули. — Я такой одежды никогда не видел.

— Мало ли, что там теперь за мода? — Мелкий хмыкнул. — Много ты тут столичных хлыщей видел?

— Демидовы, — Гиена сплюнул. — Слушай, а может мы того... Сожжем бумажку эту и Кирке ничего не скажем? Она же с вечера всех проверила, а этого салагу Веня потом уже подобрал.

— Чейта не скажем? А если еще раз проверит?

— Или не проверит, забудет, — сказал Гиена. — Нальем ей первача с утречка, она и расслабится.

— Ну... — задумчиво протянул Мелкий.

— Вот тебе и «ну»! — передразнил Гиена. — Мы за этого мозгляка пять тыщ можем получить. А если Кирка бумажку эту увидит, то бесплатно его заберет.

— Он же малохольный, кто за него даст пять тыщ, умник? — Мелкий захохотал. — Три разве что, и до если повезет.

— А Шпак? — было слышно, как Гиена чешет бороду;

— Который Шпак? — спросил Мелкий.

— Ну этот, жирный, — Гиена перешагнул через меня, теперь я и его сапоги тоже видел. К подошве прилипла грязь и сухая травинка. — Куркуль-содомит. Он все время мальчиков выкупает. А этот вроде ничего так, смазливый.

Он наклонился ко мне и потрепал пальцами по щеке. Мне понадобилось приложить немалые усилия, чтобы не шевелиться и продолжать делать вид, что сплю.

— Ха, точно! — сказал Мелкий. — Мы ведь еще вчера обсуждали, что он со своим кортежем в Метрополе поселился. Пойдем-ка и правду сожжем бумажку. Вдруг прокатит! Все миски собрал?

— Ага.

Шаги удалились, решетка лязгнула, дважды щелкнул замок, и все стихло.

По инерции еще несколько минут я полежал неподвижно. Потом пошевелил затекшим плечом и поменял позу — лег на спину, закинув ноги на сидушку. Задумался. Получается, что эти бородатые — какие-то работоторговцы?

На самом деле мне хотелось паниковать, бегать по потолку и орать: «Этого не может быть! Я сплю! Что за хрень?! Верните меня, где взяли!» Но об этом я думал как-то отстраненно. Как будто, представляя, что на моем месте кто-то другой, и вот он, по моему мнению, как раз и должен был сейчас бегать и орать. А я... А что я?

Я прислушался к собственным чувствам.

Я как вообще? Воспринимаю реальность всего происходящего, или я так спокоен, потому что до сих пор уверен, что сплю где-то в трясущемся вагоне поезда посреди Западно-Сибирской равнины?

Подсознание промолчало.

Ну да. В любой непонятной ситуации... Как там говорил товарищ майор? «В какой еще непонятной ситуации, Лебовский? Ты разведчик, твоя задача как раз и есть превращать непонятные ситуации в понятные и разьяснять обстановку!»

Значит примем текущие условия за данность, и будем действовать по обстановке.

Что мы имеем?

Бородатые братухи завтра собираются продать меня какому-то жирному пидору.

И я до сих пор не знаю, где конкретно нахожусь.

Что я буду с этим делать?

Может, сбежать прямо сейчас?

Я осторожно поднялся на ноги и бесшумно приблизился к арке выхода. Вжавшись в стену подкрался к решетке. Тусклого света бутылочного светильника из главного холла мне хватило, чтобы повнимательнее рассмотреть замок. Ну, такое... Пару минут возни, и я его открою. Правда, бесшумно вряд ли получится... Хотя...

Я несколько секунд всерьез пообдумывал этот план. Нормального инструмента для вскрытия замков у меня нет, придется импровизировать булавкой, которую я по привычке таскал пристегнутой к манжете толстовки. Впрочем, этому замку булавки будет вполне достаточно...

Нет.

Тем же путем я вернулся обратно в зал ожидания. Остановился рядом с Авторитетом. Тот навалился на одного из шестерок, который растянулся на трех сидушках, задрав задницу вверх, голова свесилась на плечо, рот широко открыт. Никакого следа вальяжного высокомерия, этакий Ваня-валенок из деревни под Рязанью. Понял, что мне тоже захотелось сунуть ему в рот дохлую мышь. Чтобы он проснулся утром, а у него хвост изо рта торчит.

Пожалуй, я хочу подождать развития событий. Допустим, сбегу я сейчас, и что будет? Понятно ведь уже, что тут какие-то другие правила, другие законы и даже деньги другие. Прямо сейчас я мало-мало интегрирован в социум, хоть и нахожусь где-то в самом низу пищевой цепочки. А если сбегу, то мне придется прятаться и изучать местное общество и его нравы исподтишка. Это дольше и менее надежно.

Так что, подождем.

Никакой очевидной опасности мое чутье мне все равно не подсказывало. Не гипотетического же жирного пидора мне опасаться в самом деле...

Я проснулся, когда понял, что кто-то осторожно трясет меня за плечо. Несколько секунд не открывал глаза, уже будучи в сознании, потому что вообще не помню, когда заснул. В первый момент была даже мысль, что это проводник в поезде меня будит, приехали, мол, просыпайся, Новосибирск. Расстроился даже немного. Потом удивился этому факту. Потом принялся, осознал, что сплю я на твердом полу, который не качается. И открыл глаза. Будил меня Бюрократ.

— Проснитесь, юноша, — прошептал он. — Вы кричали во сне, с вами все в порядке?

Кричал? Ну... Может быть. Я потянулся и сел. Осмотрелся. Остальные все еще спали. Е тех же самых позых. Я поднялся на ноги, помахал руками, разгоняя кровь в затекших мышцах. Попрыгал. Бюрократ молча наблюдал за мной.

— Я не помню вас в арестантском вагоне, юноша, — сказал он. — Как вы сюда попали?

— Меня никто не арестовывал, — ответил я и почувствовал, как заурчало у меня в желудке. Ну конечно. От ужина я вчера отказался, а до этого я жрал уже не помню, когда. И где... — Я по своей воле приехал. В универ поступать.

— Какой вы, однако, авантюрист... — Бюрократ посмотрел на меня... странно. — В Томск?

— Вроде того, — ответил я и подумал, что надо бы осторожнее в разговорах быть. По тонкому льду ведь хожу.

— А потом? — спросил Бюрократ.

— Что потом? — я устроился на сидухе и почесал щеку. Душ бы принять. И побриться... — Вернусь домой, буду работать по специальности.

— С дипломом томского университета? — Бюрократ посмотрел на меня еще более... странно.

— А что не так? Россия же... — осторожно сказал я.

Тут из угла раздался булькающий хохот. Потом он перешел в кашель. Проснулся один из жуликов. Поднялся на локте и тут же нахлобучил на растрепанные волосы круглую шляпу.

— Это в чьих это влажных фантазиях здесь все еще Россия? — откашлявшись, сказал он. Кажется, я опять ляпнул что-то не то. Мысленно дал себе подзатыльник. Много болтаю лишнего, а надо бы вопросы задавать. Поэтому я зевнул, пожал плечами и встал. Занес в воображаемую записную книжку «Сибирь не Россия». Ладно, допустим.

— А что, кормить-то нас с утра будут? — спросил я, чтобы тему разговора сменить. Подробностей, конечно, ужасно хотелось. Но я проямо всей кожей ощутил, что мои вопросы будут о чем-то настолько очевидном, что у собеседников обязательно возникнут подозрения. Не знаю, в чем они меня будут подозревать. В чем бы я сам подозревал человека, который внезапно не знает какой-то очевидной вещи?

Мои размышления прервал лязг решетки.

От завтрака я отказываться не стал, хотя это и оказалось такое же хрючево, как и вчера. Чутье молчало, придушенное голодом. Ну и логикой еще — какой смысл подсыпать снотворное днем? Схема была такая же — подходи по одному, получай миску и топай в свой угол жрать.

В диалоги я больше вступать не рисковал, но уши развесил. Правда, интересного ничего

не услышал — общались мои соседи по залу ожидания односложно и скупно. Но кое-какие выводы сделать все-таки удалось. Все они были осужденными, их погрузили в поезд, довели до Новониколаевска, выкинули на перрон и помахали ручкой. Где их уже и подхватили бородатые братья, вооруженные кто во что горазд. И дальнейшую свою судьбу они представляют крайне туманно.

Особо ждать дальнейшего развития событий не пришлось. Замок дважды щелкнул, дверь в решетке со скрипом открылась, раздались тяжелые шаги — в зал вошли четверо бородатых и незнакомая женщина. Мелкий звенел связкой цепей с браслетами. Гиена, Веня и Брежнев держали дробовики.

— Ша, рванина! — скомандовал Мелкий. — Быстро построились в ровную шеренгу!

Все вяло зашевелились, но никто не торопился выполнять. Один из бомжей оторвал зад от пола и встал на карачки. Оба жулика вообще не обратили внимания, потому что о чем-то там шептались. Авторитет сложил на груди руки. Собственно, встали со своих мест только я, Бюрократ и Медведь.

— Вам два раза повторять надо? — Мелкий потряс цепями. — Ну так я не гордый, повторяю. Встали быстро, рвань подзаборная! Кто останется сидеть, тот ляжет!

Веня меланхолично направил ствол дробовика в потолок и пальнул. От грохота заложило уши, с потолка в кучу бомжей шмякнулся увесистый кусок штукатурки. Один из них взвизгнул. Теперь сработало. Все спешно поднялись и потопали в центр зала. И даже довольно быстро построились в не очень ровную шеренгу.

— Моя голова... — ныл раненый штукатуркой бомж... Из-под ладони струилась кровь.

— Что там у тебя, чучело немытое? — Мелкий мотнул головой Гиене. — Степа, глянь!

Я не стал запоминать настоящее имя Гиены. Нафига? Все равно нам осталось общаться всего ничего. Тот подошел к бомжу, схватил его за руку и осмотрел рану. Бомж заорал и стал вырываться. Гиена отступил на шаг, поднял оружие и пальнул бомжу в лицо. Тот опрокинулся на спину. Моментально стало тихо. Даже слышно, как муха под потолком жужжит.

— Степ, ты охренел что ли? — Мелкий пошевелил рыжими бровями.

— А чо? Этих вонючек все равно только оптом покупают, — Гиена передернул затвор. — Одним больше, одним меньше...

— Логичный ты наш, — проворчал Мелкий. Впрочем, не было похоже, что он как-то особенно сердится.

— Да он все равно не жилец был, зуб на сало, — Гиена отошел от нашего строя и поводел стволом по сторонам. — Ему череп проломило, порченный товар.

— Вот сам тогда и выкинешь, — Мелкий подошел к ряду сидухек и стал аккуратно развешивать цепи с браслетами.

— А это еще кто такой? Я вчера его не видела, — вдруг подала голос женщина, на которую я сначала не обратил внимания. И, похоже, зря. Она была одета в длинное кожаное пальто, под которым был мужские серые брюки и белая рубашка. Рубашка перехвачена несколькими ремнями. Похоже, там как минимум две кобуры. Лицо было скорее хищным, чем красивым. Узкое, длинное, с длинным носом, тонкими губами и тонким подбородком. Волосы подстрижены длинным каре, чуть ниже плеч. Длинный палец указывал, разумеется, на меня.

— А! — Мелкий отвлекся от своего важного занятия и проследил за ее рукой. — Его Веня вчера поймал. Зацепер питерский, за приключениями приехал.

— Почему меня не разбудили? — женщина подошла вплотную и заглянула мне в глаза. спине сразу стало холодно, волосы на руках встали дыбом.

— Да что ж мы сами без рук что ли, Кира Васильевна? — Мелкий закончил раскладывать кандалы и развел освободившимися руками. — Проверили его, все чин-чином.

— И где результат? — женщина прищурилась и посмотрела на Мелкого.

— Сча... — Мелкий полез в карман штанов и достал оттуда мятую бумажку. — Степа сказал, что он такой же, как у всех.

Женщина вырвала у него из рук листочек, расправила и внимательно изучила. Мелкий и Гиена обменялись многозначительными взглядами. Гиена ухмыльнулся за ее спиной. Она снова подняла глаза и посмотрела на меня.

— Давайте его ко мне, перепроверю, — сказала она и отвернулась.

— Ну Кира Васильевна, опоздаем же к началу торга! — в голосе Мелкого зазвучали ноющие нотки.

— Ты спорить со мной будешь, вошь бородатая?! — она резко повернулась к Мелкому и выкинула вперед правую руку. Мне захотелось протереть глаза. Вокруг ее пальцев заплясали прозрачные голубоватые молнии. Мелкий отшатнулся, лицо его исказил страх. Остальные трое бородачей крепче ухватились за дробовики.

— Вы долго там еще будете возиться? — раздался из холла голос Папани. — Опоздаем же!

Напряжение резко спало. Во всех смыслах — Кира опустила руку, молнии погасли, братья расслабились, Мелкий неспешно направился к разложенным на сидучках кандалам.

— Ладно, хер с вами, обрыганы, — сказала Кира и направилась в сторону выхода.

— Руки вытянули вперед быстренько! — скомандовал мелкий, взял первую пару кандалов, с короткой цепочкой, и защелкнул их на запястья стоявшего первым одного из цыган. Когда очередь дошла до меня, я тоже послушно подставил руки. Уже прикинув, что освободиться от этих оков никакого труда не составит.

— Теперь все повернулись мордами вправо! — прикрикнул Мелкий. Строй команду более или менее слаженно выполнил, хотя и не все с первого раза. А Мелкий стал защелкивать кандалы на ногах — сковывал попарно. Одну ногу с тем, кто стоит спереди, другую ногу с тем, кто стоит сзади. То есть, шагать нам теперь предстояло в ногу, и никак иначе.

Когда Мелкий почти закончил, в зал ожидания вошел Папаня. Он тоже натянул кожаную куртку, а на растрепанных волосах красовалась кожаная же кепка. Он подошел к Кире и начал что-то ей вполголоса говорить. Отвечала она односложно, резко, но тоже негромко, разобрать не получалось. В конце концов Папаня стянул с головы кепку, несколько раз поклонился и полез в карман. Достал оттуда комок смятых купюр, принялся их аккуратно складывать. Кира нетерпеливо притопывала ногой, в конце концов, вырвала у него из рук все бумажки и толкнула его в грудь. Он попятился, еще несколько раз униженно как-то поклонился и подошел к Гиене. Они зашептались.

— Куда уставился, мозгляк? — гаркнул над ухом Мелкий и ткнул меня в бок. — Так, все! Слушать сюда! Сейчас я пойду вперед, а вы за мной! Шагать строго в ногу, правой-левой, правой-левой! Вы как, рванина, право от лева отличаете? Давайте, потопали!

Мелкий зашагал впереди, горланя команды. Строй двинулся за ним, бряцая цепями и путаясь в ногах. Веня пристроился к колонне справа, а Брежнев — слева. Замыкали шествие Гиена и Папаня. Я бросил взгляд на труп бомжа. Под головой натекла кровавая лужа, от

лица осталось сплошное месиво. Да уж, нравы...

Мы вышли из здания вокзала с противоположной стороны, и я с интересом стал глазеть вокруг. Небольшая площадь, если утоптанную землю в принципе можно так назвать, окружена унылыми приземистыми зданиями. Часть из них явно когда-то были складами, несколько жилых домов, правда, не особенно обитаемых. Дальше наш путь шел вдоль железной дороги, по пыльной колее. Мелкий кричал свое «Право-лево!», мы перебирали ногами. Приноровились быстро, колонна двигалась более или менее ходко. Я оказался примерно в середине строя, впереди меня — Бюрократ, за спиной — жулик.

Примерно метров через пятьсот мы подошли к мосту. Точнее — к его останкам. Более или менее сохранился только первый пролет. Его ржавые металлические балки торчали над высоким берегом, покореженные рельсы загибались вниз. Остальной же мост был или взорван, или сломался по каким-то другим причинам, причем произошло это уже очень давно. Сквозь рельсы железнодорожного полотна проросли уже весьма внушительные деревья.

Река была здоровенная. Мы спускались с высокого ее берега по глинистому взвозу, а везти нас, скорее всего, собирались на другой берег. Там раскинулся небольшой городишко — дома, лабазы, даже пара церквей с колокольнями. Что за река, интересно? Прямо здоровая же, не меньше километра в ширину.

И тут меня осенило. Новониколаевск же! Это Обь! Совсем с этими приключениями вылетело из головы, я же изучал историю Сибири. Новониколаевск — старое название Новосибирска. При царской России было, до революции. Я что, попал в прошлое?

Хотя странное какое-то прошлое, что уж...

Со мной поравнялся Папаня, который зачем-то решил нагнать Мелкого. Топал такой гордый, презрительно сплюнул пару раз. Я задумчиво проводил его взглядом, вспомнил, как он униженно кланялся перед женщиной в кожаном плаще.

— Интересно, кто такая эта Кира? — пробормотал я. С нами она, что характерно, не пошла.

— Никакая она не Кира, юноша, — через плечо бросил Бюрократ.

— А кто? — тут же уцепился я.

— Эй, ну-ка не болтаем! — рыкнул Брежнев и пошевелил бровями.

Глава 4. По ком звонит колокол

Поговорить получилось только после того, как мы погрузились на паром — здоровенную ржавую калошу, чадающую дымом из короткой трубы. Грузились мы со старого бетонного, потемневшего от времени и заросшего мхом причала, в который как раз дорога и упиралась. Мы были последними. Кроме нас на плоской палубе разместились четыре крытых телеги и один грузовик, по очертаниям напоминающий нечто среднее между старым ЗИЛом и полугоркой. На нашу процессию остальные пассажиры посмотрели совершенно равнодушно. То есть, скованные одной цепью пленники в сопровождении вооруженных бородачей здесь совершенно обычное дело. Ничего необычного, так сказать.

— Садись, рванина! — скомандовал Мелкий.

— А куда садиться-то? — спросил, кажется, кто-то из жуликов. Не тот, который был у меня за спиной, а дальше.

— На полу посидите, не баре! — Гиена заржал своим мерзким, похожим на кашель смехом. — Давайте шустро! Упали на жопы, ноги вытянули! Или в колено кому пальнуть, чтобы доходчивее звучало?

Ясен пень, никому не захотелось проверять, шутит он или нет, так что строй резво плюхнулся на пятые точки вдоль борта. Паром прогудел, двигатель зарокотал, и паром отчалил от берега. Я немедленно склонился к сидящему справа Бюрократу.

— Так что там про Киру? — спросил я.

— Никакая она не Кира, — повторил Бюрократ. — Это Катерина Федоровна Бенкендорф.

Видимо, он ждал моей немедленной реакции. Ну что, ж...

— Да ладно! — я сделал круглые глаза.

— А вот представьте, юноша! — Бюрократ со значением склонил голову.

— И как она тут оказалась? — задал я еще один вопрос в воздух.

— Известно что, — Бюрократ поднял к лицу скованные руки и поправил очки. — Мы с ней встречались года три назад, она тогда возглавляла московское отделение охраны. Странно, что она меня не вспомнила... Хотя нет, не странно. Я же не по ее делу проходил, просто предоставлял некоторые канцелярские дела, которые ее ищейки затребовали. А потом она куда-то исчезла. Ходили слухи, что она за границей агентурную сеть налаживает, а оказалось вот что...

— Как-то это не очень для карьеры, — сказал я иронично.

— Ох, друг мой, про Охранку никогда ничего нельзя говорить с уверенностью, — Бюрократ покачал головой. «Канцелярские дела, — подумал я. — А ведь я прямо в десятку попал! Интересно, за что его судили?»

— Да уж, не для средних умов, — я вздохнул. — Хорошо, что она ко мне не прицепилась. А что за проверки она устраивала?

— А вы разве не поняли? — Бюрократ удивленно поднял брови. — Автомат здесь, конечно, примитивный, но его сложно с чем-то перепутать...

— Мне ничего не делали, меня же позже поймали, когда Кира уже спала, — наполовину солгал я.

— Ах да, — Бюрократ снова посмотрел на меня странно. — Тестирование магических способностей, конечно. По указу Ее Величества с прошлого года никто, ими обладающий, не

имеет права покинуть пределы Российской Империи. Вот и проверяют.

— Блин, как сразу-то не догадался! — я хлопнул себя по лбу обеими ладонями сразу. Чтобы скрыть некоторое офигение на лице. Магические? Ее Императорское Величество? Ух! Прямо как в кино попал какое-то! Чем дальше, тем интереснее!

Гудок снова оглушительно взвыл, ржавое корыто парома подходило к правому берегу. Крестьяне разом затоптались более оживленно, залопотали, принялись выбивать спешно трубки, которые курили. Мелкий отлип от борта, у которого стоял и набрал в грудь воздуха.

— Поднимайся, рванина! — гаркнул он. — И быстро, быстро, а то сейчас весь проход займут телегами, мы за час на берег не слезем!

Рядом с причалом нас уже ждали. В бородатом типе в красной рубахе и кожаной жилетке без труда угадывался родственник Мелкого, Гиены и всех прочих. Он стоял, облокотившись на борт грузовика, похожего на шишигу по очертаниям.

— Что-то маловато сегодня товара! — сказал он, хлопнув Мелкого по плечу. — Фу, опять вонючее братство... Хотя вроде кто-то есть сегодня с Мундыбаша, сгребут всех скопом. Машину только мне провоняют.

— Не гунди, Аркаша, отворяй лучше кузов! — сказал Гиена и заржал. — Не убудет от твоей машины, она уже чем только не воняла!

Надо сказать, погрузка в кузов со скованными ногами — то еще развлечение! Я бы даже поржал, если бы ситуация была другая. Потом была недолгая, но тряская дорога, рассмотреть местность, по которой нас везли, особенно не удалось. Сквозь прорехи в пологе я успел заметить только несколько бревенчатых домов и парочку кирпичных двухэтажек весьма казенного вида. Потом шишигу крепко трянуло, и она остановилась. Мелкий и Гиена вскочили и откинули полог. Выходить нам, к счастью, нужно было на что-то вроде помоста. То есть, просто перешагнуть с кузова на деревянный настил.

— Ладно, я погнал! — бородатый краснорубах махнул рукой и полез обратно в кабину.

— Эй, стой! — окликнул его Папаня. — А ты с нами что ли не останешься?

— Не, батя, у меня халтурка подвернулась, я и так уже опаздываю! — он хлопнул дверцей, газанул, обдав нас облаком вонючего дыма, и уехал. Открыв, наконец-то, вид на площадь.

В дальней от нас части был обычный базар. Палатки, торговые ряды и все такое. Этот вид неизменен в любом времени и пространстве. А вот та часть, где нас высадили, была уже интереснее. Полукругом стояло несколько сцен-помостов. Шесть, если быть точнее. А напротив, таким же полукругом, стояли трибуны, вроде спортивных, сколоченные из досок. Над центральными двумя натянуты выцветшие полосатые тенты.

Если считать слева направо, наш помост был четвертым. На первых трех помостах стояли шатры-палатки, оставляя свободной только переднюю часть. На третьей в середине был поставлен столб, к которому как раз сейчас двое здоровенных детей привязывали девушку. И чтобы у них точно ничего не сорвалось, третий детина целился в нее из обрезка. Девушка, конечно, стоила того, чтобы на нее посмотреть. Одежда на ней была изодрана в клочья, что позволяло видеть, насколько могучей мускулатурой обладало ее белокожее тело. Кожа реально белая, как молоко. И на ней — множество ссадин, царапин и синяков. Видно, сопротивлялась она яростно. Собственно, одно только то, как она сверкала на своих пленителей ярко-зелеными глазищами, как бы намекало, что в другой ситуации она бы покрошила их на бешбармак. Или хотя бы на рагу. Кроме кубиков на прессе и внушительных

бицепсов, у нее были совершенно фантастические сиськи. Через разорванную одежду их можно было тоже рассмотреть во всех подробностях. И еще у нее была коса. Нет. КОСИЩА Толщиной в руку, цвета пламени, закатного зарева и апельсинов. Сейчас она была растрепанная, с кучей каких-то репьев и щепок, но даже в этом состоянии смотрелась фантастически. Никогда не видел таких волос!

— Кажется, я влюбился... — пробормотал я.

— Она выше вас на голову, юноша, — усмехнулся Бюрократ.

— Да и ладно, — я мечтательно вздохнул. — Это же мечта, а не девушка!

— Слюни подбери, мозгляк, — Гиена сплюнул с помоста. — Это Натаха-Холера, ей жить осталось от силы часа полтора. Наконец-то отловили гадину!

— Так это что ли Холера и есть? — спросил подошедший Мелкий. — А ты откуда знаешь?

— Да перекинулся парой фраз с Ибрагимом, — ответил Гиена. — Говорит, они ее в засаду заманили, а она троих завалила, даже спутанная в сети.

— Насмерть? — Мелкий вытаращил глаза.

— Нет, мля, они только до обеда мертвыми побыли, потом поднялись, — Гиена скривил рожу. — Конечно, насмерть, как можно еще завалить?

— А кого? — Мелкий посмотрел на девушку и причмокнул. — Хотя чего я спрашиваю? Я все равно этих черножопых друг от друга не отличаю. По мне, что Ибрагим, что Мустафа — один хрен. Новые понаедут...

— Злой ты человек, Емеля, — Гиена поцокал языком и картинно-укоризненно покачал головой. — Добрее надо быть к людям, чего они тебе плохого сделали?

— А хороша! — Мелкий не спускал глаз с рыжеволосой девушки. — Я бы ей засадил!

— Смотри, засаживатель, как бы у нее зубов в одном месте не оказалось, — Гиена тоже посмотрел на девушку. — Хотя такой и зубы не нужны, одной силой твое хозяйство расплющить может. И будет у тебя не елда, а блин. Или скорее хачапури. С яйцом, как Ибрагим готовит.

— Ой, да заткнись ты уже, шутник, — Мелкий пихнул Гиену в плечо. — Что с ней делать-то собираются?

— Камнями вроде забить, — Гиена пожал плечами. — Да, точно камнями. Вон они уже выкатили возок с бульжниками. Платишь белку — кидаешь камень. Народ такое любит.

Тут на колокольне, нависающей над площадью, истошно зазвонили колокола. Немелодично, без всякой системы. Как будто кто-то просто дергал их как попало. Впрочем, почему как будто-то? Скорее всего, так оно и было... Все тут же засуетились и пришли в движение. На трибуны потянулся всякий разный народ, на аншлаг не похоже, но в целом достаточно, чтобы составить некоторое представление о публике, которая здесь собирается.

Правда, впечатления получались довольно путанные, как будто здесь собрали паззл из нескольких разных коробок. Например, крестьяне с телегами, торгующие овощами, яйцами и мешками с зерном (или что там еще крестьяне продают в мешках?), выглядели как картинки из учебников истории — груботканые рубахи, подпоясанные чуть ли не веревками, шапки какие-то бесформенные, штаны мешком... Хотя на ногах при этом не лапти, а всякое другое. Кирзовые сапоги, например, или стоптанные армейские ботинки. Или вообще кроссовки почти привычного для меня вида.

Другая разновидность публики — здоровенные мужики, вроде братьев-бородачей, одетые в стиле «охотничье милитари». Штаны-карго, опять же, кирзачи, жилеты-разгрузки. И обвешаны оружием еще. Женщин было не очень много, среди селян попадались дородные такие бабищи.

После того, как зазвонил колокол, стала появляться публика другого сорта. Эти мужики были одеты в какое-то подобие деловых костюмов. Почти такие, к каким я привык — брюки, пиджак, жилетка. Галстуков ни на ком не увидел, похоже, в моде шейные платки с блестящими заколками. И шляпы еще на всех. Дурацкие круглые соломенные, типа как на жуликах, обычные такие, типа как в гангстерских боевиках, или даже котелки. Самый колоритный тип явился в шубе. Нет, серьезно, я сначала даже глазам своим не поверил! На улице июль, градусов двадцать пять уже, а он в шубе. И не просто в шубе, а из леопарда. Не знаю, настоящего или искусственного. Он прошествовал на одну из средних трибун, жирный, как боров, за ним двое явно слуг, одетых в блестящие ливреи. Один тащит опахало. Второй — кувшин в оплетке. А дальше за ними еще охраны человек шесть. Я хихикнул.

— А что ты ржешь, мозгляк? — Мелкий повернулся ко мне. — Это, если что, твой будущий хозяин топает. Вельможный господин Шпак. Плантатор и меценат.

— Да брешут про мецената, — Гиена снова издал этот свой кашляющий гогот. — Это он бордель финансирует под видом приюта. В смысле за услуги платит, а не держит. Приходит и спасает юных мальчиков от голода. А эти пидоры манерные и рады стараться.

— Фу, Степа, вечно ты какие-то ужасы рассказываешь, — Мелкий вытащил из ножен на поясе нож и принялся ковыряться им в зубах. — Пугаешь нам мальчишку...

— Зато смотри как жирдяй его глазами жрет уже! — Гиена мотнул головой в сторону усевшегося на скамейку толстяка в леопардовой шубе. — Сейчас слюни пузырями начнет пускать!

По красному лицу Шпака текли струи пота, несмотря на старания парня с опахалом, шеи не было видно из-за трех подбородков, а брюхо лежало на толстых ногах, накрывая их почти до колен. Да уж, красавец. И в бордель ходит? Хм, уважаю. Таковую тушу, должно быть, и до сортира-то донести целая экспедиция... Но смотрел этот жиртрест и правда в мою сторону. Жирно так смотрел. С вождением.

Справа началась суматоха. Из патра вынесли несколько клеток. Я вытянул шею, чтобы разглядеть получше, что там в них. Ага, медвежата. На край помоста вышел зазывала. В красной рубахе и черной жилетке. С шапкой густых черных кудрей и огромным кольцом в ухе. Похож на цыгана. О, значит это помост соплеменников моих «сокамерников». Я глянул в их сторону. Радуются или нет? Может их свои же и выкупят?

Троица сбилась в плотную кучу и что-то горячо шепотом обсуждала. Я прислушался, но ничего не понял. То ли шум толпы мешал, то ли говорили они на каком-то своем диалекте. Что-то не похоже, чтобы они радовались. Глаза сверкают неподдельной такой ненавистью, а руки то и дело дергаются, как будто каждый из них хочет выхватить нож. Хм. Странно. Никогда не думал, что одни цыгане могут не любить других цыган. Хотя я про них вообще ничего, кроме «Айнанэ!» не знал, так что ничего удивительного.

Гулко застучал барабан. Цыган на помосте стал подхлопывать ему в ладоши, привлекая к себе внимание. Сейчас будет какое-то шоу, наверное...

Я приготовился бездумно глазеть, но внезапно напрягся. Волосы на затылке встали дыбом, кожа на руках покрылась мурашками. Чутье подсказывало мне, что готовится какая-

то заваруха. Я еще не знал точно, какая и почему, но оно меня никогда в жизни не обманывало.

Оглядел внимательно площадь. Народу много, но топчутся кучками, а не сплошной толпой. Правая часть площади ограничена кирпичными стенами лабазов. Глухая стена, можно сказать. Прямо, за трибунами, базарные ряды. Слева там еще стоит несколько телег, которые подъехали чуть позже нас. Похоже, те, что с парома спустились. Вооруженных людей — до хренища. Обрезы, карабины, дробовики, ножи, кинжалы, топоры. Лопаты и вилы тоже присутствуют. Где же здесь опасность?

С левой стороны площади — несколько домиков разной высоты, жмущихся друг другу, будто им мало места, вот они и притиснулись так тесно, что между ними не то, что человек не пролезет, но и кошке, пожалуй, места не хватит. Значит выходов с площади всего два — узкая улочка, по которой приехали мы. И в дальней части, за базарными рядами, рядом с колокольней. Значит в случае шухера все ломанутся в наш выход. Будет давка, толчея и неразбериха. Я вывернул голову, чтобы посмотреть, что за спиной. Там тоже были лабазы, но перед ними — несколько деревянных построек, в которых безошибочно угадывались уличные сортиры.

Я посмотрел на бородатых братьев. Кажется, они были чем-то озабочены, сгрудились в кучку и что-то обсуждают. Вот и славно. На меня никто не смотрит, сижу я удобно, поджав под себя ноги. Я незаметно отстегнул булавку от толстовки и опустил руки к кандалам на ногах. Правая нога... Замок послушно скрипнул, я незаметно вывел браслет из паза, но с ноги убирать не стал, чтобы не заметили случайно. Я бросил пару взглядов по сторонам. Никто не наблюдает? Никому не было дело. Бюрократ и Медведь слушали, как заливается соловьем цыган-зазывала, расписывая достоинства медвежонка как защитника жилища, и обещает в скором времени показать на какие чудеса способен взрослый медведь. Кроме того, из второго шатра вышла полуодетая девица с огромными сиськами. В другое время я бы на нее тоже поглазел. Но сейчас у меня на очереди левая нога. Не хватало еще в заварухе со связанными ногами оказаться. Замок щелкнул. Я был свободен. В любой момент можно скатиться с помоста в толпу или...

В этот момент слева грохнул выстрел. Затем второй. Завизжали бабы. Немногочисленные, зато громко. Над компашкой в меховых шапках поднимался пороховой дым. Кто-то кинулся бежать, споткнулся, рухнул под ноги другим бегущим.

Бабах! Третий выстрел. Уже вполне прицельно. Мелкий, стоявший у самого края помоста, опрокинулся на спину, будто ему в грудину со всего маху двинули кувалдой. Голова стукнулась о доски прямо рядом с моим коленом.

Грудь разворочена просто в мясо. В глазах — недоумение и обида. Губы кривятся. Он протянул в мою сторону руку с ножом, потом его пальцы разжались. Я быстро выхватил оружие из его ослабевшей руки и одним движением сунул в рукав. Брежнев бросился к Мелкому, что-то крича.

Грохнул еще один выстрел. Потом с другой стороны площади раздался громкий хлопок, и ту ее часть сразу заволокло желто-серым дымом.

Пора сваливать с этой сцены, в общем, как-то тут под обстрелом неуютно!

Я кувыркнулся назад и скатился в пыль между помостом и сортирами.

Глава 5. А теперь — дискотека!

Теперь еще один быстрый пережат — и я под помостом. Еще одно «бабах!», прямо над головой, и на том месте, где я только что был, взметнулись облачка пыли. Над головой загрохотали тяжелые шаги. Я осторожно прополз под стропилами помоста. Надо бы разомкнуть наручники, но пока не до того. Наверху происходила какая-то беспорядочная возня и грохот.

Я выглянул с правой стороны. И столкнулся взглядом с зеленым пламенем в глазах рыжеволосой Холеры. В суматохе про нее все как-то подзабыли, посчитав надежно привязанной. Ее красивое суровое лицо исказилось от напряжения, побелевшими пальцами правой руки она пыталась дотянуться до сложной мешанины узлов, которые накрутили на ее запястьях. Вроде в мою сторону никто не смотрел, так что я высунулся из-под помоста и покрутил головой вправо-влево. Бабахнули еще три выстрела подряд. В стороне. Такое впечатление, что тут случилась не одна заварушка, когда кто-то нападает с какой-то очевидной целью, а несколько разборок слились в одну. Просто кто-то один начал стрелять, а все остальные были уже настолько на взводе, что сразу же восприняли на свой счет и похватались за стволы тоже.

Впрочем, тем лучше.

Я быстро переполз небольшое открытое пространство между помостами. Представляю, как это со стороны выглядело — извиваясь змеей с вытянутыми вперед руками. Похоже, зрителей не оказалось, никто по мне не стрелял. Все занялись более актуальными делами.

Я присел на корточки с задней стороны помоста. Так, надо избавиться уже от долбучих браслетов, дело пары секнуд, а я... Да блин! Булавки не оказалось на обычном месте. Похоже, отвалилась, пока я прыгал и катался.

Я встал и высунулся из-за помоста. Отлично! Отлично! Пыль стоит столбом, немного маскируя нас от всей остальной толпы. Я взобрался на грубые доски и, не поднимаясь, подполз к столбу сзади. Достал нож из рукава и принялся пилить веревки, притягивающие к столбу лодыжки девушки. Смотрю по сторонам периодически, чтобы не пропустить чего-нибудь важного, например, направленный в свою сторону дробовик.

На соседней «сцене», в смысле, той самой, с которой я спрыгивал, бородачей не осталось. Ну, если не считать мертвого Мелкого. Остальные куда-то делись. Мои бывшие «сокамерники» все легли, кто из них жив, кто мертв — непонятно. А разглядывать мне было некогда.

Последние волокна колючей джутовой веревки лопнули под ножом. Сука этот Мелкий, мог бы и получше за ним следить. Туповато лезвие, да и пятнышки ржавчины еще...

Я поднялся на ноги.

— Не шевелитесь, барышня, — говорю. — А то могу пальцы порезать случайно.

Она была выше меня примерно на полголовы. И в плечах пошире. Настоящая великанша, валькирия. Я пилил ножом веревки, а сам косился на ее фантастическую косу. Какие волосы, офонареть можно!

Бахнул еще один выстрел, теперь пуля свистнула прямо над ухом. Я успел покрыть себя трехэтажным матом, но тут моя валькирия рванула напрягла мышцы на руках, и веревка, перепиленная едва только на половину, лопнула. Один ее рывок, и вот мы уже кубарем катимся в щель между двумя помостами.

— Ты кто такой? — быстро прошептала она, размыкая тесные объятия.

— Пожалуйста, — пробормотал я, отползая в сторону сортиров.

Выстрел, хрипяще-булькающий крик, на «нашу» сторону помостов рухнул мужик в красной рубаше. Он был не первым, несколько тел там уже валялось.

— Куда это ты намылился, мозгляк?! — сказал внезапно возникший между помостами Папаня. Я развернулся, сразу уходя в сторону от удара. — Ах ты сучок, шустрый какой!

— Сеня, он тут! Я его нашел! — заорал он. Кого там из бородатых братцев звали Сеня, я не помнил, да и пофиг. Я бросился вперед, но Холера меня опередила.

Ее кулак впечатался в лицо Папани с мерзким шмякающе-хрустящим звуком. Папаня мешком рухнул на пыльную землю.

— Баать? — раздалось сверху. — Что за нахрен?

Бахнул выстрел. Вот прямо совсем рядом, щепками мне щеку расцарапало. Да блин!

Я рванул под помост. Наверху щелкнул затвор. Куда делать Холера — я уже не стал следить. Барышня взрослая, сможет сама о себе позаботиться.

Я ужом пополз под помостом. Над головой снова затопали ноги и заорали незнакомые голоса. Так. Бородатому Брежневу (кажется, это он стрелял), снова не до меня и есть, чем заняться. А мне надо расстегнуть чертовы браслеты! Сука, как же неудобно. Я подтянул локти под себя и огляделся. Площадь от меня была скрыта натянутой парусиной, наверху происходил какой-то движ с ругательствами на непонятном языке, а вот возле сортиров все еще никого не было, кроме неподвижных тел нескольких неудачников, которых снесло туда выстрелами.

Я неловко развернулся в узком пространстве между грубыми деревянными брусками. Кажется, насобирали заноз в правый бок, да и хрен с ними.

Выполз, вскочил, юркнул за сколоченную из досок ширму сортира, заменяющую дверь, и...

Кажется, я чекнул удачу только что. Кулак остановился всего в паре миллиметров от моего лица. А как освобожденная мною барышня крушит черепа, я уже имел возможность лицезреть.

— А, это ты, — говорит.

— Мне надо избавиться от браслетов, — говорю. — Есть что-нибудь... Фу, ну и воняет тут, конечно...

— Я забыла сказать тебе спасибо, парень, — сказала девушка.

— Да ерунда, — отвечаю. — Любой нормальный мужик на моем месте так бы поступил.

Говорю, а сам изо всех сил стараюсь на ее сиськи не смотреть. А это не так-то просто сделать, учитывая, что из-за разницы в росте они как раз у меня перед глазами, и из прорехи справа выглядывает нежно-розовый сосок.

Я облизнул резко пересохшие губы.

— Богдан, — говорю.

— Натаха, — она стукнула себя кулаком в грудь. Так, надо сосредоточиться на браслетах, сосредоточиться на браслетах. Угораздило же меня потерять булавку...

Снаружи рухнуло чье-то тело, потом раздался крик, и еще одно падение. Не отвлекаться, нужен хотя бы гвоздь или что-то подобное... Но ничего, как назло не находилось.

— Надо придумать какой-нибудь путь к отступлению с этой площади, — говорю, пиная

кучи каких-то опилок, засохшего навоза и еще какого-то мусора. — Тут как-то суматошно на мой вкус.

— Прорвемся через Кузнецкую улицу, там за Каменкой будут развалины казарм, можно там укрыться, хрен найдешь.

— Знаешь дорогу? — спросил я.

— Знаю, — Натаха кивнула, села на корточки, отбросила за спину косу и принялась растирать потемневшие от веревок лодыжки.

— Тогда ты за рулем, — я высунулся наружу. Между помостом и сортиром раскинувшись в позе морской звезды лежал труп одного из цыган. Рубаха с левого бока промокла от крови, на горле — зияющая рана во всю ширину. Горло перерезали и нож в печень, чтобы уж наверняка. А в полуметре от него скрючившийся Бюрократ. Видимо пытался отстегнуть браслет на ноге. Похоже, убитого цыгана столкнули или он сам рухнул, когда умер, а Бюрократ следом упал. Я быстро нырнул обратно в сортир.

Я все еще был в наручниках. А снаружи опять послышался не самый приятный шум. Звук удара, потом звон цепи, потом голос Гиены:

— Где этот сучок, очкарик?!

Бюрократ что-то проямлил, но я не расслышал.

— Я точно помню, что он был к этому браслету пристегнут! Куда он делся?! Это ты ему помог?!

Я заметался вдоль дощатой стены, выискивая щель пошире, чтобы не высовываться. Диспозиция немного поменялась — теперь Бюрократ сидел, прижавшись спиной к опоре помоста, а Гиена стоял между ним и мной и целился в него из дробовика. Точнее, не целился, а просто держал дробовик примерно в его сторону. Если прямо сейчас выстрелит, то скорее всего мимо.

Раздумывать было особо некогда, так что я выскочил из за стены и прыгнул к бородачу на спину. Услышав напоследок шипящий окрик Натахи.

Эх, как говорил товарищ майор: «Лебовский, вот все в тебе отлично! Ты и сильный, и ловкий! Но легкий!»

Гиена был меня выше на голову и примерно вдвое тяжелее. Я перекинул цепь от браслетов через его голову и изо всех сил потянул руки на себя. Для усиления эффекта еще и коленями в спину уперся.

Дробовик бабахнул куда-то в молоко, потом Гиена его сразу же выронил. От неожиданности скорее. Конечно же, его бычья шея не сломалась. Он захрипел, принялся молотить затылком назад, но, к счастью, ни разу всерьез по мне не попал. Локтями несколько раз прилетело по бедрам, синяки, наверное, останутся.

А потом он догадался, что надо упасть на спину. И со всего маху грянулся об пыльную землю. Из меня на секунду вышибло дух, но не весь. Руки я не разжал, продолжая давить на шею. Ничего уже толком не видел и не слышал, но тут Гиена вдруг обмяк и завалился на бок.

Я вытащил из под него ногу, и по-быстрому пошевелил всеми конечностями, чтобы осознать, не сломал ли он мне чего. Вроде все было на месте, хоть и некоторые части тела побаливали.

Так, наручники! И еще надо Бюрократа освободить, хороший мужик. Хотя не знаю, с чего я так решил. Огляделся по-быстрому, наклонился к Гиене, сунул руку в нагрудный карман рубахи, нащупал что-то тонкое и острое. Кусок какой-то проволоки. Бывшая скрепка, которой он в зубах ковыряется? Да пофиг!

Зажал эту штуку в пальцах, зубами выпрямил до нужного состояния, сунул в замочную скважину. Щелк! Перевел взгляд на Бюрократа. Тот сжался в комочек, кажется, стараясь отползти под помост.

— Не ссы, Бюрократ, — говорю. — Сейчас тебя освобожу тоже!

— Богдан! — раздался со стороны сортира громкий шепот Натахи. — Что ты там возишься?

Я присел на корточки и принялся ковыряться в замке на кандалах Бюрократа. А он в это время испуганно смотрел куда-то мне за спину. Быстро оглянулся. Ну да, Натаха выглядела довольно угрожающе.

— Зачем тебе этот тип? — говорит.

— Не оставлять же его на верную смерть, — отвечаю. Тут замок наконец-то поддался, и я вскочил. — Давай, мужик, поднимайся!

Бюрократ перевалился на четвереньки. Натаха тем временем подхватила дробовик Гиены. Молодец, девчонка! Никаких лишних вопросов! Бюрократ попробовал подняться на ноги, но неловко взмахнул руками, вскрикнул и повалился на бок.

— Нога... — застонал он. Я бросил взгляд на Натаху. Та вскинула дробовик, дернула цевье на себя и выстрелила. Черноволосый мужик в пальто, пытавшийся протиснуться между двумя помостами, упал на землю пыльным мешком. Кажется, это был один из тех, кто привязывал Натаху к столбу.

— Держи ружье, — девушка перекинула мне оружие и быстрым прыжком подскочила к Бюрократу. Он успел что-то протестующе пискнуть, но она уже сграбастала его за ремень брюк и лацкан пиджака и вскинула на плечо. Распрямилась. — Ходу!

Дробовик был пуст. Ну ничего, можно использовать как дубинку.

Улица была не перекрыта. Ну, то есть, там стоял грузовик, но не поперек, а впритирку к стене лабаза. Так что проход остался свободным, только рядом с ним топтался какой-то парень, который даже не успел поднять обрез. Натаха выскочила на него, и снесла с ног одним движением левого локтя. Я перескочил через бесчувственное тело, не особо разбираясь, выжил он после ее удара или нет. На всякий случай пнул обрез в сторону, и он улетел в пыльные лопухи.

— Вон он! — раздался чей-то крик сзади. Бахнул выстрел, потом еще один, но оба куда-то даже не в нашу сторону. Раздался тяжелый топот нескольких пар ног. Натаха припустила еще быстрее. Да как она ухитряется нестись с такой скоростью с Бюрократом на плече?! Он мужик, конечно, subtilный, но роста вполне нормального. Я быстро оглянулся. Преследователей было трое. Бородатый Брежнев и два типа в кожаных пальто. Ничего больше я рассмотреть не успел. Бежали эти гады довольно быстро.

Натаха быстро прыгнула вправо, прямо сквозь кусты. Не задумываясь, нырнул за ней. Через пролом в стене мы оказались внутри пустого склада. Свет сюда проникал через провалившуюся крышу, пол усыпан кучами какого-то хлама. Натаха перескочила через наваленные доски, потом с трудом втиснула себя и свою ношу между двумя ржавыми контейнерами. Впереди я увидел дверь. А сзади слышал голоса.

— Эй, парень! — громко сказал Брежнев. — Как там тебя? Боня! Ты чего убежать-то удумал? Выходи, мы тебя не обидим! Тут ребята с тобой поговорить хотят...

Натаха замерла и посмотрела на меня. Мотнула головой, указывая на дверь. Я подкрался на цыпочках и осмотрел петли. Похоже, кто-то их недавно смазывал. Толкнул аккуратно. Дверь послушно открылась. Практически бесшумно. Я пропустил Натаху с Бюрократом

вперед, вышел следом. Прикрыл дверь и огляделся. Нужно было что-то... Что-то... Вот, точно! Подобрал сучковатое полено и подпер дверь снаружи. И припустил за Натахой, которая уже приближалась к следующему повороту.

Заброшенные казармы оказались настоящим лабиринтом из длинных кирпичных домов, складов с глухими стенами, деревянных сараев и непонятного назначения пустырей. Натаха перешла с бега на шаг, но топала весьма уверенно. Так что я, не задумываясь, следовал за ней, следя за спиной. Никто больше нас не преследовал, но эти руины, похоже, были обитаемыми. Гора мусора с весьма свежими консервными банками. В просвете справа натянута веревка, на которой болтается какое-то тряпье. Кусты, которыми зарос полуразвалившийся дощатый сарай, подозрительно зашевелились, когда я повел дробовиком в их сторону.

Наконец Натаха остановилась и осторожно опустила Бюрократа на землю.

— Извини, что так грубо, мужик, — сказала она.

— Ничего... — он перевел на меня диковатый взгляд и икнул. — Сп... Спасибо.

Натаха деловито принялась разбирать завал из досок, прикрывающий дверной проем в небольшом двухэтажном доме, который выглядел более или менее целым.

— Мы тут устроили схрон на случай всякого, — сказала она. — Но надолго здесь лучше не задерживаться. Если начнут вдумчиво искать и местную рвань расспрашивать, то сдадут как нефиг делать.

Дверь скрипнула и открылась. Изнутри пахло кирпичной пылью и мышами. Натаха подошла к Бюрократу и протянула ему руку.

— Опирайся на плечо, мужик, — сказала она, быстрым рывком подняв его на ноги. Он попытался встать на больную ногу, скривился от боли и повис на Натахе. Наверное, кандалами сломало, когда он падал... Она обхватила его за талию и поволокла внутрь. Он едва успевал переставлять здоровую ногу.

Я вошел следом.

— Отходить можно через вон то окно, — Натаха махнула рукой в сторону квадратного оконного проема без рамы, густо заросшего с внешней стороны кустами. — И еще через второй этаж, там есть лестница.

Девушка подвела Бюрократа к полосатому тюфяку в углу и помогла сесть. Выпрямилась, откинула косу за спину. Вернулась к двери, захлопнула ее и задвинула засов.

Я осмотрелся. Похоже, что здесь был штаб или что-то вроде. Когда-то окон в этом конкретном помещении было три, но два проема заложили кирпичной кладкой. Слева от двери зиял темный провал коридора, там, кажется, была еще одна комната и лестница наверх. Кроме тюфяка здесь имелась куча всякого деревянного хлама, сваленного в углу рядом с дверью — спинки от кроватей, ножки столов, сломанные стеллажи, просто какие-то доски и палки. Дрова? Ну да, конечно... Вот же печь в другом углу. Ржавая буржуйка, должно быть, ей лет сто, не меньше.

Натаха присела на полу и подцепила пальцами одну из досок пола. Аккуратно вынула ее и поставила рядом. Достала из тайника небольшой сверток, завернутый в что-то вроде промасленной бумаги и перетянутый пеньковой веревкой.

Бюрократ закатал штанину и осматривал поврежденную ногу. Блин, если она все-таки сломана, то у нас проблемы!

— Дай гляну, — я присел рядом. Кожа была содрана, ступня неестественно вывернута. — Везет тебе, Бюрократ! — говорю. — Вывих, ничего страшного. Сейчас

вправим. Зубами зажми что-нибудь, чтобы не заорать.

Я подобрал деревяшку и сунул в руку Бюрократу. Клацнул зубами, подсказывая, что надо делать. Он подчинился.

— Короче, сейчас будет немного больно, но зато потом сможешь сам ходить, — сказал я и снова присел рядом с его вытянутой ногой. — На счет три дерну. Готов?

Он замотал головой и зажмурился.

— Раз... — сказал я и дернул его ступню на себя. Сустав с щелчком встал на место, Бюрократ замычал, из глаз его брызнули слезы. — Все, уже все! Давай, пошевели пальцами!

— Слушай, Богдан, — сказала Натаха, все еще державшая в руках сверток. — А ты хоть кто такой? И почему за тобой гналась Охранка?

Глава 6. Карты на стол. Или нет?

«Хорошо бы мне тоже знать ответ на твой вопрос, Натаха...» — подумал я. Но вслух, ясен пень, сказал совсем другое.

— Скажем так, я не очень хочу встречаться с ними лицом к лицу и разговаривать по душам, — я сел на тюфяк рядом с Бюрократом. — Я так понимаю, нас можно поздравить с успешным бегством? Может, теперь познакомимся уже? И поделимся планами? Вы как? Натаха?

— Ну... — она пожала плечом. — Можно.

Я посмотрел на Бюрократа. Он все еще был бледным, но уже приходил в себя.

— Ты как, Бюрократ? — спросил я. — За что тебя, кстати, выслали? Я же правильно понял, что ты приехал в Сибирь не по своей воле?

— Верно подмечено, юноша, — он поправил очки, которые каким-то чудом все еще сидели у него на носу и даже не разбились. — Меня зовут Клаус Маркович Витте. Я служил в московской канцелярии по делам торговли. Так что прозвище, которым вы меня наградили...

— Так ты графского рода? — перебила его Натаха. — Ничего себе!

— Да, барышня, графского, — Бюрократ криво усмехнулся. — Странно, что вы это знаете.

— Странно, что вы называете меня барышней, — буркнула Натаха и принялась развязывать сверток. — Я Натаха. Ну или Холера, как вам больше нравится.

— Хорошо, эээ... Натаха, — Бюрократ пожевал губу. — В общем, я служил в чине титулярного советника, так что прозвище, которым вы меня наградили, в каком-то смысле отражает род моей деятельности.

— А выслали из Империи вас за кляксы в документах? — Натаха засмеялась. Из свертка выпали какие-то тряпки, тоненькая пачка купюр, перетянутая веревочкой, костяной гребень и небольшой кожаный мешочек.

— Подождите, уважаемая Натаха, я изо всех сил пытаюсь подобрать слова, чтобы вы не заскучали от подробностей моей работы, — Бюрократ поправил очки. Как он там сказал его зовут? — Кстати, я забыл вас поблагодарить за спасение. Это было неожиданно, но очень кстати.

— Еще неизвестно, надо ли за это благодарить, — хмыкнул я. — Теперь ведь мы беглые, получается.

— Это гораздо лучше, чем та судьба, которая сложилась бы у меня здесь при другом раскладе, — сказал Бюрократ. — Если бы меня не застрелили в суматохе, то продали бы какому-нибудь куркулю в хозяйство или на прииск или карьер. Оптом с теми вонючими доходягами. Возможно, в перспективе я бы смог доказать хозяину свою полезность, но до тех пор у меня еще надо было бы дожить, а я к суровым условиям никак не приспособлен.

В этот момент Натаха скинула свои рваные лохмотья и я перестал воспринимать, что там говорил Бюрократ. Ее белоснежная кожа в сумерках выглядела светящейся, даже многочисленные шрамы и ушибы ее не портили. А под нежным белым шелком перекачивались совершенно неженские мускулы. Кровь отлила от головы, и я порадовался, что застал это зрелище сидя. Она наклонилась, чем вызвала у меня еще большую бурю эмоций, подняла с пола одну из тряпок и натянула на себя. Это оказалось простое синее

платье, отделанное желтой тесьмой. И оно скрыло от меня божественное видение нагой валькирии. Но оно все еще стояло у меня перед глазами. Уфф...

— ...важно знать несколько вещей, — вернулся в мою реальность голос Бюрократа, который все это время, оказывается, продолжал вещать. — Во-первых, согласно циркуляру номер триста сорок семь дробь четыре, визировать лицензию бизнеса из красного списка имеет право только регистратор с дворянским достоинством...

Тут Натаха принялась расплетать косу, и я снова пропал. Огненные пряди струились между ее пальцами, спадая по плечам и спине до упругих круглых ягодичек. Они, конечно, были скрыты скучной синей тканью, но я-то знал, как они выглядят! Потом она взяла гребень...

— Богдан, вот скажите, вам случалось быть в доме терпимости? — спросил Бюрократ и тронул меня за плечо.

— А? — я вздрогнул и снова вернулся к реальности из мира своих сладких грез. Несколько секунд мне понадобилось, чтобы сообразить, что «дом терпимости» — это то же самое, что и бордель. — Как-то нет, предпочитаю любовь по согласию, а не за деньги.

— Так вот, на каждом доме терпимости есть специальный знак, получить который хозяин такого заведения обязан, чтобы иметь право работать в этой индустрии, — вещал Бюрократ. — Да, львиная доля прибыли будет уходить государству, но...

— Слушайте, так вы взяточник? — сказал я.

— Взятки, пф... — Бюрократ презрительно выпятил губу. — Взятки это слишком мелко.

Он снова ударился в витиеватые объяснения, из которых я понял, что к нему обращались за консультациями, как укрыть не очень законный бизнес от бдительного ока государства, а он предлагал работающие схемы. Взмахом его прыткого пишущего пера бордели превращались в приюты белошвеек и клубы домохозяек, наркопритоны приобретали шик и лоск благообразных домов престарелых и ассоциации любителей кошек, а торговля оружием примеряла маску невинной забавы для изготовителей реалистичных макетов.

— И в один прекрасный день эта схема на чем-то погорела? — с интересом спросил я.

— Не совсем, — лицо Бюрократа стало мрачным. — Однажды ко мне пришел один человек, который предложил заняться совместным бизнесом. А чтобы собрать должный капитал, мы открыли акционерное общество на подставное лицо. Схема выглядела очень грамотной, так что я согласился. Вот только я не знал, что человек этот давно был на крючке у Охранки. Вот и... В общем, меня обвинили в мошенничестве и предложили выбрать между смертной казнью и изгнанием в Сибирь. Вот так я оказался здесь.

— Натаха? — я повернулся к девушке, которая все еще любовно водила по своим роскошным волосам костяным гребнем.

— Моя история гораздо банальнее, я в Сибири родилась, — сказала Натаха. — Когда мне было двенадцать, моя мать хотела продать меня в бордель, но я убежала. Мыкалась всякими подработками, пока не встретила Звоняря. Ватажника из Фигляров. Их команду тогда почти перебили где-то Барнаульской волости, а он сбежал. Попытался приставать, но я сломала ему нос. А потом к нам прибился еще один парень, Прошка. Так мы и стали работать вместе. Нанимались на всякие дела, охранять, там, кого. И все такое...

— А к столбу ты как попала? — спросил я.

— Так это Матонин устроил... — она опустила глаза, лицо ее стало печальным.

— Матонин? Глеб Егорович или Аристарх Сидорович? — заинтересованно спросил

Бюрократ.

— Да нет, они сидят в своем Красноярске и не высовываются оттуда, — Натаха махнула рукой. — У них там прииск, фабрика и прочие дела. Твердыня, в общем. И один только мудака всю малину портил. Младшенький, Юрий. Вот они и отправили его в Новониколаевск, чтобы он тут устроил что-то вроде филиала. Он привез с собой Беков, — Натаха посмотрела на нас, увидела, что мы не понимаем, о чем она. — Ну, Беки — это такие головорезы чернобородые. Всякие там Ибрагимы, Мустафы, Абдуллы. Сами они так себя не называют, конечно. В общем, он приехал, застолбил себе место в районе Матвеевки и взялся устраивать что-то вроде торгового дома. Местные купцы, они, конечно, Матониным в подметки не годятся, но собрались вместе и наняли нас. Чтобы мы Юрию мешали. В общем, два месяца мы пили ему кровь, а потом... — Натаха сглотнула. В уголке глаза появился слезинка. — А потом попались в ловушку. Да еще и так по-тупому, даже самой стыдно. Короче, Прошку и Звоняра сразу убили, а меня подержали немного в подвале, а потом на Базарную площадь повезли. Наверное потому что насиловать ни у кого из них хрен не дорос! — слезы высохли, глаза яростно сверкнули. — Собирались камнями забить на потеху толпе. Ну а тут ты... И вообще это все.

— То есть, если я правильно понял, ни у кого из вас нет никаких обязательств сейчас? — спросил я, пытаюсь сложить в голове какую-нибудь убедительную легенду для себя, любимого. Ну и собрать хоть чуть-чуть картину местного мира. Значит, есть Российская Империя и есть Сибирь. И второе вовсе не часть первого. Где-то там за Уралом царит ордунг, работают канцелярии, лицензируется бизнес и вообще государство. А здесь царит некий первозданный хаос, все живут сами по себе, кто сильнее, тот и бьет в дычу. Названия знакомые, реальность разительно отличается. В оригинальное же место меня занесло...

— Никаких, — Натаха покачала головой и стала заплетать свои роскошные волосы в косу. — Думала денег скопить, но не получилось. Так, слезки.

— Разумеется, пока я ехал в поезде, я набросал первичный план, чем я могу здесь заниматься, — сказал Бюрократ. — Но когда я заикнулся об этом бородатой группе встречи на станции, меня мигом заткнули, не пожелав даже выслушать.

— Ты сам о себе еще ничего не рассказал, — напомнила Натаха.

— Да, конечно, — я вдохнул побольше воздуха и собрался с мыслями. — Меня зовут Богдан Лебовский. Я из Санкт-Петербурга.

— Поляк? — спросил Бюрократ.

— Наверное, никогда не интересовался историей своей семьи, — быстро ответил я, но тут же пожалел об этом. Посмотрели на меня... странно. Надо быть осторожнее в высказываниях, вот что. — В общем, мои родители... врачи. И они считали, что я тоже должен быть врачом, но я учился плохо, бездельничал, занятия прогуливал...

Так, вроде пока идет гладко. Сочиняем дальше.

— Моя семья довольно богатая, так что в деньгах я не нуждался... — так, думай быстрее, Лебовский, за тобой вообще-то еще местная Охранка гоняется зачем-то, а у тебя идей в голове никаких нет. — В общем, месяц назад мои родители не выдержали и вызвали меня на серьезный разговор. Поставили ультиматум, что или я учусь нормально, или они меня... — мысль заметалась в пустой голове, никаких внятных идей не приходило. Так что я выпалил первое попавшееся. — Или они меня отправят в психушку!

Бюрократ и Натаха понимающе кивнули. Уф. Вроде попал в местный образ мыслей.

— Конечно же, я поклялся, что буду учиться, — с воодушевлением продолжил я. — И забил на обещание, как только вышел из комнаты. Однажды я проснулся после очередной гулянки, а я трясусь в машине, из одежды на мне — одна смирительная рубашка, а отец смотрит на меня презрительно и говорит: «Мы пришли к выводу, что ты неуправляемый и асоциальный тип. Доктор Верховцев тебе поможет стать нормальным человеком. В крайнем случае, он сделает тебе лоботомию, я слышал, что после этой процедуры некоторые люди живут вполне нормальной жизнью и могут себя обслуживать...»

— Верховцев? Это который Верховцев? Я знаю в столице троих, но ни один из них не служит психиатром, — Бюрократ задумчиво нахмурил брови.

— Это старый друг семьи, — сказал я и чуть не добавил, что он космический пират вообще-то. — У него частная практика на Васильевском острове. И экспериментальные методы лечения.

— Наверное, однофамилец, — сказал Бюрократ.

— Вообще мой рассказ может быть не очень связным, потому что потом меня лечили электрошоком, и я очень плохо все помню, — сказал я, понадеявшись, что раз слово «лоботомия» им знакомо, значит и «электрошок» они должны знать тоже. В крайнем случае припишу его изобретение герою мультфильма и по совместительству моему лечащему врачу. Но вроде ни Бюрократ, ни Натаха не выказали своего удивления. — Короче, в какой-то момент меня оставили в покое. Я более или менее пришел в себя, а мой сосед по палате сказал, что мне надо бежать, потому что он слышал, что меня объявили неизлечимым, и скоро мне грозит клин в мозг, который превратит меня в овощ. Так что я купил билет на поезд до Ново... николаевска.

— Билет? — переспросил Бюрократ.

— Билет? — переспросила Натаха.

Блин, опять я прокололся!

— Ну это фигурально выражаясь, — попытался я исправить положение. — Я сбежал из психушки, добрался до вокзала и пролез в первый попавшийся поезд.

— А ты думал, что будешь делать в Сибири? — спросила Натаха.

— Была мысль поступить в томский университет... — сказал я осторожно.

— Ого... — Натаха присвистнула.

— А что? Туда так сложно добраться? — спросил я.

— На цеппелине можно, — лицо Натахи стала задумчивым. — Только это дорого. И это... Туда же не всех берут...

— Ну так я и не все! — ответил я и посмотрел на Бюрократа. Похоже, насчет томского университета он ничего не знал. Видимо, какие-то внутренние дела Сибири.

— А я тогда, наверное, подамся на восток, к Байкалу, — неуверенно сказала Натаха. — Мои все погибли, я теперь, получается, одна совсем. Да и Матонин будет меня искать. А Унгерн, я слышала, наемников целую армию содержит, у него там с китаезами постоянные стычки. Так что...

— Слушай, Натаха, — я встал с тюфяка и подошел к ней. — А может нам... это... объединиться? Мы все-таки вместе выбрались из серьезных неприятностей, и все такое... да и планов конкретных у нас нет, мне вот, например, надо считать что жизнь с нуля начинать...

Да уж, речь просто огонь, оратор от бога, сказал, как отрезал... Но мне страшно не хотелось сейчас оставаться один на один с этим вот незнакомым миром. Кроме того, Натаха и Бюрократ выглядели неплохой командой.

— Знаете, Богдан... — лицо Бюрократа стало отвратительно серьезным. Ну да, сейчас он припомнит, что я странненький, уличит меня в какой-нибудь лжи, или окажется, что у него в правом кармане пиджака припрятан циркуляр, согласно которому для составления совместных планов требуется кворум, визирующая сторона и еще какая-нибудь бюрократическая лабудень... — Вообще-то это звучит разумно. Не буду говорить за барышню... То есть, Натаху... Но что касается меня, то я... В общем, этот вопрос стоит обсудить. Как и наши дальнейшие цели и действия.

Я с надеждой посмотрел на Натаху. И опять невольно залюбовался. Она стояла, облокотившись на стену, и кусала пушистый кончик своей огненной косы. На лице ее сменялись самые разные эмоции. Ну давай, Натаху, соглашайся! Мы же будем отличной командой, мы порвем этого твоего Матонина вместе с его Беками, и торговый дом его развалим до щебенки, а самого его подвесим на базарной площади за ноги, а празношатающимся тухлые яйца будем продавать, чтобы он от запаха сероводорода задохнулся... Кажется, я так громко думал, что Натаха в конце концов очень странно на меня посмотрела.

— Натах, ну что там в твоём Иркутске? — говорю. — Может лучше этого Матонина твоего на корм рыбам пустим? Вместе с его Беками?

Глаза Натахи сверкнули так, что могли, кажется, сжечь весь Новониколаевск вместе с пригородами.

— У него там человек пятьдесят, — говорит. — Забор с колючкой и вышки с пулеметами. И еще, говорят, боевой шагоход. Но может врут, сама не видела.

— Да хоть сто! — самоуверенно ответил я. — Сам-то он не бессмертный.

Колючка, пулеметы... Какая знакомая песня! Все-таки два года тактической разведки, из которых год в сплошных командировках по маленьким неизвестным войнам в разных концах мира... Приключение-то на двадцать минут, зайти и выйти. Ну, если подготовиться, конечно. Интересно, что такое боевой шагоход?

— Вообще ты неплохо справился на площади... — ее пронзительные глаза уставились на меня как-то очень пристально. — Где ты научился этому всему? Браслеты... Громилу этого задушил... Ружье держал очень уж уверенно... Не могло же это случайно получиться, ты вовсе не выглядишь как опытный боец. Да и по твоим рассказам ты только и делал, что пил и бездельничал... Нет, меня, конечно, греет мысль насадить башку Матонина на кол и выставить всем на обозрение, но...

Она вдруг замолчала, прислушалась и напряглась всем телом. Прижала палец к губам и гибко, одним движением, как хищная кошка перетекла к закрытой двери. Приложила у ней ухо. Потом бесшумно и быстро приблизилась ко мне. Приблизила губы к моему уху. Она стояла так близко, что я всей кожей чувствовал тепло ее тела.

— Их трое. Или четверо, — сказала она и мотнула головой в сторону темного коридора.

Глава 7. Забота-забота, перейди на Федота...

Бюрократ замер в нелепой позе, держа в руке один ботинок. Я прислушался к тихим голосам за дверью. Похоже, что эти ребята, кто бы они ни были, подошли к самому дому и сейчас просто болтали вполголоса. Собирались они попытаться войти или нет, было еще неясно. Натаха подхватила Бюрократа подмышки и одним движением поставила на ноги. Снова прижала палец к губам, потом показала на пальцах пешехода и еще раз ткнула в сторону темного коридора. Потом указала наверх. И еще раз прижала палец к губам. В общем-то, и идиот бы понял, что она хочет, чтобы Бюрократ тихонечко направился к лестнице и поднялся на второй этаж. А идиотом Бюрократ все-таки не был. Так что он, все еще прихрамывая, медленными шагами пошагал в ту сторону. Когда он скрылся в коридоре, я все еще стоял, прислушиваясь к голосам за дверью. Было неразборчиво. Натаха сделала круглые глаза, потом повторила для меня все те же жесты. Шагай, мол, Лебовский, наверх, фигли топчешься на месте?!

С одной стороны, мне ужасно хотелось подойти к двери и послушать, о чем там болтают, с другой — Натаха явно знает, что делает. Так что я, не особо раздумывая, направился следом за Бюрократом.

Лестница наверх оказалась каменной, поперек нее лежала деревянная балка и несколько обломков досок. На первый взгляд все выглядело так, будто путь давно и прочно перекрыт, а наверху нет ничего, кроме провалившегося потолка и гор хлама. Но если чуть присмотреться, то весь этот завал был не более, чем маскировкой. Пройти было очень даже можно. Нужно всего лишь пригнуться, а потом вдоль стеночки. Даже Бюрократ сообразил, судя по отсутствию шума и грохота. Плохо только, что и преследователей вся эта бутафория вряд ли обманет.

Наверху был такой же коридор, только напротив лестницы была еще одна комната, внизу в этом месте была глухая стена. Бюрократ неуверенно стоял на входе в конце коридора, все еще сжимая в руке ботинок. Я подошел к нему. Здесь голоса снизу звучали отчетливее. Комната была точно такой же формы, только окон было четыре, и ни одно из них не было заложено. Я приложил палец к губам и осторожно обошел комнату по периметру. Окно с противоположной от двери стене было прикрыто листвой высокого дерева, оно же маскировало приставленную к подоконнику деревянную лестницу. На вид весьма прочную и надежную.

За спиной у Бюрократа из темноты коридора бесшумно возникла фигура Натахи. Она легонько подтолкнула его в сторону лестницы, но я поднял ладонь вверх. Как раз подошел к окну над дверью, и мне стало слышно, о чем разговаривают внизу.

— ...подожди, давай я перетяну, — сказал первый мужик и откашлялся. Хрипло так заперхал, как заядлый курильщик. Так я его мысленно и назвал. — Вот мерзкая шавка попалась. Ты видел, откуда она выскочила?

— Ее тот патлатый натравил, — сказал второй. — С серьгой в ухе. Он подошел, когда пацан начал ныть. Ай! — вскрикнул он и зашипел. Видимо от боли. — Что ты там творишь-то?

— Ненавижу, блять, цыган, — пробормотал Курильщик. — Тебе бы к врачу надо...

— Потом к врачу, нам сначала надо парня того найти, — вступил в разговор третий. Голос его был низким и трубным, почти как рык. Но нарекать его Львом мне чувство юмора

не позволило, поэтому я мысленно решил называть его Шаляпин.

— Да нахрена он ей сдался, этот парень? — почти заорал второй, которого я пока никак не назвал.

— Шшш! — это Шаляпин. Похоже, он у них главный. Хотя с субординацией в их группе как-то так себе. Ко мне бесшумно подошла Натаха и встала рядом. — Сказал же уже. Те хмыри на станции ей в уши нассали. А пацан — одаренный. Они, дебилы, резюме заубердетектора просто в мусорку выкинули. А она нашла.

— Да и хрен бы с ним... — прошептал второй. — Будь я одаренным, я бы тоже сбежал. Я слышал, что в Соловецкой Артели порядки хуже, чем в тюрьме. И колдунов там дрессируют как диких животных в цирке.

— А это не наше дело, Федор Палыч, — вкрадчиво проговорил Шаляпин. — Наше дело — приказ выполнять.

— Так невыполнимый приказ-то! — сказал Курильщик и снова заперхал. — Кто же знал, что на Базарке какие-то придурки собирались заваруху устроить. А в этих лабиринтах хрен мы его вчетвером найдем!

— Пацан сказал, что они в эту сторону пошли, — сказал Шаляпин. — Тот пацан в дурацкой фиолетовой кофте, здоровенная баба и хмыря еще какого-то тащили с собой. Сейчас еще Проныра вернется...

— Проныре верить нельзя, он не из наших, — это опять второй. — Слушай, Федор Палыч, меня псина покусала, Генка руку себе об гвоздь разодрал... Того и гляди, тебе на голову кирпич упадет.

— С чего это мне кирпич на голову должен падать? — спросил Шаляпин.

— С того это... — Курильщик замолчал, но судя по тому, что второй заржал, он что-то показал на пальцах. — Ну или фиг знает, в чем там еще этот пацан одаренный. Ей надо, пусть сама и ищет. Или ватажников нанимает, пусть выкуривают из этого гадюшника всю маргинальную рванину.

— Не по уставу это, — неуверенно пробормотал Шаляпин.

— Слушай, Федор Палыч, — снова заговорил второй. — Давай мы вот этот дом проверим, и если их там нет, то бросим это дело нахрен, а Кире скажем, что он бесов маскировочных выпустил.

— Ну... — Шаляпин сплюнул.

— Мне к врачу надо, может собака та бешеная была, — сказал второй.

— Ладно, считай уболтал, — сказал Шаляпин. — Давайте дверь ломать...

Внизу зашевелились, доски двери затрещали, будто по ним пнули. Потом треск стал громче, старое дерево явно поддавалось. Натаха отпрянула от меня и быстро подскочила к Бюрократу. Который уже сам сообразил, что надо переместиться к лестнице. И ботинок надел. Она что-то прошептала ему на ухо, он кивнул и полез на подоконник. Натаха мотнула головой, указывая мне в сторону лестницы тоже. А сама направилась к коридору. Хм, интересно...

Я подошел к окну и оглянулся. Судя по звукам, дверь уже пала в неравной борьбе, голоса глухо звучали с первого этажа. Натахи видно не было. Я сидел на подоконнике и ждал, что будет. Если она собирается их там всех положить, то ей может потребоваться помощь. Ну и вообще мне было любопытно, что у нее за план.

Через минуту раздался громкий треск, потом грохот и дикий вопль одного из троих. Которого именно, я не разобрал.

— Твою мать, тащи его, тащи! — заорал Курильщик и зашелся в приступе кашля.

— Да как тащить-то? Его же балкой придавило! — ответил второй. — И по башке прилетело...

— Живой еще, нога дергается, — сказал Курильщик. — Давай за эту балку тогда... Да не с той стороны!

Потом снова дикий вопль. Треск. И потом снова что-то обвалилось.

Курильщик длинно выматерился. В этот момент в комнату вернулась Натаха. Она сделала большие глаза, и я быстро спустился по лестнице вниз.

Путь отхода был устроен грамотно. Обойти дом с этой стороны было нельзя — с одной стороны к стене примыкала длинный ряд сараек, упирившийся в непролазный кустарник на небольшом холмике, с другой были кучи строительного мусора. А между ними — проход, по которому мы и побежали, как только Натаха спустилась.

Через два поворота, не сговариваясь перешли на шаг. Вряд ли наши преследователи, кто бы там они ни были, сейчас за нами гонятся. Стараниями Натахи, обрушившей на их головы крышу, им теперь и так есть, чем заняться.

Некоторое время шли молча. Я был занят своими мыслями. С некой другой реальностью, в которой существует Российская Империя, а Сибирь — это такой отдельный совершенно регион с непонятным статусом я уже как-то даже свыкся. Но вот уже не в первый раз всякие разные люди всерьез упоминали магию. Причем это не экзальтированные тетеньки, свято убежденные в правильности советов, которые могут дать картонные квадратики с мечами-кубками-пентаклями, и не дремучие деревенские жители, все еще поклоняющиеся деревянным идолам. А вполне себе официальные лица, представители государственной машины. Я вспомнил искры, плясавшие вокруг пальцев Киры, когда она разозлилась. И ночной диалог Мелкого и Гиены. Теперь вот еще эти...

Мы вышли к невысокому обрывистому берегу маленькой речушки и остановились.

— Может ты все-таки хочешь нам что-то рассказать? — спросила Натаха, усаживаясь на ствол поваленного дерева.

Я молча смотрел на носки своих кроссовок. Похоже, что моя легенда, про разгильдяя, упрятанного в психушку строгими родителями, рассыпалась как картонный домик. И что мне теперь делать? Рассказать правду, чтобы теперь уже Бюрократ и Натаха натянули на меня импровизированную смирительную рубашку и проводили в какой-нибудь сибирский аналог Кащенко?

— Ну давай уже, Богдан, колись! — Натаха скривила губы в усмешке. — Теперь уже сама никуда не уйду, пока всю историю не узнаю. Бюрократ, скажи, а?

— Пожалуй, я соглашусь с Натахой, — Бюрократ уселся рядом с девушкой, и теперь они оба сверлили меня взглядами. — Одаренных выявляют в гораздо более юном возрасте, а если ваши родители врачи, то они тем более не должны были пропустить. Значит сбежали вы или из Соловецкой Артели или из Ростовской Пустыни...

Да блин... Что же делать? Опять что-нибудь врать? Снова топить за электрошок, и что я ничего не помню? А может, все-таки сказать уже правду? Теперь-то какая уже разница?

— Ладно, — решительно сказал я и поднял взгляд. — Только сразу предупреждаю, правда может показаться вам еще большим бредом, чем я наплел вам раньше.

— Да давай уже, не томи! — Натаха притопнула босой ногой. — Ты только не ври больше, а мы уж как-нибудь попробуем тебе поверить.

— Короче, я вернулся из армии... — начал я и рассказал им все честно. Про совсем

другой мир, про поезд, на котором я должен был приехать в Новосибирск, а потом автобусом до Томска, где поступить в обычный томский университет на исторический факультет. И про то, что я ни хрена не понимаю в магии, заубердетекторах и прочих Соловецких Артелях, на которые мне тут уже не в первый раз прямым текстом говорят.

— Вот, — говорю. — Теперь вроде все...

Я посмотрел сначала на Натаху, потом на Бюрократа. Ждал увидеть в их глазах что-то вроде жалости к юродивому или презрения к очередному вранью. Но нет, ничего подобного.

— Обалдеть, — глаза Натахи заблестели. — А я думала, что брешут, что так бывает! Ну, в смысле, что это просто байка такая, про поезд-призрак!

— Ну почему же брешут? — Бюрократ вытянул ноги. — В реестре аномальных событий зафиксировано несколько случаев его появления. За последние десять лет трижды — в две тысячи двенадцатом и дважды в две тысячи пятнадцатом...

— Подождите... — я потряс головой. — Так вы что, мне верите?!

— Теперь да, — Натаха кивнула и встала. — Ты одет странно, никогда таких вещей не видела. И вид у тебя все время какой-то обалдевший. Хотя ты и неплохо вроде это скрываешь.

— Я еще на пароме заподозрил что-то неладное, — сказал Бюрократ. — Хотя и не мог понять, что именно.

— Хм... — Натаха снова принялась покусывать пушистый хвостик своей косы. — А ведь попасть в Томск может быть и не самой плохой идеей при таком раскладе... Туда кого попало не пускают, но если ты и правда одаренный, как эти, из Охранки, сказали, то у нас есть все шансы... Только билеты на цеппелин дороговизне, надо бы придумать, откуда денег взять.

— На цеппелин? — переспросил я. — В смысле, на дирижабль?

— Ну да, — Натаха кивнула. — Летающая машина такая.

— А пешком туда разве добраться нельзя? — спросил я. — Вроде тут всего километров двести...

— Да там такое дело... — Натаха скривилась. — Когда Вытновы с Гондатти воевали, там половину тракта разбомбили, а потом в Болотном засела ватага Шурехи. И теперь там хрен пройдешь, они те еще отморозки.

— Клара Гондатти год назад в Москве пыталась найти добровольцев, чтобы отбить Болотное обратно, — сказал Бюрократ. — Но никто не соглашался.

— У меня есть идея, — Натаха закинула косу за спину. — Деньги нам потребуются большие, конечно, но не запредельные. Мы можем их честно и быстро заработать.

— Украсть? — усмехнулся я.

— Да нет, вот еще! — фыркнула Натаха. — Сходим к Фролу-аптекарю. Мы когда в Новониколаевске работу искали, то всегда к нему обращались. Обычно с ним Звонарь общался, но меня Фрол тоже знает. Только вам надо сначала себя в порядок привести.

Я посмотрел на свою одежду. Да уж, фиолетовая когда-то толстовка вся была в пятнах грязи, джинсы на колене разодраны. Где это я так зацепился? Костюм Бюрократа тоже представлял собой довольно жалкое зрелище.

— Короче, вы пока почиститесь, а я пробежусь по окрестностям, может где каких шмоток смогу добыть, — сказала Натаха.

Через часа полтора наша бравая троица шагала по широкой улице. Для меня Натаха притащила черный шерстяной пиджак и слегка застиранную майку-алкоголичку. Для

законченного образа не хватало только подтяжек и бабочки на голой шее. Выбрасывать толстовку я наотрез отказался, так что Натахе пришлось поджать губы и сунуть ее в полотняную сумку к остальным нашим вещам. В качестве головного убора мне досталась кепочка. По размеру была маловата, так что пришлось ее на затылок сдвинуть. Без головных уборов здесь, оказывается, разгуливать некомильфо. В приличный район все-таки идем. Бюрократу удалось свой костюм более или менее отчистить, так что натягивать крестьянскую серую рубашу ему не пришлось. Еще заботливая Натаха принесла ему трость. Сустав я ему вправил, конечно, но он все равно прихрамывал и явно морщился при каждом шаге.

— Ты эти шмотки с какой-то веревки что ли сдернула, пока хозяева куда-то в сторону смотрели? — спросил я, одергивая пиджачок. В нем было откровенно жарковато, если честно.

— У старьевщика купила, — ответила Натаха. — Все вместе за десятку. Так себе вещи, конечно, но лучше, чем ничего.

Улица носила гордое название «Петербургская», дома на ней стояли весьма приличные, никаких сараек, развалюх и халуп — двухэтажные, ухоженные, с цветущими палисадниками. Прямо-таки провинциальный шик. На некоторых домах были вывески. «Здесь пекут самые вкусные булочки!», «Много мелочей для жизни», «Вкусная колбаса для вашего стола!». Ну да, некоторые вещи никогда не меняются... И нигде.

Потом мы вышли на другую Базарную площадь. Здесь не было никаких помостов, да и торговые ряды стояли не так тесно, как на той. Это был респектабельный такой базар. Для «белых». Но задерживаться Натаха здесь не стала, быстро свернула в какой-то переулок без всяких указателей и остановилась рядом с калиткой в высоком заборе. Повернулась к нам.

— Вообще, конечно, тут не должно быть никаких неприятностей, — сказала она. — Даже если Матонин объявил за мою голову награду, то Фрол вроде не должен нас сдать, он с Матониным давно в контрах. Но на всякий случай держите ушки на макушке, ладно? Говорить буду я.

Бюрократ и я синхронно кивнули. Натаха взялась за тяжелое кольцо и три раза стукнула. С другой стороны калитки сначала раздался грозный собачий лай, потом зазвенела цепь, и из-под забора высунулся любопытный черный нос. Потом раздались шаркающие шаги и чье-то бормотание. Звякнула задвижка глазка. Некоторое время человек с той стороны забора изучал нашу троицу, потом раздался скрип отодвигаемого засова.

— Холера! Живая! — сказал седой тощий старик в длинной черной рубаше, похожей не то на платье, не то на сутану. Сколько ему было лет — хрен его знает. На вид так под сотню, не меньше. Кожа коричневая, сморщенная, волосенки тоненкие, череп сквозь них просвечивает. Зубов нет совсем. Только глаза не выцветшие, а яркие, как у молодого. — Ну заходите, дорогие гости!

— И тебе привет, Фрол Осипович, — сказала Натаха. — нам бы работенку какую...

— Суетливая ты девка, Холера! — старик хитро улыбнулся, отчего лицо его превратилось просто в узел из морщин. — Кто ж с порога о делах разговаривает?

Он посторонился, пропуская нас внутрь и удерживая за ошейник лохматую черную собаку. Натаха шагнула вперед, мимоходом прошептав мне на ухо:

— Ничего не ешь и не пей!

Глава 8. Цвет настроения — черный

Дом у Фрола оказался очень добротным и таким... основательным. Все было тяжеловесным и массивным — крыльцо, ставни в ладонь толщиной, справный рыжий котяра, неодобрительно взиравший на нас с перил. Дверь на вид такая, что, кажется и тараном не вынесешь.

Внутри дом тоже не подкачал — печь в половину комнаты, стол чуть ли не из бревен, стулья, которые и слон не сломает, если вдруг решит зачем-то присесть. Самовар размером с цистерну. И баба весом, наверное, центнера два. В длинной красной юбке и рубаше, обтягивающей ее необъятный бюст гораздо сильнее, чем мне бы хотелось. Она сидела на одном из этих самых «слоновых» стульев, с аппетитом откусывала от румяной плюшки и прихлебывала чай из блюдца. Это была такая «киношная» картина, что я даже умилился на секунду.

— Присаживайтесь пока, — сладким голосом проговорил Фрол. — А Марфуша пока нам на стол соберет, верно Марфуша?

— Конечно, Фролушка, — неожиданно высоким голосом сказала Марфуша и подняла свой объемный зад со стула, который даже не скрипнул.

— Ты уж только постарайся, душечка, чтобы мне перед гостями стыдно не было, — Фрол похлопал ее по заднице, а она наградила его игривым взглядом. Я скосил взгляд на Натаху, которая вроде тоже была весьма даже нехрупкого сложения, но смотрелась рядом с этой Марфушей прямо-таки куклой Барби. Телеса возлюбленной старого Фрола задвигались, и она выплыла из гостиной в другую комнату, отделенную цветастой занавеской. Цветы, кстати, были тоже здоровенные. Этакие вульгарные толстомясые розы.

Натаха первой прошла к столу, успев шепнуть что-то на ухо Бюрократу. Наверное то же, что и мне. Интересные у них тут взаимоотношения, как я посмотрю.

— Слушай, Фрол, — сказала Натаха, закинув ногу на ногу. — Может все-таки давай сразу к делу?

— Наташенька, да я бы и рад, — старик встал рядом с другим стулом. Развел руками с видом простодушного простачка. Пожевал впалые губы. — Только вот мы же со Звонарем договор имели, а сейчас Звонарь где?

— Погиб Звонарь, — не моргнув глазом и не изменившись в лице ответила Натаха.

— Вот ты сама подумай, — Фрол помахал перед ее лицом длинным узловатым пальцем. — Я тебе сейчас дело дам, а ты — фьють! — хвостом махнешь и улепетнешь в какую-нибудь деревню по Барнаулом. Ищи тебя потом, чтобы свой процентик забрать.

— Так давай, может, новый договор подпишем? — сказала Натаха. — Я грамотная, читать умею. Писать тоже.

— Ну вот это уже деловой разговор, Наташенька, — Фрол торопливо проковылял к буфету. Также сколоченному из толстенных досок и украшенный замысловатой резьбой. Повернул ключик в нижнем ящике и достал оттуда несколько желтоватых листков. — Вот, у меня уже все подготовлено. Марфушенька моя на машинке напечатала, осталось только подмахнуть, и дело сделано.

— Где там надо подписать? — спросила Натаха, нетерпеливо поерзав на стуле.

— А можно я взгляну? — вдруг подал голос Бюрократ. — Вы же не собираетесь подписывать эти бумаги, не читая?

— Зачем? Это же просто формальность? — с видом того же простодушного простачка спросил Фрол.

— Значит никакого вреда не будет, если я прочитаю, прежде чем Натаха его подпишет, верно? — очки Бюрократа сверкнули, голос обрел неожиданную уверенность. А я подумал: "Интересно, какую силу вообще могут иметь бумаги в этой полностью анархичной местности? Разве этот Фрол сможет подать на Натаху в суд за невыполнение условий?"

— Наташенька, уверяю тебя, в этом нет никакой необходимости... — Фрол поджал губы, теперь вместо рта у него была жутковатая черная щель.

— Пусть почитает, — сказала Натаха.

Бюрократ ловко выхватил из рук Фрола бумаги, поправил на носу очки и погрузился в чтение. Читал внимательно, водя пальцем по строчкам и шевеля губами. В этот момент в комнату вплыла Марфушенька с деревянным подносом в руках. Желудок жалобно заурчал. Все-таки в последний раз я ел то хручево на станции сегодня утром, а сейчас уже дело к вечеру. Румяные пирожки и толстенная колбаса, порезанная крупными кусками. Мммм...

— У меня есть три замечания и два вопроса по первой странице, — сказал Бюрократ, не обращая, кажется, никакого внимания на выставленное на стол угощение. В подпункте втором первого раздела, где речь идет о комиссионном вознаграждении, неясен контекст увеличения процента... — монотонно начал Бюрократ. Я почти сразу же перестал его понимать, как и ответы Фрола, впрочем. Ясно было, что эти двое разговаривают на понятном только им языке, причем так увлеченно, что прерывать их мне бы в голову не пришло. А Марфушенька тем временем сходила в другую комнату еще раз, и на столе появилась квадратная бутылка с вишнево-красным содержимым, видимо, какая-то наливка или домашний ликер. И крохотные (как неожиданно для этого дома вообще!) рюмочки, покрытые узорчатой эмалевой росписью. Страшно хотелось потянуться к столу и схватить один из пирожков. С чем бы он там ни был. Я так явственно представил, как впиваюсь в ароматную сдобу зубами, что чуть слюной не захлебнулся. Нет, так не пойдет! Надо отвлечься от мыслей о еде как-то. Я решил смотреть на Натаху. Она была довольно напряженной, иногда подозрительно поглядывала на другой дверной проем, тоже закрытый занавеской.

Я прислушался. Трескотня на бюрократическом перекрывала практически все звуки в этом доме. Глянул в сторону окна. Что-то мне там показалось неправильным. Тень какая-то метнулась, что ли... Окно было распахнутым, от сочной уличной зелени комнаты отделяла только белая тюлевая занавеска.

— Я бы не советовал вам это подписывать, Натаха, — сказал Бюрократ. — Этот документ скреплен магической печатью седьмой степени. Этот кабальный договор обяжет вас до конца жизни выплачивать Фролу четверть любого своего дохода, даже если вы получили заказ через кого-то другого. Кроме того, есть еще так называемая «незримая мзда» которую вы будете обязаны платить, если вы взялись за заказ, но не смогли договориться с заказчиком. И разорвать этот договор сможет только Фрол.

— А что будет, если я не выполню условий? — спросила Натаха, нахмурившись.

— Два варианта, — Бюрократ перелистнул бумаги и снова поправил очки. — Если вы будете на расстоянии меньше ста верст от Фрола, то у вас будет тягучая немочь. Это значит, что вы будете чувствовать боль, если если двигаетесь в любом направлении, кроме как к Фролу. А если больше ста верст, то на вас падет обыкновенная порча, а это значит...

— Я знаю, что это значит, — буркнула Натаха. — Не жилец, первый же кирпич по

башке меня убьет. Фрол, а Звонарь подписывал такой же договор?

— Конечно, Наташенька, — Фрол снова развел руками. — В нашем деле по-другому нельзя, душенька...

— Послушайте... — Натаха закусила губу, между бровей на гладкой коже пролегла морщинка. — Вообще-то мы собираемся покинуть Новониколаевск. Может быть, есть какой-то договор на одну работу? Чтобы мы выполнили ее, получили деньги и все?

— Вообще-то есть у меня один заказ... — Фрол прищурился. — Только, боюсь, не сдюжить вам... Помощники-то у тебя, как я посмотрю, больно умные, да на вид малохольные какие-то.

— А что за работа? — Натаха подалась вперед.

— Да простая работа, — Фрол сел, положил на стол ладони и побарабанил пальцами. — Скот перегнать. Из Кольцово в Нижнюю Ельцовку.

— А в Кольцово разве есть фермы? — спросила Натаха.

— Так не с фермы, а с питомника Бесстужевой-Вавиловой, — сказал Фрол и хитро посмотрел на Натаху. — А чего ж вы не едите-то, гости дорогие? Марфушенька-душенька для вас старалась, пирожков напекла, колбаску нарезала. Наливочки вишневой вам поставила.

— Не голодны мы, Фрол, — сказала Натаха и снова напряглась. — Сколько за перегон скота?

— Тридцать тысяч соболей, — сказал Фрол.

Натаха присвистнула. Фрол приподнял брови и понимающе кивнул.

— Что же там за скот такой... — Натаха опять нахмурилась и потерла пальцами подбородок.

— Норовистый скот, — Фрол усмехнулся. — Потому и думаю, что не сдюжите вы.

— А вдруг сдюжим? — Натаха вскочила и оперлась ладонями на стол. — Ты же меня знаешь, я хорошо умею справляться с невыполнимыми задачами!

— Да ты сядь, сядь, прыткая какая, — Фрол махнул рукой, а потом неожиданно заговорил громче. — Говорю же, не сдюжите. Потому что дюжить некому будет!

Они возникли сразу отовсюду — из всех трех дверей, из окна и даже из сундука в углу. У меня в глазах зарябило от черных бород и красных повязок. В нас уставилось вразу десятков стволов — дробовики, обрезы и здоровенные пистолеты.

Как же это мое чутье меня подвело?!

— Не шевелитесь лучше, други мои, — ласково проговорил Фрол. — Иначе от вас один фарш останется, а мне комнату еще порохом провоняет, а я этого страсть как не люблю...

— Ах ты сраный козел! — прошипела Натаха, подаваясь вперед. Но замерла, когда пушки практически все разом дернулись в ее сторону. — Ты же сам говорил, что Матонина на дух не переносишь!

— Так с тех пор столько воды утекло, да столько водки... — Фрол пожевал губами. — Умные люди всегда найдут способ договориться. А ты не дергайся лучше. И друзьям своим вели сидеть тихо, и тогда мальчишки аккуратно вас свяжут. Как младенчиков.

Натаха только яростно скрипнула зубами. Один из смуглых бородатых парней подошел к ней, явно с опаской. В руках он держал веревки.

— Ты, дэвка, эта, руками тут нэ размахивай! — сказал он. — Аккуратно заведи их за спину...

Пока один из Беков связывал Натаху, я крутил головой по сторонам, судорожно пытаюсь

придумать выход из этой отвратной ситуации. Нападавших было восемь, один без оружия, только внушительный кинжал на поясе. Это как раз его Натаха и пыталась испепелить взглядом, пока он ее связывал. У всех остальных — стволы. У некоторых даже по два. Тут колыхнулась занавеска, и в комнату вошел... Гиена. Как он-то выжил вообще?! Только багровый отпечаток остался. Вот же бычья шея у человека!

— Вот и свиделись, сучок! — сказал он, потирая руки. Засмеялся своим мерзким смехом, но зря, потому что тут же зашелся в приступе кашля.

— Эй ты, — процедил сквозь зубы один из Беков, по виду самый главный. — Принеси еще веревок. И кляп сделай для этой девки.

— Да, Ибрагим, — выражение лица Гиены сразу изменилось на подобострастное. Он снова скрылся за занавеской и почти сразу вернулся. В одной руке моток веревки, в другой — туго свернутая в рулончик ветошь.

— Давай, вставляй, — старший Бек мотнул головой. — Только смотри, чтобы она тебе пальцы не отхватила.

Остальные чернобородые издевательски заржали. Они были настолько похожи друг на друга, что придумать им какие-то отдельные прозвища вот так сходу на получалось. Гиена осторожно приблизился к Натахе, держа кляп на вытянутой руке. Стоило ему поднести тряпку к ее лицу, она сделала резкое движение головой и клацнула зубами. Он едва успел отдернуть руку.

— Ты полегче, давай... — сказал он. — А то тебе того... колени прострелят. Стоявший рядом с Натахой Бек двинул ее прикладом дробовика под ребра. Она хрипло охнула и попыталась согнуться. Тогда Бек схватил ее за косу и с силой дернул назад. Выхватил у Гиены кляп и быстро закинул ей в рот.

— Остальных тоже вяжите, — приказал главный. — Этого коротышку Охранка искала, поторгуемся. А этот... — он смерил взглядом Бюрократа. Не знаю. Продадим кому-нибудь или к хозяйству приспособим. Грамотный?

— Даже больше, чем требуется, ответил Фрол. Он так и сидел на стуле, как будто эта суета его ровным счетом не беспокоила.

— Значит, может и пригодится, — Бек снова посмотрел на Бюрократа. — Дергаться не будешь?

Тот обреченно покачал головой. С надеждой взглянул на меня, но чем я ему мог помочь в этой ситуации?

Гиена с веревкой подошел ко мне.

— Руки за спину, сучок, — прошипел он в ухо. — Думал я сдох, да?

— Была такая надежда, — пробормотал я.

— Что ты там гундишь, недомерок? — Гиена стукнул меня кулаком в правую почку. Не сильно, скорее просто ткнул.

— Эй ты, — губы главного презрительно дрогнули. — Руки не распускай, товар нам испортишь.

— Да, Ибрагим, — покорно сказал Гиена и продолжил свое дело молча.

— Мы же можем их пока отнести в сарай, уважаемый Фрол? — спросил главный, когда мы трое были связаны по рукам и ногам. А во рту у Натахи еще и кляп был, притянутый к затылку куском тряпки. Глаза ее сверкали непримиримой яростью, но чем бы это нам помогло сейчас?

— Конечно, Ибрагим, — Фрол поднялся со стула и прошаркал к буфету. — Вот ключик

от сарая. Сколько вы их хотите там держать? До утра?

— До ночи, — сказал Ибрагим. — Потом придет наш грузовик, и мы их увезем. Оставлю им троих человек в охрану, чтобы проследили, чтобы не случилось чего.

— Договорились, Ибрагим, — Фрол растянул бледные губы в улыбке.

— Вот тебе, за беспокойство, уважаемый Фрол, — Ибрагим покопался в кармане длинной черной куртки и достал пачку купюр, перевязанную веревочкой.

— Приятно иметь с вами дело, — Фрол быстро спрятал деньги в карман широких штанов. Беки попрятали оружие — кто за спину, кто в кобуры. Двое подхватили Натаху, двое — Бюрократа, один, самый здоровый, закинул меня на плечо. Процессия вышла во двор через заднюю дверь. Лязгнул замок сарая. Со своего ракурса я мог видеть только пятки кирзовых сапог, топавших по выложенной кирпичом тропинке. В какой-то момент стало темнее, под сапогами мелькнул деревянный порог. Потом Бек бросил меня на дощатый пол. Я услышал как приглушенно охнул Бюрократ где-то справа.

— Эй ты, — снова раздался повелительный голос Ибрагима. — Останешься с Мирзой и Ахметом. Следить, чтобы не шевелились, ясно? Если что-то случится, ремней из твоей спины нарежу!

Да уж, похоже, особым уважением Гиена тут не пользуется... Снова затопали сапоги, мне было не видно ничего, кроме деревянной стены, но понятно, что почти все, кроме названных трех из сарая вышли. Скрипнула, захлопнувшись, дверь. И стало тихо. Я завозился, пытаюсь придать своему телу хоть сколько-то удобное положение.

— Ну-ка нэ двигаться! — тут же раздался окрик.

— Эй, да ладно! — миролюбиво сказал я. — Просто сяду поудобнее, я же связан по рукам и ногам...

— Тогда мэдленнее! — согласился Бек. Или Мирза, или Ахмет, кто бы их различал сейчас?

Я медленно перекатился через связанные руки и сел, опершись спиной на стену. Диспозиция так себе. Натаха, скрючившись, лежит в самом центре просторного сарая, прямо над ней, держа дробовик на ремне перед собой — один из Беков. Рядом с дверью — Гиена. И второй Бек справа от меня. Гиена прошелся вдоль стены, «мой» Бек проводил его презрительным взглядом. И тут у меня стало вырисовываться подобие плана. Пока еще довольно хлипкого, но за неимением горничной...

— Слышь, Гиена, — говорю. — А много тебе платят эти черножопые?

— Как ты меня назвал, сучок? — Гиена подскочил ко мне.

— Ой, ну прости, не запомнил, как там тебя зовут, — я ухмыльнулся. — Но смеешься ты, как Гиена, вот я и придумал прозвище...

— Чэго болтаешь? — спросил Бек возле Натахи.

— Да ладно, Мурзик, — говорю. — Болтать же не запрещали вроде. А так хоть вас повеселю, обезьянки.

— Я Мирза! — грозно сказал он, делая шаг в мою сторону.

— Ну сорян, братан, — я попытался пожать плечами, но из-за связанных за спиной рук движение вышло неловким. — Я все равно ваши рожи друг от друга не отличаю...

Мирза одним прыжком подскочил ко мне и с размаху ударил в челюсть. В голове зазвенело, во рту появился вкус крови, но зубы вроде не выбил.

— Мирза, ты аккуратнее будь! — сказал Гиена. — Ибрагим сказал, что товар нужен целым.

— Ты еще мне поговори тут, сын шелудивой собаки, — прошипел Мирза, схватив меня за лацкан пиджака.

— Мирза, — сказал второй, значит Ахмет. А потом что-то добавил на каком-то гортанном тарабарском языке. Тот сразу пыл померил, отпустил мой пиджак, прошипел что-то на том же языке. И вряд ли это «что-то» прославляло мои дипломатические качества.

— Так что, Гиена, много они тебе платят? — спросил я еще раз. Мирза сверкнул глазами, но больше ничего не сказал.

— Не жалуюсь, — пробормотал Гиена, но губы его как-то подозрительно скривились.

— А то у меня есть одно предложение, как раз для такого парня, как ты... — со значением проговорил я. Ага! Лицо Гиены все еще было довольно злобным, но в глазах уже мелькнула искорка любопытства...

Глава 9. Плохая примета — ехать ночью в лес. В багажнике

Повисло угрожающее молчание. Оба Бека посмотрели на меня, потом одновременно перевели взгляд на Гиену. Тот отвернулся и начал насвистывать какой-то незамысловатый мотивчик.

— Закрой. Свой. Рот, — отчетливо проговорил Мирза, наводя на меня ствол дробовика. Я широко улыбнулся и тоже посмотрел на Гиену. Вид у него был жалкий. По лицу заметно, что дела у него так себе. Неужели всех его бородатых родственников положили? Папаня с проломленным черепом точно не должен был выжить. Мелкого застрелили в самом начале. Брежнев... Этот вроде живой был, когда мы с площади уходили...

— Эй, Гиена, — говорю. — Ты что ли один из всех бородатых выжил? И поэтому к черножопым в услужение пошел?

— Он что, плохо слышит? — Мирза напрягся весь, глаза выпучил. Но смотрел на меня, а на Ахмета. Тот громко засопел, очевидно, тоже злился. Ствол в его руках дернулся. Но наводить его он на меня не стал, просто пнул ногой в бедро.

— Ты же знаешь, что как равного они тебя никогда не примут, да? — не обратив на удар никакого внимания, сказал я. — Особенно если ты им вот так сапоги облизывать будешь. Они же только силу понимают.

— Заткни ему пасть, Ахмет! — лицо Мирзы побагровело. Обрез в руках ахмета задрожал, даже пальцы побелели от напряжения. Он снова сказал длинную фразу на своем тарбарском языке. А Мирза ему что-то ответил на повышенных оборотах. В речи то и дело мелькали знакомые слова «Охранка», «Матонин» и «Матвеевка».

Наконец Мирза подошел ко мне и присел рядом на корточки.

— Слушай сюда, ямзес ахмак, — медленно сказал он. — Ты наверное не сильно умный. Так я тебе разьясню сейчас все. Нам Ибрагим сказал, что ты должен быть живым. Без коленей человек тоже живой. Так вот. Если ты сейчас не заткнешься, то мой брат выстрелит тебе в ноги. А скажем мы, что ты чуть не сбежал. Анладымы?

— Убедительны речи твои, Мурзик, — говорю. — Хотя я и не все понял, но ты достучался до моего сердца...

Мирза быстро развернул дробовик и ткнул мне прикладом под ребра. Потом встал и вернулся на свой пост рядом с Натахой. Она лежала ко мне спиной, и лица ее видно не было.

— Эй ты, — вполголоса сказал Мирза, обращаясь уже у Гиене. — Не слушай этого ялганчы. Ты всегда будешь нам братом, не впускай яд его речей в свои уши.

Я снова посмотрел на Гиену. И почти возликовал. Лицо его было задумчивым. Он не смотрел ни на меня, ни на обоих Беков, явно пребывая в состоянии спора с самим собой. Надо бы чуток дожать... Но я посмотрел на Мирзу, и понял, что, пожалуй, не буду сейчас рисковать и открывать рот.

Теперь молчание повисло надолго. Чтобы занять себя хоть чем-то, я шевелил пальцами, пытаюсь нащупать узлы и как-то их ослабить. Но получалось, если честно, пока так себе. Впрочем, я и не рассчитывал, что смогу освободиться и одним махом перебить троих вооруженных охранников, которые, к тому же, бдят.

Свет за стенами сарая потускнел, солнце явно уже село. В сарае стало почти темно.

— Эй ты, — снова раздался голос Мирзы. — Сходи к старику, возьми у него лампу. За

этим шустрым нужен глаз да глаз.

Гиена покорно поплелся наружу. Через несколько минут вернулся с закопченной керосиновой лампой, от которой в сарае стало немного светлее, но не особенно. Пламя чадило и дергалось, заставляя тени метаться по стенам. «Похоже, все-таки он сильнее надломлен, чем мне казалось...» — подумал я, неотрывно следя за Гиеной. Взгляд у него теперь был потухший, а лицо как будто «сползло» вниз нелепой маской. Вот же блин! Что же теперь делать? Я позволил себе с минутку бессмысленной паники, потом заставил себя снова собраться с мыслями. Надежда на то, что Гиена вдруг прозреет, застрелит двух Беков из дробовика, и мы все четверо с триумфом покинем этот дурацкий сарай, иссякли.

Ну что ж... Требовался план Б. И надо было прямо сейчас его придумать. Из хорошего — убивать нас по дороге никто не будет. Иначе бы сразу убили. Значит можно было попробовать сбежать из грузовика. Такой себе шанс, конечно... Потом нас куда-то привезут. А потом... Что потом?

Я мысленно вздохнул. Ясно было, что в построении плана, а точнее, конечно, какой-то будущей импровизации, мне теперь надо заменить слово «мы» на слово «я». Вырваться разом всем троим скорее всего не получится. Зато если я сам освобожусь, то смогу вытащить Бюрократа и Натаху.

Раздался рокочущий звук двигателя. Скрипнули петли ворот, под колесами машины заскрипел щебень. Сколько прошло времени до этого момента — сложно сказать. Может быть, час, может полтора. Ничего не происходило, разве что Мирза разок вышел наружу, видимо, отлить. И быстро вернулся.

Скрипнула дверь, в сарай зашел еще один Бек. Все трое чернобородых заговорили на своем языке, потом принялись деловито грузить нас в крытый кузов. Ахмет грубо толкнул меня в плечо, и я завалился на бок. Он деловито проверил узлы на моих запястьях, потом на лодыжках и коленях. Потом подхватил меня за пояс и плечо и выволок наружу.

Грузовичок был небольшой, типа пикапа. Явно видно, что старенький, но хромированные детали начищены до идеального блеска. Особенно выделялись при свете из окон дома буквы «Руссо-Балт» на передней решетке. Больше я ничего особенного заметить не успел.

Меня бросили в кузов рядом с Натахой. А с другой стороны от нее — Бюрократа. Гиена забрался внутрь и хотел сесть на скамейку рядом со мной, но Мирза повелительно ткнул ему на лавку напротив. Тот опять покорно подчинился, перешагнул через меня и что-то прошипел сквозь зубы.

— Эй ты, — негромко сказал Мирза. — Ибрагим сказал, что ты верный человек. И слово твое — кремень! Ибрагим же не мог соврать, правда?

— Конечно, Мирза, — пробормотал Гиена.

Мимо Мирзы в кузов протиснулся Ахмет и сел за моей спиной. Дверь захлопнулась. Заскрипела щебенка под кирзовыми сапогами Мирзы. Потом он сказал что-то водителю, водитель ответил, и оба громко засмеялись. Хлопнули две дверцы. Двигатель взвыл, и мы поехали.

Трясло нас нещадно совершенно. Пару раз я даже язык себе не прикусил, пришлось сжать зубы, чтобы на ухабах не клацали. Двигатель выл, где-то под самым ухом, меня швыряло то в спину Натахи, и я утыкался носом в ее затылок, несколько раз приложило об стойки лавочки. Ахмет с Гиеной не разговаривали. Какое там! При таком шуме, чтобы друг друга слышать, надо орать прямо в ухо. И все равно будет неразборчиво.

Длилась эта тряская пытка целую вечность. Я пытался про себя считать, чтобы время засечь, но какое там! Мозг мотало в черепной коробке, и со счета я сбивался, не успев даже до сотни дойти.

Машина остановилась. Раздались голоса, опять на незнакомом языке. Потом смех, потом завизжали петли ворот. Машина снова тронулась, но теперь уже гораздо ровнее. Видимо, въехали на территорию.

Остановились. Двигатель замолчал. Хлопнули дверцы, раздались шаги, потом в кузове стало светло.

Ахмет и Гиена выскочили, снаружи снова заговорили множество радостных голосов. Разобрать отдельные диалоги было сложно, все они сливались в белый шум. То ли потому что все болтали разом, то ли потому что тошниловка в дороге стрясла мне кукушечку, и я не мог толком сосредоточиться. Потом все как-то разом замолчали.

Кто-то схватил меня за ноги и потащил наружу. Я зажмурился, чтобы не ослепнуть от яркого света, и сгруппировался, чтобы не разбить по-тупому башку. Похоже, этот Матонин электричество совсем не экономит... Я лежал, скрючившись каралькой на мягком ковре из невысокой травки. Приоткрыл глаза и посмотрел наверх. Вокруг столпилось человек десять, не меньше. Но Беков среди них было всего семеро. Еще был высоченный светловолосый парень, молодой, волосы ежиком, военного вида штаны заправлены в высокие начищенные ботинки. Ворот белой рубахи расстегнут, на шее — какое-то кожаное украшение вроде ошейника. Второй мужчина был невысокий, примерно моей комплекции, во всяком случае, так мне показалось с моего ракурса. У него были гладко зачесанные назад тоже светлые волосы, а одет он был в шелковые бордовые шаровары и вышитую просторную рубаху. Изящные руки унизаны перстнями и кольцами. Один глаз слегка косит. И еще была девушка. Совсем маленькая, узкоглазая, в длиннополом балахоне, расписанном странными узорами. На поясе ее болталось множество колокольчиков, кожаных мешочков, сухих веточек и еще какой-то мелочевки. Длинные черные волосы распущены. На правой щеке — замысловатый рисунок из сплошных завитков. Татуировка или макияж такой?

Который из двух Матонин, я обдумывал недолго. Белобрысый — явно такой универсальный солдат с военной выправкой, так что вряд ли он. Я перевел взгляд на второго и тут же встретился с ним глазами. По спине пробежал легонький холодок. И не потому, что темные глаза были какими-то злыми или кровожадными. Было в них что-то такое... Холодная чертовщина, дичь какая-то. Взгляд психопата.

— Вот этого Охранка искала, — сказал Ибрагим. Он тоже был среди стоящих вокруг Беков, стояв, заложив большие пальцы за пояс, просто я его не сразу узнал. Он такой же чернобородый здоровяк, как и все остальные-прочие.

— Искала Охранка, а нашел я, — проговорил Матонин. Голос его был вкрадчивым, он слегка растягивал буквы и как будто примурлыкивал.

— Сколько с них затребовать, Юрий Прохорович? — спросил Ибрагим.

— Ты подожди пока, — Матонин задумчиво склонил голову, сверля меня взглядом. — Может быть, он нам еще самим нужен...

— Так может... — начал Ибрагим, но Матонин вдруг сорвался с места и подскочил к нему вплотную и вцепился в полы его куртки.

— Я же ясно приказал! — закричал он прямо Ибрагиму в лицо. — И Охранка твоя мне точно не указ! Пусть вообще убираются в свою Империю, я не заплачу!

Потом он отступил на шаг. Смахнул с плеча Ибрагима невидимую пылинку, и на губах

его зазмеилась улыбка.

— Просто делай, как я говорю, Ибрагимушка, — почти ласково сказал Матонин. — Давай я тебе напомним, если запамятовал. Холеру — в колодки, клетчатого запримечу где-нибудь. А этого — ко мне. Мы с Талтугой потолковать с ним хотим. Понял меня, Ибрагимушка? Выполняй теперь, не сердись папочку...

На лице Ибрагима не отразилось никаких эмоций. Матонин подошел к хрупкой узкоглазой девушке, приобнял ее за талию и зашептал ей что-то на ухо. Она хихикнула и ткнула в меня тонким пальчиком.

— И еще, Ибрагимушка, — снова заговорил Матонин еще более приторным голосом. — Догадайся привести его через четверть часа, когда нам подадут кушанье. Гостей же надо привечать, иначе боженька разгневется!

Матонин и девушка удалились, продолжая шептаться и хихикать. Ибрагим начал отдавать команды на своем языке. Меня дернули за плечи и поставили на ноги. Передо мной встал Мирза.

— Сейчас я развяжу тебе ноги, — зло проговорил он. — Но только не думай, что это поможет тебе бежать.

Не дожидаясь моего ответа он сел передо мной на корточки и принялся колдовать над узлами. А я осмотрелся. Мы стояли на квадратной площади, заросшей ровной травкой. По периметру площадь ограничивали простые квадратные постройки, видимо склады или гаражи. Я бросил взгляд за спину. Ворота были высоченные, по верху оплетенные несколькими рядами колючей проволоки. Справа от ворот — деревянная вышка, на которой маячил часовой. Освещалась площадь множеством ярких электрических фонарей. Света было настолько много, что глазам было откровенно некомфортно. Часовые на воротах. Еще несколько человек там и сям, похоже, патрульные. Впереди — трехэтажный особняк, явно свежестроенный. Прямо-таки сияет новенькой побелкой. Сразу за особняком — сетчатый забор, дальше еще какие-то постройки. Видимо, казармы для всей этой чернородой братии.

С правой стороны площади — те самые колодки, про которые говорил Матонин. Деревянная рама с двумя толстыми досками с прорезями для рук и головы. Как на картинке из учебника истории. Как раз к ним сейчас сразу трое Беков и волокли Натаху. Еще двое тащили куда-то вправо Бюрократа. Куда именно, я заметить не успел, потому что справившийся с веревками Мирза чувствительно ткнул меня в спину кулаком в направлении особняка.

«Так, соберись, Лебовский!» — сказал я сам себе. Покрутил головой в поисках Гиены, но его нигде не увидел.

— Шагай давай, — прошипел мне в ухо Мирза. Еще один Бек стоял рядом, угрожающе поводя обрезом. Я подчинился. Ну как, подчинился... Чуть не заорал от боли в ступнях, мало того, что я пару часов провел со связанными ногами в сарае, а потом еще столько же в тряской душегубке. Так что шевелились мои ноги не очень. Идею вышагивать с гордо поднятой головой пришлось поменять на «хоть как-то ковылять вперед, не спотыкаясь и не падая».

Мы поднялись на три ступеньки невысокого крыльца, скрипнула дверь, потом прихожая, обставленная с весьма утилитарно — скамейка, под ней ряд галош разного размера, а над ней — деревянная вешалка, пустая по летнему времени. За следующей дверью — просторная комната, совершенно пустая, с обеих сторон — лестницы вверх. Мирза

толкнул меня к правой, мы поднялись, потом он открыл резную деревянную дверь и втолкнул меня в комнату.

Я споткнулся о невысокий порожек и со всего маху растянулся на мягком пушистом ковре.

— Ой, какая неприятность, — зазвучал откуда-то сверху голос Матонина. — Ну что же ты уронил мальчика, брат мой, поставь его на ножки, нехорошо это — на полу валяться...

Мирза грубо рванул меня за пиджак и пояс и поставил прямо.

Вот эта комната была обставлена с настоящей цыганской роскошью. Все стены и пол покрыты узорчатыми коврами, с потолка на тускло поблескивающих цепях свисают светильники цветного стекла, впереди — высокий подиум, усыпанный множеством подушек, среди которых и возлежал хозяин всего этого безобразия. Левой рукой обнимая тонкую талию своей узкоглазой подружки. Перед ним стоял невысокий столик, на котором стояло блюдо с развороченной тушкой небольшого запеченного поросенка. И бокалы из цветного же стекла на длинных тонких ножках.

На первый взгляд больше в комнате никого не было. Но наметанным взглядом я быстро отсек, что справа и слева за коврами есть приличное такое пустое пространство. А среди узоров чертовски легко спрятать дырочки для глаз и оружия.

Так что дергаться было рановато.

— Ну что вы там топчетесь?! — совершенно неожиданно Матонин опять сорвался на крик. — Оставьте мне моего гостя и убирайтесь!

— Он довольно шустрый, Юрий Прохорович... — тихо сказал Мирза.

— Ты сомневаешься, что я могу о себе позаботиться, брат мой? — вкрадчиво проговорил Матонин, запуская пальцы в печеное мясо. — Брат мой, твоя забота приятна мне, но поверь, я найду способ справиться с этим беспомощным юношей...

Матонин резко вырвал кусок мяса из поросенка и впился в него зубами. По пальцам стекал жирный сок. Мирза и второй Бек коротко поклонились и вышли за дверь.

Некоторое время Матонин молча жевал, иногда постанывая как будто от наслаждения. Я снова почувствовал, как у меня в животе заурчало. Кажется теперь это было слышно даже Матонину.

Потом он замер. Бросил на блюдо недоеденный кусок мяса. Брезгливо вытер жирные пальцы о скатерть. Взял бокал и сделал несколько глотков. Потом внимательно посмотрел на меня. От его взгляда у меня опять по спине пробежал холодок. Показалось даже, что он мысленно разделяет мою тушу, выбирая наиболее аппетитные кусочки.

— Охранка, значит, тебя ищет... — задумчиво и совершенно нормальным голосом сказал он. — Как тебя зовут?

— Богдан, — ответил я. — Лебовский.

— Интересно, что же ты натворил такого? — губы Матонина снова искривились в улыбочке. — Готов поспорить, Богдан Лебовский, что если я начну тебя спрашивать, то ты просто наврешь мне с три короба и глазом не моргнешь. Ведь так?

Я промолчал. Тем более, я все еще не придумал, что именно я ему навру.

— Талтуга, милая, — проворковал он, погладив по плечу прильнувшую к нему девушку. — Ты же потолкуешь с этим юношей, как умеешь?

Она что-то прошептала ему на ухо и гибко поднялась. Шагнула вперед, спустилась с подиума и подошла ко мне. Приблизила лицо к моему лицу и заглянула в глаза. Губы ее зашевелились в беззвучном шепоте, в черноте непостижимых монгольских глаз зажглись

красные огоньки.

Мне стало не по себе, и почувствовал, как волосы зашевелились у меня на затылке.

Глава 10. Блуждающие тени

Талтуга закрыла глаза и пробежалась пальцами по моему лицу, как слепая. Потом отпрыгнула и медленно закружилась, раскинув руки. В комнате стало как будто темнее. От маленькой кружащейся фигурки в разные стороны протянулись темные тени.

Странные тени. Они были темнее, чем все, которые отбрасывались обычным образом. И вели себя тоже неправильно — шевелились невпопад, вытягивались, укорачивались. Кажется, даже разевали рты.

Чтобы окончательно не офигеть, я просто отключил всякие эмоции и просто наблюдал, подмечая детали. Теней было семь. И все они друг от друга отличались. Сложно сказать, чем конкретно. Вроде бы, все это были тени девушки в подпоясанном балахоне с длинными развевающимися волосами. Но какая-то была чуть темнее, у какой-то были длиннее пальцы, какая-то тянула вверх руки...

Талтуга вдруг остановилась и открыла глаза. Теперь я понял, что мне не показалось. Это был не отблеск красного светильника, глаза действительно светились. Как угольки в темноте.

Дальше все было спутанно. Она то приближалась, то отдалялась. Разные тени тянули ко мне свои извивающиеся пальцы, и там, где они касались моей кожи, становилось то жарко, будто поднесли пламя свечи, то холодно, будто коснулись металлом, то будто провели пушистой кисточкой, то ощущалось мокрое и осклизлое прикосновение рыбьей чешуи.

Я стоял столбом, опасаясь пошевелиться. Мне казалось, что стоит мне двинуть хоть пальцем, я заору. Нечеловеческих усилий стоило не прокручивать в голове мысль: «Что тут, бля, происходит?!» снова и снова, как заезженную пластинку.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Девушка остановилась и растянула губы в улыбке. Потом подошла ко мне и еще раз что-то прошептала беззвучно. И... подмигнула? Или показалось?

Она вернулась к горе подушек и уютно устроилась под боком у Матонина. Тот чмокнул ее в щеку и снова приобнял за талию. Талтуга приблизила свои губы к его уху и зашептала. На лице его последовательно сменялись выражения досады, удивления, недоумения, разочарования. Потом он оттопырил губу и некоторое время молча смотрел на меня. Потянулся за бокалом.

— Очень жаль, — проговорил он. — Но ты точно уверена?

Талтуга горячо закивала и снова принялась шептать. Матонин хмыкнул.

— Я бы поболтал с тобой еще, но ты мне больше неинтересен, — сказал Матонин без выражения. — Просто среди знающих кругов проходил слухок, что сын Ее Величества Императрицы сбежал. И Охранка поэтому и всполошилась и отправила своих ищек в Сибирь, несмотря на баницию. Но Талтуга уверяет меня, что он — не ты. Кто бы ты там ни был, Богдан Лебовский, но к чреву свет нашей Анастасии Витольдовны отношения ты никакого не имеешь. Теперь надо придумывать, что с тобой таким делать... А может, просто отпустить на все четыре стороны, а?

Я судорожно сглотнул. Что, все может быть вот так просто? Сейчас он просто выпихнет меня за ворота и помашет вслед беленьким платочком?

— Ну что, Богдан Лебовский, — сказал Матонин и склонил голову набок. — Хочешь же на свободу, а?

— Звучит отлично, — осторожно сказал я. И подумал, что вряд ли он собирается меня отпустить. То есть, голос его звучал почти нормально, но в глазах плясала эта психопатичная чертовщина, которая и мешала мне относиться к нему как к нормальному человеку.

— Тогда умоляй меня, — один угол его рта улыбался, второй оставался неподвижным. — Ну давай же, покажи мне, как ты хочешь на свободу! Упрашивай, валяйся в ногах, да хоть сапоги мне облизывай!

Я не шелохнулся. Ага, сейчас, разбежался... Нет, я конечно, умею ныть, кричать, просить пощады, умолять и пресмыкаться. И я даже был бы готов все это сделать, если бы это и правда давало надежду на тот результат, который этот психопат мне обещал. Но я был на все сто процентов уверен, что если я начну выполнять то, что он просит, никаких шансов на свободу у меня не останется. Возможно, он прямо здесь меня и зарежет. Вот прямо тем ножом, у которого рукоятка вся покрыта цветными блестящими камушками, как раз на ковре за спиной у него висит.

— Гордый, значит... — взгляд Матонина смерил меня с ног до головы. — Не хочешь развлекать папочку... Ладно, придется поступить по-другому. Мирза!!!

Его манера переходить с ласкового воркования на дикий вопль каждый раз вызывала оторопь. Дверь за моей спиной распахнулась, и справа от меня дисциплинированно возник Мирза.

— Оттащи его в какой-нибудь подвал, брат мой, — скучающим тоном, оттопырив нижнюю губу проговорил Матонин. — Уже поздно, я завтра придумаю, как с ним развлечься...

Мирза схватил меня за плечи и развернул к двери. Снова лестница, большая комната, прихожая, выход, крыльцо. Ярко освещенная площадка перед особняком. Я бросил быстрый взгляд на закованную в колодки Натаху и сжал зубы. «Соберись, Лебовский!» — снова сказал я сам себе. Этой ночью надо выбраться. Хрен знает как, кровь из носа, но надо. Не могут же они все время держать меня под прицелом?

Вход в подвал был сбоку особняка, рядом с сетчатым забором, с другой стороны которого рос пышный куст и мешал рассмотреть, что там скрывается. Я начал спускаться по лестнице, Мирза молча следовал за мной. Под особняком было просторное помещение с квадратными колоннами, в дальней части — несколько обычных деревянных дверей. Не подземная тюрьма, и то хлеб.

Мирза втолкнул меня в крохотную пустую комнату.

— А может хоть руки развяжешь? — без особой надежды спросил я.

Дверь захлопнулась, с той стороны скрипнул засов. Раздались удаляющиеся шаги.

Я выдохнул. Наконец-то я остался один. Теперь можно и избавиться от этих дурацких веревок. Хорошо, что самоуверенный Матонин не потребовал снова связать мне ноги, а Мирза оказался достаточно ленивым, чтобы проявить в этом вопросе хоть какую-то инициативу.

Вообще-то перевести связанные за спиной руки вперед можно двумя способами — вывернуть через голову или протиснуться между ними задницей. Фокус с головой я давно не делал, так можно и плечо потянуть, а руки мне еще пригодятся. Так что я выбрал второй вариант. Правда, некоторое время пришлось покорячиться, давно не было практики.

Так, отлично. Руки теперь спереди. Осталось развязать узлы. Ну или на крайняк перегрызть веревку. Потому что темно тут было, как у негра в жопе, а на ощупь зубами разбираться, что там мне напутали на запястьях, тоже такое себе. Я сел поудобнее,

привалившись к стене, и взялся методично жевать веревку. Желудок, очевидно решивший, что я, наконец-то, взялся за ум и решил пожрать, с готовностью заурчал. Эх, прости, чувак, но жрать нам с тобой пока что нечего...

Веревка была грубая, волокна кололись, как будто я стекловатой решил подзакусить. Но поддавалась, что радовало. Несколько минут, и я был свободен. О да... Я несколько раз медленно сжал и разжал пальцы. Шевелились они пока что плохо, кровь с болью прокладывала себе дорогу по долго передавленным сосудам. Я скрипнул зубами, но продолжал двигать пальцами.

Честно сказать, я чувствовал себя просто кошмарно уставшим. День был такой длинный, что я даже не очень верил, что все эти события в него поместились. Я уже даже с трудом верил, что совсем недавно в другой реальности я сел в Питере на поезд, чтобы поехать поступать в Томский универ на истфак. Прошлая жизнь...

Так, Лебовский, не смей закрывать глаза! Я поднялся на ноги и несколько раз присел, Потом несколько раз подпрыгнул. Понял, что глаза мои к темноте немного привыкли, кроме того, через щель под дверью немного света сюда все-таки проникало. В отличие от ярко освещенной площади, в подвале была только одна тусклая лампочка, болтавшаяся на шнурке под потолком. Я ощупал дверь сверху до низу. Потом сосредоточился на щели с той стороны, где засов. Простая и надежная штука, блин... Хотя, если бы у меня был нож... Я вздохнул. Нож Мелкого остался в полотняной сумке Натахи, вместе с толстовкой, купюрами и еще каким-то вещами. А куда делся дробовик, я даже и не знал. Натаха на второй этаж того дома в заброшенных казармах поднялась без него, видимо, спрятала в тайник под полом. Я сунул руки в карманы джинсов. Пальцы наткнулись на что-то маленькое и острое. Я быстро достал это и ощупал. Та самая тоненькая железячка, которую я у Гиены спер. Может быть...

Я просунул ее в щель и попытался подтолкнуть засов. Длины едва хватало, я держал железку самыми кончиками пальцев. Надавил посильнее. Ага... Кажется, поддается. Так, главное сейчас не уронить эту штуку, а то я ее хрен найду в темноте на полу. А еще она куда-то в щель может закатиться...

Я отдышался. Вытер рукавом колючего шерстяного пиджака выступивший на лбу пот. И продолжил толкать засов. Меееедленно, очень медленно деревянный брусок двигался. До утра бы справиться. Еще бы знать, когда оно наступит, утро это...

Снаружи тихонько скрипнула дверь и раздались чьи-то легкие шаги. Я быстро вытащил из двери свою железку и сунул в карман. Приник глазом к самой широкой щели, чтобы попытаться рассмотреть, кто это посреди ночи пожаловал в подвал.

В тусклом свете лампочки взметнулись длинные черные волосы.

Талтуга? Но что она здесь делает?

Судя по шагам, девушка обошла весь подвал, приближаясь то к одной, то к другой двери. У моей шаги смолкли. Я метнулся влево и замер, прижавшись к стене.

— Я слышать твое дыхание, Богдан Лебовский... — тихо сказала она.

— Талтуга? — спросил я.

— Мой муж хочет тебя убить, — сказала она. — И завтра ты умереть. Но я не сказать ему, что ты шаман.

Она помолчала, и я услышал, как засов начал двигаться. Но дверь не открылась.

— Мой муж страшный человек, — снова зазвучал с той стороны ее шепот. — Я несколько раз метать кости, чтобы найти его смерть. Кости говорить мне, что смерть ему принесет великий шаман с запада.

Засов снова задвигался. Потом легкие шаги удалились. Скрипнула дверь наверху.

Я рванулся к двери и толкнул ее. Все еще заперто. Но зачем-то эта узкоглазая ведьма трогала засов?

Я снова сел на колени рядом с щелью и достал из кармана свою спасительную железячку. Снова до боли в пальцах начал толкать треклятый засов. Еще на миллиметр. Потом еще на миллиметр... Прерывался только чтобы вытереть пот со лба. Убьет он меня, значит. Ага, убивалка не выросла... Еще миллиметр. И еще чуть-чуть... Перевести дыхание. Уф. Вроде бы, не кросс в полной выкладке бегу, а так взмок, будто уже пятый километр. И еще миллиметр...

Дверь внезапно открылась, я от неожиданности не смог удержать равновесие и вывалился наружу. Тут же вскочил на ноги и быстро огляделся. Никого. Отлично. Теперь к двери. Хотя нет, стоп. Надо проверить остальные комнатки. Бюрократа куда-то увели и где-то заперли. Зачем Матонину держать пленных в нескольких разных местах?

Я последовательно распахнул все шесть дверей. Первые три были не закрыты на засов, четвертая была моя, пятая закрыта, но пустая, а вот в шестой кто-то лежал, скрючившись, в углу. Я осторожно вошел в камеру. Тело зашевелилось, вытянуло длинные ноги в клетчатых брюках. Все еще связанные. Как и руки.

— Бюрократ, — прошептал я и тронул его за плечо. — Просыпайся, это я, Богдан!

— А? — Бюрократ встрепенулся, закрутил головой и подслеповато прищурился.

— Молчи, — сказал я. — Сейчас я тебя развяжу.

Узлов ему на руках намотали еще больше, чем мне. Но теперь-то у меня были свободны пальцы, так что со всей этой мешаниной я справился меньше, чем за минуту. Теперь ноги...

Бюрократ медленно пошевелил руками и застонал.

— Тихо! — шепотом приказал я. — План такой. Сейчас я иду наружу на разведку. И надо еще Натаху освободить. Потом вернусь за тобой и выведу отсюда. Все понял?

Бюрократ кивнул. Я дораспутывал узлы на его ногах и встал.

— Разминай руки и ноги, — прошептал я. — Жди меня, не спи!

Я выскочил наружу и прикрыл дверь. Так, теперь наверх. Я бесшумно взлетел по лестнице и остановился. Прислушался, постоял с минуту. Вроде часового возле подвала не было, но фиг знает... Осторожно толкнул дверь и чуть не застонал. Заперто? Но тут же даже замка не предусмотрено...

Взялся за ручку и потянул ее на себя. Дверь тихонько скрипнула и приоткрылась. Уф... Натурально, чуть дуба не дал от расстройства! Вот было бы тупо сейчас застрять у второй двери...

Я выглянул в неширокую щель. Слева от двери — ярко освещенная площадка. Справа — сетчатый забор и куст. Крыльца никакого нет. И рядом никого тоже. Повезло.

Я пригнулся, выскользнул наружу и сразу же опустился на землю. На фоне белой стены дома меня было бы заметно даже при менее ярком освещении. А при передвижении попластунски есть шанс остаться незамеченным.

Я подполз к углу дома и выглянул. Так. Рядом с воротами — двое Беков. Еще двое Беков стоят с другой стороны дома, рядом с крыльцом. Курят. Видимо, остальные спят.

Я посмотрел на закованную в колодки Натаху. Мало того, что все вокруг было освещено фонарями, так ей в лицо с башни еще и прожектор направили...

Надо было как-то отключить всю эту иллюминацию. Интересно, откуда запитано это сияющее великолепие?

Я отполз обратно в свой закуток и задумался. Убежать прямо сейчас не мне одному не составит никакого труда. Я смерил взглядом деревянную постройку, которая выполняла роль стены. Метра четыре. Сначала по сетке на забор, а там выше торчат какие-то выступы, в общем, детская задачка. Но не бросать же здесь Натаху и Бюрократа? Натаха в этих колодках скрючена, и вряд ли будет способна лазать по стенам сразу после того, как я ее освобожу. Кстати, надо еще придумать, как это сделать... А Бюрократ так вообще вряд ли способен лазать по сараям. Желательно быстро и бесшумно.

Ладно, осмотрюсь пока.

Я перемахнул через сетчатый забор и притаился за кустом. Прислушался. Вроде никто не обратил внимания на негромкий лязг металлической сетки... Теперь узнаем, что Матонин прячет во второй половине своего поместья...

Хорошо, что к освещению этой части двора он не относится с такой же ответственностью. Здесь царили нормальные ночные сумерки, где-то даже сонные. С правой части — длинный одноэтажный барак с тремя дверями. Над каждой светится тусклая лампочка в круглом плафоне. Колода стоит, вокруг — гора наколотых, но еще не сложенных в поленницу дров. Топор, хм... Топор — это хорошо, хоть какое-то оружие.

Но выходить я все равно пока не торопился.

К Бараку примыкала стена какого-то здоровенного деревянного сарая. Который я бы скорее назвал ангаром. Высотой он был, наверное, таким же, как и особняк. «Здоровенный какой, что там хранят, интересно?» — подумал я. Впритирку к этой циклопической штуке стоял ряд гаражей. Только вот двери и ангара, и гаражей выходили в другую сторону. Значит, дальше все еще продолжают владения Матонина...

Левая сторона отгорожена невысоким забором, калитка в котором приоткрыта. За забором — тоже какие-то постройки, но света там еще меньше, видно только тени крыш на фоне неба.

На проглядываемом пространстве — никого.

Окна в бараке темные.

Правда, это не значит, что нужно ломиться через самую середину. Есть подозрение, что мне нужно в ту калитку. Откуда-то с той стороны раздается посторонний шум и гудение. Найду источник электричества, вырублю свет на площади.

Я снова опустился на землю и пополз вдоль дома. С этой стороны из него тоже был выход.

Осторожно выглянул из-за угла. Где-то здесь курили Беки, когда я с той стороны смотрел. Площадь от заднего двора с этой стороны тоже отгораживал сетчатый забор, только здесь в нем была калитка. Двое Беков все еще стояли на ярком свете. Только больше они не курили, а о чем-то разговаривали. Дробовики закинута за спины.

Или они беспечные и самоуверенные, или у них есть причины не особо напрягаться.

Дождавшись, когда те двое будут смотреть в сторону, я быстро проскочил пространство между углом дома и калиткой, и прощмыгнул внутрь.

Гудение стало отчетливее.

А в ноздри ударил резкий звериный запах.

Глава 11. Концерт для медведя с генератором

Я мысленно заметался. Гудение раздавалось совсем рядом, из домика с правой стороны от калитки, а слева были два ряда невысоких построек, в которых что-то возилось, громко дышало и периодически взрыкивало. Что это у него тут такое? Зверинец?

В конце концов любопытство победило, и я решительно направился к непонятной живности. Здесь было довольно темно, но мои глаза уже достаточно привыкли к темноте, чтобы неплохо все различать. Это в подвале, безо всяких источников света становишься слепым, как крот. А здесь улица. Совсем рядом сияет тысячей фонарей непонятно зачем освещенная ярко освещенная площадь. Луна еще выглядывает. Не полная, коенчно, но тоже вполне себе источник света.

Воняло здесь, конечно, ужасно. Похоже, за животными никто особенно не ухаживал, клетки были тесные и темные. Всего их было десять. В самой первой гулко дышала, прихрапывая, огромная гора шерсти. Это что, медведь? Бедная зверюга, он в этой камерке даже на лапы подняться не сможет!

Из глубины следующей клетки на меня сверкнули два светящихся глаза. Что-то не очень большое, но и не особенно маленькое. Рысь? Тут к первой паре глаз добавилась вторая. Из темноты раздалось хищное шипение.

Ладно, дальше у нас кто?

Я обошел весь зверинец. Опознать обитателей смог еще в трех клетках — кабанчки захрюкали, когда я приблизился, здоровенных каких-то размеров волк высунул между прутьями нос и тихонько зарычал, и пума. Ее клетку освещала луна, так что видно ее было вполне отчетливо. Ее-то как сюда вообще занесло? В Сибири такие кошки отродясь не обитали...

Остальные звери или спали, или клетки были пусты.

Ряд вольеров утыкался в высокие ворота из толстой металлической решетки. За ней — круглая арена, покрытая чем-то светлым, не то песком, не то опилками, окруженная несколькими рядами скамеек. Что это? Матонин устраивает гладиаторские бои на досуге? Вряд ли же это вонючее место предназначено для цирковых представлений, с клоунами и воздушными акробатами...

Зверей стало еще жальче.

Хрен с ними, с людьми, среди них полно мудаков, придурков и отморожков. Но вот животных держать в таких мерзких условиях — это уже что-то запредельное. Я задумчиво направился обратно, в голове замаячили наметки идеи, как нам всем троим выбраться из этой дурацкой крепости. Я настолько потерял бдительность, что чуть не столкнулся нос к носу с каким-то хмырем почти на самом выходе из зверинца. Хорошо, что он что-то бормотал себе под нос, и я успел метнуться в тень какого-то чахлого куста и прикинуться ветошью.

У нежданного визитера не было черной бороды, роста он был невысокого, сутулый, прихрамывающий на одну ногу. Похоже, довольно старый. И он постоянно что-то бормотал. Не то считалочки какие-то детские, не то другие стишки. Он не шевелился и наблюдал за ним. Он медленно прошелся вдоль ряда клеток. Остановился возле кабанчиков, послушал их тревожное хрюканье, потянул носом. Что он вообще может почуять в такой вонище? У меня уже глаза слезятся тут...

— Эй, Степан! — раздался громкий голос еще кого-то. — Ты чего там?

— Да звери что-то беспокоятся, заяц что ли какой заскочил... — ответил Бормотун.

— Так гони его и иди спать, — снова сказал кто-то, потом хозяин голоса подошел ближе, и мне стало его видно. Бородатый, но не черный. Обычный такой селянин на вид. В рубахе подпоясанной кушаком, волосы острижены под горшок.

— Тревожно мне, Митя, — сказал Бормотун-Степан. — Не спится что-то. Погода портится, али что другое плохое надвигается.

— Пойдем ко мне тогда, — сказал Селянин. — Я на Базарную площадь вчера ездил, припрятал в тайном месте бутылочку первача. Ядреного, я такой всегда беру. Тяпнем по стаканчику, тревогу как рукой снимет!

— Это дело, — пробормотал Степан. — Сейчас только запоры проверю еще разок...

Что-то металлически лязгнуло, потом Степан вполголоса выругался. А потом раздался громогласный грозный рев.

— Тише ты, тише, Потапыч, — снова забормотал Степан.

— Что это он у тебя так лютует? — спросил Селянин-Митя.

— Так хозяин же приказали его не кормить, — Степан отошел от клетки. — Говорит, что голодный он игривее.

— Тьфу, пропасть... — Селянин смачно сплюнул. — И забыть бы рад про эту забаву, да какое там. Теперь и мне уже самогонки захотелось. Пойдем, Степан. А ты спи, мишка, спи. Эх, бедная животина...

Бормотун снова забормотал какие-то считалочки, и они оба ушли.

Я поднялся из-за куста и понял, что как будто стало чуть светлее. Похоже, короткая летняя ночь катилась к рассвету. Плохо, очень плохо! Пора бы мне поторапливаться, а в моем плане еще конь не валялся! Почуяв меня, медведь снова заревел. Потерпи, мишка, твое время скоро настанет...

Я проскочил калитку и прижался к стенке гудящего здания. Да, точно электричество отсюда идет. Вон толстенный кабель из-под стены выходит. Теперь надо разобраться, как всю эту конструкцию отключить. Взять топор и просто перерубить этот витой канат? Так самого может током шибануть, и привет...

Я обошел здание по периметру. Довольно большое, кстати. Где-то пять на пять метров. Дверь была заперта на висячий замок. Детская забава.

Я склонился к замочной скважине, покопался в ней своей железкой-выручалочкой. Надо же, кто бы знал, что этот мусор из кармана Гиены мне столько раз пригодится?

Замок скрежетнул, щелкнул, и дужка откинулась в сторону. А я сунул железку обратно в карман. Приоткрыл дверь.

Пахло озоном и как будто какими-то специями. Я вошел внутрь и в недоумении остановился. Это что вообще за хрень такая?

Большую часть внутреннего пространства домика занимал каплевидный котел узким концом упиравшийся в пол. Поддерживала его в вертикальном состоянии рама с двумя обручами. Над верхним краем котла медленно вращались в разные стороны два колеса. Сбоку на стене было что-то вроде панели — длинный ряд мигавших красными и зелеными огоньками кнопок. Ничего похожего на рубильник нигде видно не было. Несколько секунд я посмотрел на эту неведомую фигню, потом решил что перерубить кабель топором будет надежнее. Ну, в крайнем случае, если вдруг ручка у топора окажется мокрой, быстро превращусь в кусок жареного мяса, и все тут.

Я осторожно вернулся к калитке и выглянул за нее. В дальнем конце барака светилось одно окно. Похоже, именно туда направились загрузившие Митя и Степан. Двое Беков отошли, во всяком случае, больше они не стояли на том месте, где я их в прошлый раз видел. Начавший закипать адреналин нашептывал, что действовать надо быстрее, быстрее! Бежать через двор, хватать топор, бежать обратно, рубить кабель, потом бежать к Натахе, потом... Но тут я придержал коней. Не хватало еще спалиться по-тупому. Бывает такое, когда сначала удалось тихонечко проникнуть в расположение противника, проскользнуть мимо часовых, показать невидимый фак патрульным, то последнее дело — возомнить себя невидимкой и начать расхаживать в стане врага как у себя дома — гордо и в полный рост. Так что я опять опустился в горизонталь и пополз вдоль стены дома. Вдруг кто-то из окон решит выглянуть, а тут я, такой. Как на ладони...

Так. А вот к топору не подползешь. Придется все-таки рискнуть и встать в полный рост. Как я уже успел заметить, в этом поместье обитали не только Беки и их психопатичный хозяин, но и обычные люди. Мало ли, кто-то из слуг решил прогуляться по двору в предутренний час. А тут топор воткнул. Дай, думаю, дров поколю...

Я встал, одернул пиджак, несколько раз вдохнул и выдохнул, чтобы не сорваться на бег. Бегать надо будет потом, позже. А сейчас — размеренный прогулочный шаг, вразвалочку, раз-два...

Я подошел к колоде, схватил тяжеленный колун за рукоять и дернул его вверх. Вот будет фейл, если я сейчас его выдернуть не смогу! Но нет, прокатило. Топор выскочил из колоды всего-то со второго рывка, я закинул его на плечо и, разве что не посвистывая, прошел несколько шагов до угла дома. Где снова торопливо упал в горизонталь, вжался в стену и прислушался.

Прокатило! Уф!

Теперь обратно к генератору. Или что он там такое, фиг его знает...

Я постоял над кабелем, примериваясь и покачивая колуном. Собрался с духом. Давай, Лебовский! Еще немного протормозишь, у тебя руки от волнения вспотеют. По-быстрому, раз — и все!

Эх! Я рубанул по кабелю без особенного замаха. Польшнуло нелюдским совершенно светом, я успел прикрыть глаза, но даже сквозь веки почти ослепило. Я не понял, отскочил я, или это меня отбросило. Перед глазами плыли цветные пятна, в ушах шумело после оглушительного треска. Но главное у меня получилось — ослепительный свет на долбаной площади наконец-то погас.

Так, теперь ходу отсюда!

Я проскочил мимо калитки и подбежал к клетке с медведем. Тот издал недовольный рев и махнул на меня лапой между прутьями решетки. Жесть какая, он же громадный, судя по лапище! Что ж, тем лучше. Я протянул руку к задвижке, но быстро ее отдернул, чтобы избежать удара когтями. Да блин...

Отошел на шаг, подобрал кусок кирпича, швырнул его в клетку, чтобы хозяин тайги отвлекся на шум. Тот снова рыкнул, когтистая лапа исчезла, а я быстро откинул задвижку и отскочил за угол. Пусть он не сразу сообразит, что выход свободен, даст мне немного времени.

Шума и паники на площади пока что слышно не было. Парочка Беков о чем-то спорили на относительно повышенных оборотах. Кто-то вроде бы уже топал в сторону калитки. Я просочился у этого кого-то перед самым носом и скользнул бесшумной тенью вдоль забора.

Уже без всякого ползанья добежал до сетчатого забора и перемахнул через него практически одним прыжком. Рядом с силуэтом Натахи в колодках маячил какой-то из Беков. Крутит головой во все стороны, стволом грозно поводит. Лицо такое... значительное. Караул несет. Я качнулся вбок, избегая его взгляда, пробежал вдоль сараев зашел к нему со спины и двинул с замаха колуном в затылок. Ни о каком милосердии я уже не думал, если этот Бек успел бы заорать, то сюда сбежались бы остальные чернобородые, началась бы пальба, а я еще не успел освободить Натаху из колодок.

Но для моего плана все еще было довольно тихо. Если начну рубить скобы, стягивающие колодки, то это точно услышат. Поэтому я встал рядом с Натахой, привалившись к колодкам плечом. Ну, типа часовой стоит. Нормальное зрелище, в темноте не очень-то понятно должно быть, что настоящий часовой валяется сейчас с проломленным затылком.

— Сейчас я тебя освобожу, — прошептал я Натахе на ухо и вытащил кляп у нее изо рта. — Сейчас только...

Со стороны генераторной будки раздался возмущенный рев, потом чей-то дикий совершенно крик. Потом заорал еще один человек. И еще.

Раздался выстрел. Медведь снова взревел. Теперь заорали сразу несколько человек. Похоже, обитатели казарм наконец-то проснулись.

Вот теперь пора!

Я рубанул по металлической скобе, замыкающей две части колодок в одну. Потом еще разок, и еще. Разлетелись щепки, металлическая полоса лопнула. Я откинул топор, подхватил обеими руками верхнюю часть колодок. Чтобы откинуть ее в сторону, мне потребовались неслабые такие усилия. Тяжеленная штука все-таки, практически половина бревна...

Натаха попыталась выпрямиться, но замерла. Лицо ее скривилось, зубы скрипнули. Я с готовностью подставил плечо.

— Идти можешь? — спросил я.

— Кажется, еще не уверена, — прошептала она. Переступила с ноги на ногу. Сжала зубы и выпрямила спину. Отпустила мое плечо и потянулась. — Да, могу. Хотя пока не очень быстро.

— Тогда вон туда, — я ткнул пальцем в сторону закутка рядом с подвальной дверью.

А шум, тем временем нарастал. На выстрелы и рев проснулись, кажется, все обитатели дома. Визжали какие-то бабы. Вроде я ни одной бабы здесь не видел, не считать же бабой Талтугу... Хотя в поместье они наверняка должны быть. Кухарки там всякие, прачки...

Я отогнал от себя всякие тупые рассуждения ни к селу, ни к городу, содрал с шеи мертвого Бека дробовик и повел Натаху к двери в подвал. Придерживая на всякий случай за локоть. Но она с каждым шагом шла все увереннее. Эх, девка-ремень просто! Офигеть у нее живучесть, я еще когда ее от столба на площади отвязывал, удивился, с какой скоростью она пришла в чувство. В смысле, физически, а не морально.

— Куда они загнали грузовик? — спросил я.

— Первый гараж от ворот, — ответила Натаха. — Справа, если лицом к дому стоять.

— Ага, — кивнул я. — Так, жди здесь, я спущусь в подвал за Бюрократом.

Сквозь ор и шум пробился громкий вопль Матонина:

— Не смей убивать медведя! Не стрелять, слышали, недоноски? Сеть тащите! Сеть!

Отлично, всем есть, чем заняться. Вообще была еще одна маленькая проблема. Точнее даже две — часовой на вышке и силуэт оружия, подозрительно напоминающего пулемет. И

ворота. Запертые ворота. Допустим, местный автомобиль мне сдвинуть с места удастся. Вряд ли они чем-то так уж сильно отличаются от автомобилей, к которым я привык. По общим очертаниям грузовики, которые я видел, напоминали устаревшие модели наших машин. Годов примерно шестидесятых. Ладно, проблемы решаем по мере поступления.

Я скатился по лестнице в подвал, там, ясное дело, абсолютная темень. Кажется, камера Бюрократа крайняя справа. Наощупь по правой стене я подобрался к двери. Распахнул ее. Засов так никто и не задвинул, значит никто пока не обнаружил то, что я сбежал. Это была отличная новость, но времени у нас все равно оставалось меньше и меньше. Исчезновение Натахи из колодок заметят гораздо быстрее.

— Бюрократ! — громким шепотом позвал я. — Ты где там?

— Богдан? — отозвался Бюрократ. — Что там происходит?

— Все под контролем, — говорю. — Ты, главное, не тормози! Дверь найдешь?

Через несколько долгих и мучительных секунд моего локтя коснулась рука бюрократа. Я ухватил его за ладонь и поволок к выходу.

Так.

Мы снаружи. Перевести дух. Теперь вдоль сараев к тому гаражу, на который указала Натаха. Я впереди, за мной Бюрократ, Натаха замыкающей.

— Бюрократ, ты машину водить умеешь? — спросил я его через плечо. Он буркнул что-то неразборчивое. Ладно, на месте разберемся!

Роль гаражной двери играл полог из брезента. Сначала я этот момент как-то не отсек, но на самом деле нам на руку. Не будет возни с открыванием, этот «Руссо-Балт», как я успел заметить, все-таки был далеко не танком. Так, пикапчик класса «фермерский шик».

Я поднырнул под брезент, придержал полог, пропуская внутрь Натаху и Бюрократа.

Перевел дух. Сделал пару шагов вперед, уперся в гладкий холодный бампер машины.

Темно было, как у негра в жопе опять. Брезент перекрыл даже самые чахлые источники света. Теперь надо было наощупь разобраться в незнакомой машине. А у меня даже сраных спичек нет, чтобы хотя бы приборную панель рассмотреть.

Из груди вырвался нервный смешок.

— Что? — шепотом спросила Натаха.

— Как думаешь, здесь могут быть спички? Или фонарик какой-нибудь? — спросил я.

— Обычно в гаражах есть полки с инструментами, — ответила Натаха. — Там может быть что-то такое, надо поискать. Она проскользнула мимо меня, коснувшись моего бока правым бедром. Сердце мое забилося быстрее, хотя куда уж, казалось бы, быстрее-то?

Тут полог зашуршал, и в гараже резко стало светло и тесно.

— Не это ищите? — сказал Гиена, державший на вытянутой руке керосиновую лампу. И заржал, как всегда. Сипло и похоже на кашель.

Вместе с ним был Мирза и еще какой-то из Беков.

— А я вам говорил, что зря вы этого мозгляка без присмотра оставили, — снова заговорил Гиена.

Такая себе ситуация. Я целюсь в живот Мирзе, Мирза целится в меня, и второй Бек тоже целится в меня. Дробовик Гиены за спиной. Бюрократ испуганно вжался борт грузовика.

Глава 12. Семь загибов на версту

— Слушай, Мурзик, — сказал я, и тут же дал себе мысленного пинка. Вот зачем я пытаюсь его задирать? Ситуация-то так себе! Но поделаться с собой ничего не мог, у этого Бека так смешно лицо перекашивало, когда я его Мурзиком называл... Так что я кашлянул и повторил. — Слушай, Мурзик, давай не будем накалять ситуацию и поговорим, как взрослые люди. Опустим оружие, обсудим всякие шероховатости...

— Закрой свой рот, — сквозь зубы процедил Мирза. — Бросай ружье и поднимай руки над головой. И тогда я может быть позволю тебе дойти до подвала на своих ногах.

— А если нет, то что? — я повел стволом дробовика, как бы напоминая, что у меня он тоже есть. — Дай угадаю, если твой хозяин завтра обнаружит, что ты не справился с простой задачей сохранить пленника целеньким, чтобы он мог задорно на арене подраться, то он же, наверное, рассердится, да? — я подмигнул. — И например, отрежет тебе яйца, заставит их поджарить на сливочном масле и сожрать, с аппетитом причмокивая, верно, Мурзик?

Мирза злобно оскалился и сжал зубы так, что казалось, что они вот-вот потрескаются. Похоже, я был недалек от истины.

Второй Бек сказал что-то вполголоса на своем языке. Мирза что-то односложно ему ответил.

— А еще может быть, он тебя заставит вместо порченного пленника на арену выйти, а? — я снова подмигнул. — Или может... Хотя зачем я пытаюсь что-то тут придумать? Моей больной фантазии не хватит, чтобы представить себе, что за наказание господин Матонин придумает для своего тупого раба.

— Я не раб моему брату Юрию! — отчеканил Мирза, хотя голос немного потерял в уверенности.

— Слушай, Мурзик, — вкрадчиво произнес я, и опять выдал себе мысленный подзатыльник. Вот в этой фразе уже точно не надо было коверкать имя. Все-таки, серьезное предложение хочу озвучить... — Вот ты сам подумай. Целым ты меня не возьмешь. За покалеченного меня тебя накажут. И за беглого меня тебя накажут. Только если я останусь в живых и на свободе, то буду тебе должен. По гроб жизни, можно сказать, обязан. А ты ведь уже понял, что я непростой человек, верно... Мирза?

Мирза зло прищурился. Промолчал.

— Мирза, я же вижу по твоему лицу, что ты умный человек, — продолжил я уже максимально серьезным тоном. Вообще-то, я не надеялся его в чем-то убедить, по опыту знаю, что такие вот чурки обычно совершенно недоговороспособны. Так что я скорее просто его гипнотизировал. Прикидывая, как бы успеть выстрелить трижды, прежде чем хоть один из них выстрелит в меня. — Я тоже умный человек. Согласись, два умных человека всегда могут договориться... Ты задумайся, ведь между нами двумя нет никаких противоречий, я ведь просто попал в плен случайно...

В этот момент Гиена одним движением перехватил с плеча дробовик и выстрелил Мирзе в висок, потом на весу передернул и выстрелил снова, во второго Бека, который только-только начал поворачиваться в его сторону.

— Он все равно бы тебя не послушал, — сказал Гиена поднимая руки вверх. В одной дробовик, в другой — керосиновая лампа. — А вот со мной договориться как раз можно. Что там у тебя было за предложение?

— Как открываются ворота? — быстро спросил я.

— Засов и замок, охранников обычно двое, сейчас вроде один только остался, второй на переполох убежал, — ответил Гиена. — Ты грузовик хочешь угнать?

— Нет, куском брезента разжиться хотел, — огрызнулся я. — Конечно, хотел.

— А как ты без ключа ее заведешь? — Гиена сплюнул.

— Пять минут, Турецкий, — ответил я. — Посветишь?

Я забрался на место водителя. Вообще, конечно, самоуверенно было вот так заявлять, что я заведу незнакомую машину в темноте и без сна почти сутки. Но сомневаться сейчас было совсем нельзя. Это когда заранее план составляешь, надо каждую мелочь продумывать, просчитывать, пропускать через сито сомнений и сито-хуито, а когда импровизируешь, то вот эти все промежуточные моменты между идеей и действием нужно безжалостно вычеркивать. Потому что стоит задуматься над реальностью и замереть хоть на секунду, то рискуешь получить от этой самой реальности бампером в лоб.

Гиена просунул руку с лампой в открытое окно пассажирской двери. Я осмотрел приборную панель и возликовал. Да это же был почти один в один «Козлик»! Газ-69 был у моего прадеда, в Моторном, я на нем, можно сказать, лишился автомобильной девственности, как только смог ногами до педалей дотягиваться! Точнее, это был не совсем «Козлик», конечно, рычаг переключения передач чуть другой формы, очертания приборной панели немного отличаются. Но совсем по мелочи, скорее в чисто внешнем лоске. Козлик был машиной непритязательной и рабоче-крестьянской, а этот «Руссо-балт», что бы он такое ни был, делали явно с претензией на роскошь. Один только хрустальный набалдашник на рычаге... Я хихикнул.

— Так что там? — Гиена нетерпеливо дернул лампой.

— А, да, прости! — я тряхнул головой, пошарил рукой под приборной панелью, ухватился за провода, рванул весь пучок, некогда было возиться с зажиганием нежно. Не разбираясь в цветовой дифференциации проводов, тупо закоротил методом перебора. Стартер взвизгнул, двигатель зарокотал.

— Хоба! — сказал я. — Так что там с воротами, Гиена?

— Я открою, — Гиена вытащил лампу из салона и поставил на пол сбоку. — Услышишь сигнал, газуй.

— А что за сигнал? — спросил я, примериваясь к рычагу передач. Хрустальная штука эта дурацкая была страшно неудобного. Кто придумал ограничить ее под бриллиант? Об эти грани порезаться, блин, можно...

— Не пропустишь, не переживай! — Гиена пригнулся, поднырнул под брезентовый полог и скрылся. Я хотел выбраться с водительского места, чтобы оттащить мешающий проезду труп Мирзы, но это уже догадалась сделать Натаха.

— Эй, Бюрократ! — сказала она вполголоса. — Забирайся в кузов. Справишься с замком или помочь?

— Эээ... — ответил Бюрократ и подслеповато прищурился. Не выдержали его очки всех этих приключений и потерялись. — Думаю, что да...

Сзади лязгнул металл, и дверь кузова знакомо заскрипела. Натаха прыгнула на кресло рядом со мной.

— Сразу за воротами сворачивай вправо, — сказала она. — Там дорога хуже, но недолго. Потом покажу, куда. Если налево поедем, то нарвемся на заставу.

Я кивнул и принял к сведению. Потянулись мучительные секунды. Я слушал крики,

доносившиеся со стороны зверинца. Похоже, что там дело было близко к наведению порядка. Выкрикивались команды, мишка взревывал, стоны и вопли тоже продолжались, но звучало это уже не как беспорядочная паника. Значит времени и впрямь не так уж и много... Ну где там этот чертов знак уже?! Блин, нашел, кому довериться, наверняка Гиена сейчас нас сдаст, и всех нас в машине прямо и возьмут, тепленькими и почти связанными. Дробовик я выхватить не успею, даже если очень постараюсь... Так, бля, Лебовский! Быстро отставить думать вообще! Я вцепился в дурацкий хрустальный набалдашник так, что острые грани впились мне в ладонь. «Не порезаться бы...» — мельком подумал я. И тут по ушам ударил взрыв. Где-то прямо совсем рядом. Потом застрекотал пулемет, но явно не в нашу сторону. Потом еще раз бахнуло. Ну если это не знак, то я завтра съем с утра живую жабу. Если поймаю. Вперед!

Я газанул, машина сорвала брезентовый полог с гаража и поволокла за собой. «Да бля!» — успел подумать я, но Натаха уже высунулась в окно и сорвала мешавшую обзору тряпку. Фары я не включал, это примерно как светящуюся мишень для пулеметчика над головой повесить. Вывернул руль. Створки ворот разошлись еще не до конца, но кажется, проскочить уже было можно.

— Держитесь крепче! — заорал я и вдавил газ в пол. Минус фара, минус боковое зеркало, да и хрен с ним.

— Направо! — крикнула Натаха.

Не рассуждая, вывернул руль. Серьезно? Какие-то кусты, дороги вообще никакой не видно. Захрустели ветки, машину тряхануло так, что клацнули зубы, потом кто-то запрыгнул в открытый кузов. А, да. Про Гиену я чуть не забыл. Да ладно, если быть честным, про Гиену я забыл. И даже не подумал, что мы совершенно не договорились, как именно он к нам присоединится. Но он оказался умным и сообразил запрыгнуть в кузов. Если это он, конечно...

Мысли скакали в голове бессвязным потоком, пока я крутил руль из стороны в сторону, уворачиваясь от то тут, то там возникающих темных вертикальных силуэтов. Глухая темень уже сменилось предрассветной такой мглой, уже в принципе что-то можно разобрать без дополнительного освещения, но реальность выглядит какой-то не совсем реальной. Но фары включать я все еще не торопился. Это только изнутри кажется, что мы мчимся на немыслимой скорости, на самом деле при таком качестве «дороги» мы ехали разве что немного быстрее бегущего человека.

— Здесь налево! — крикнула мне в ухо Натаха. — Потом сразу направо.

Вот теперь стало видно, что здесь была какая-то дорога. Когда-то. Колея здорово заросла, но ее было видно даже в сумерках. Даже какой-то столбик на повороте сохранился. Краска облупилась, но даже в темноте полосы было видно.

— Это старый барнаульский тракт, по нему можно почти до Вшивой горки доехать, — сказала Натаха.

— До Вшивой горки не едь, сверни сразу после старой церкви, — через спинки сидений перегнулся Гиена. — Главное, не ссы, там вышки только для вида, у Пырьевых на патроны для пулемета денег нет. Так что проскочим!

Я глянул на Натаху, она согласно закивала. Глаза ее азартно блестели, одной рукой она держалась за рукоятку над окном, другой — придерживала зажатый между коленями дробовик.

Прибавил газу, дорога стала явно ровнее и шире. Включил фары. Теперь уже точно

можно. Разбитая фара несколько раз мигнула, но все-таки заработала. Два световых конуса выхватили из медленно светлеющих сумерек остатки дорожного покрытия, сквозь которое пробивалась трава, цветочки и невысокие кустики. Столбы в черно-белую полоску. Желто-коричневые прямые стволы сосен по бокам от дороги. И даже вроде стены каких-то домов.

Массивное здание из красного кирпича с тремя куполами выскочило из-за деревьев как-то внезапно. Ага, вот, собственно, и старая церковь. Похоже, что не действует — креста нет, в передней стене пролом, будто каким-то снарядом попали. Впрочем, может и так и было, я ведь до сих пор так и не узнал, что тут произошло такое...

— Туда сворачивай! — Гиена вытянул руку мимо моего уха и показал пальцем. Но я уже и так видел, куда. Свороток был вполне приличный, дорога вымощена кирпичом, даже фонарь какой-то светится. Свет правда был какой-то странный, будто слишком яркая гнилушка.

Чуть дальше возвышалась вышка, из которой неприветливо торчало дуло станкового пулемета. И маячил силуэт человека еще.

— А точно патронов нет? — спросил я. — Он ведь нас в решето превратит, я даже на клаксон нажать не успею.

— Кто? — Гиена захохотал своим мерзким смехом. — Там нет никого, человек из фанеры вырезан. Чисто для вида.

— Умно! — я хохотнул. Выглянул в боковое окно, когда вышку проезжал, и точно. Плоская фигура стрелка-то, не соврал Гиена.

— Теперь вон туда, к воротам, — Гиена снова ткнул пальцем. — Пырьев мой лучший кореш, он точно не сдаст. Особенно если по хозяйству чем-нибудь поможем, или дробовик лишний отдадим. Вы же забрали дробовики Беков?

— Спрашиваешь, — вместо меня ответила Натаха. Блин, а я вот даже не подумал ведь собрать трофеи!

Сбавил газ, затормозил у деревянных ворот из потемневших досок. Выдохнул. Ушли. Получилось. Прикрыл глаза. Машина качнулась, сзади хлопнула дверь кузова. Расслабляться, правда, было еще рановато. Хрен его знает, куда нас притащил Гиена. Сомнительный друг пока что, мало ли, что у него на уме... Я ведь его едва не убил несколько часов назад.

Гиена протопал к воротам. Дробовик за спиной. Шагает уверенно, не скрывается. Постучал кулаком несколько раз. Внутри сонно забрехала собака. Потом створка ворот слегка приоткрылась, Гиена через щель с кем-то перебросился несколькими словами. Зазвенела цепь, створки ворот распахнулись. Гиена махнул рукой заезжать и отошел в сторону, давая дорогу.

Я снова нажал на газ и осторожно въехал во двор. Остановился рядом с обшарпанным грузовичком незнакомой конструкции. Старый, кузов собран из разнокалиберных досок, левого крыла нет, на водительской двери здоровенная клякса ржавчины. Заглушил мотор и вышел наружу.

Колени откровенно подрагивали, в голове после тряской дороги шумело, во рту пересохло настолько, что даже сплюнуть было нечем.

От ворот подошел невысокий коренастый мужичок. От него разило перегаром, глаза заплывшие, на голове — ободранная шапка-ушанка, из потертого драпового пальто когда-то зеленого цвета торчит круглое пузико. Роба тоже круглая, под носом дурацкие жидкие усики.

— Кузьма, — низким басом сказал он и протянул мне пятерню. Рука была грязноватой,

в мозолях и ссадинах, под ногтями — черная грязь. Похоже, на сельхозработках мужичок подвизается, когда не бухой.

— Богдан, — я ответил на рукопожатие и кивнул.

— Знатная машинка, — Кузьма поцокал языком. — У Матонина чи шо угнал?

— Типа того, — я кивнул.

— Надо ее в сарай загнать, чтобы не заметили, — Кузьма почесал щетину на щеке. —

Потом на запчасти разберем, и следов не найдут...

Вдаваться в полемику о дальнейшей судьбе нашего транспортного средства я не стал. Вместо этого осмотрелся. Приземистый длинный одноэтажный дом, загибающийся буквой «П». Похож скорее на школу или больницу. Возможно, когда-то так и было. Чуть дальше к реке — полуразвалившаяся водонапорная башня. Длинный хлев из потемневших досок, собранный явно из говна и палок. Длинные грядки. Хрен знает, что там на них растет, я вообще не спец в сельском хозяйстве.

— Елифан спит еще? — спросил Гиена.

— А то, — сказал Кузьма. — Вчерась накатили до изумления, его даже Настасья оглоблей в дом загоняла. Так он меня оставил на воротах, а сам спать завалился. Если до полудня проснется, то ярила от удивления с неба рухнет.

— Тогда мы тож завалимся, — сказал Гиена и потянулся. — А пожрать чего есть? И самогонки я бы тоже хряпнул.

Я слушал, как они перебрасываются словами и чувствовал, как напряжение меня медленно отпускает. Натаха безмятежно зевнула. Бюрократ тоже выбрался из кузова. Лицо его было бледно-зеленого оттенка, на скуле цвел разными оттенками фиолетового свежий синяк. Ночью я его не заметил. Было уже светло, с реки ползли щупальца рассветного тумана, зябкий воздух забирался под пиджак. Я поежился.

Похоже, правда отпускает. Холод, вон чувствую, при упоминании еды желудок опять вспомнил, что он существует, и с готовностью заурчал.

— Степа, а где батя-то твой? — спросил Кузьма, пошевелив белесыми бровями и сунул руку в карман пальто. Достал оттуда короткий чинарик, рассмотрел его со всех сторон и удовлетворенно хмыкнул.

— Убили батю вчера, — Гиена сплюнул. — Всех убили, я только остался. И Аркашамудак. Встречу гада, придушу голыми руками!

— Ох ты ж... — Кузьма хлопнул себя руками по ляжкам. — Так надо за упокой свечку сходить поставить... И самогоночки накатить... Вы пока топайте в дом... Хотя нет, лучше в хлев, еще Настасью разбудите. Я пока сгоношу вам пожрать чего... Только давайте сначала машину вашу отгоним.

Кузьма затоптался на месте, видимо решая, к какому делу ему приступить сначала — бежать за едой и бухлом, открывать ворота сарая или он еще что-то забыл важное.

В хлеву возмущенно замычала разбуженная корова.

— Кого, блять, тут принесло до рассвета?! — в распахнувшейся двери возник женский силуэт весьма героических очертаний. А в руках она держала героических же размеров четырехствольное ружье. — С кем это ты опять накатывать собрался, Кузька?! Я, блять, вас алкашей всех сейчас на корм свиньям пушу, повадились они, медом им тут намазано, суки...

Глава 13. А что, так можно было?

— Эй, Настасья, да ты что? — виновато проговорил Гиена, но при этом торопливо поднял руки вверх и сделал мне «страшные глаза». Я тоже с готовностью вытянул вверх ладони. Мало ли, что тут. Может правила игры, а может хозяйка и впрямь дамочка нервная, сначала стреляет, потом спрашивает. — Это же я, Степан Кулема! Не признала? Смотри, какую я тебе машину привез сегодня...

— Ну-ка не шевелись, бородатый, — Настасья угрожающе дернула ружьем. — Девка кто? Рыжая... Ты Холера что ли? Которая с площади убёгла вчера?

— Натаха я. Ну да, Холерой тоже называют.

— Чудно... — Настасья хмыкнула и опустила ружье. — Это что ли вы у Матонина машину угнали?

«Похоже, этот „Руссо-балт“ и правда лучше на запчасти пустить, — подумал я. — А то его что-то тут каждый селянин знает. Не считая каждой селянки...»

— Ага, его, — сказал я, осторожно опуская руки. — Он нас хотел на корм зверинцу пустить, а мы убежали. Степан помог, — и киваю в сторону Гиены.

Тот оскалился и снова издал свой мерзкий кашляющий смех.

— А усадьбу вы его не спалили случайно? — Настасья шмыгнула носом, спустилась с крыльца и поставил свое гигантское ружье, прислонив к стене дома.

Я сначала хотел ответить, но Гиена ткнул меня локтем в бок, и я осекся. Настасья обошла кругом машину, поцокала языком, шикнула на Кузьму, когда тот открыл рот. Он сразу пришиблено втянул голову в плечи.

— В хлев поди хотел гостей отправить, забулдыга приبلудный, — бормотала Настасья себе под нос. — Никакого понимания... Надо скотину подоить. Корма задать. Борщ вчерашний вроде оставался еще, есть поди хотят, щеки ввалились вон. Отогнать машину бы в сарай, а то увидят на нашем дворе, хату спалют, угольков не останется...

Кузьма на цыпочках пошел к сараю, откинул деревянную задвижку, распахнул двери. Подошел ко мне.

— Там справа хлам всякий свален, ты смотри, аккуратнее, — прошептал он мне на ухо.

Я снова сел за руль и аккуратно загнал «Руссо-балт» в сарай.

Честно говоря, я уже не очень понимал, что происходит. Ясно было только одно — наконец-то ничего опасного или двусмысленного. Меньше чем через четверть часа Настасья загнала нас в дом, плюхнула на стол кастрюлю с вчерашним борщом и несколько подсохших горбушек. Отогнала половой тряпкой пытавшегося увязаться за нами Кузьму. И ушла куда-то по своим делам.

Борщ был холодным, с застывшими кусочками оранжевого жира, бульон загустел. Но было реально пофиг. Никогда в жизни не ел такого вкусного борща! Хотя нет, пожалуй, он разделит пальму первенства с банкой стремной тушенки, которую я сожрал в одну каску, после того, как четыре дня провел на свалке в пригороде одного жаркого южного поселения.

Впрочем, я несправедлив. Борщ и в самом деле был вкусный, уверен, мне он даже сытому бы понравился. Хотя нам и пришлось хлебать его всем четверым ложками из одной кастрюли. Впрочем, представляя сложности с мытьем посуды в суровых условиях, я даже не задумался роптать по этому поводу.

— Ну? — сказал я, сыто цыкнув зубом и посмотрел на Гиену. — Почему ты вдруг взялся

нам помогать?

— Так ты же сказал, что у тебя для меня есть какое-то предложение, — сказал Гиена и простодушным таким взглядом посмотрел мне в глаза.

— Гиена, ты вроде не дурак, — я усмехнулся. — Ты же понимаешь, что я тебя просто разводил?

— Так я и тогда понял, — Гиена облизал ложку и положил ее на стол. — Только ты попал больно метко. Я еще у старого козла этого понял, что лучше я тебе помогу, только сразу что-то смелости не хватило.

— Что так? — хмыкнул я.

— Ты же меня, почитай что от смерти спас, — продолжил Гиена, не обратив внимания на свой вопрос. — Ну когда у сортира чуть не задушил. Я валялся в отключке с разорванным вроде как горлом, так мужики из Охранки через меня перескочили вслед за Тимохой, а один ему в затылок пальнул, походя так. Прямо на углу. И они дальше вас ловить побежали.

— Что-то я ничего не понял, — я почесал лоб. — Так кто там в кого стрелять начал и почему?

— Сначала стрелять начали Рыбацкие, — Гиена хлопнул ладонью по столу. — У них старые счеты, они давно у нас хотели станцию отжать. Батю кто-то из них застрелил. А Веню, Тимоху и рыжего — Охранка положила. Я их разговор только немного слышал, им эта сука Кира что-то по рации передала, и они тебя ловить ломанулись. А Аркаша, гад, их на грузовике своем привез. Давно подозревал, что он Охранке проданся, жаль, что раньше его не придушил, может сейчас все бы живы были... А я оклемался и к Ибрагиму. Укрой мол, так и так. Он раньше был нормальный мужик, но когда сюда Матонин приехал, какая-то петрушка с ним начала происходить, как подменили человека. Ну, ты сам видел... Цыгане эти еще кровниками оказались Рубиновых... Короче, все пошло по борозде, куда ни кинь. Я думал, когда все уснут, забраться в подвал и тебя освободить. Только ты как-то сам справился, да еще и устроил там трам-тарарам с медведем. Я тоже думал, что надо шум какой-то поднять, и под это дело со склада четыре гранаты стянул.

Я слушал его сбивчивый рассказ, изо всех сил борясь со сном. Сытый желудок заставил веки тяжелеть просто со страшной силой.

— А Матонин этот... — Гиена несколько раз сжал и разжал пальцы, будто кого-то душит. — Его уже и травить пытались, и стрелков нанимали, и бомбы метали, ничего этого гада не берет. Сучье племя, как и все Матонины. Принесло же его сюда на наши головы.

— А Беки почему ему служат? — спросил я.

— У Беков какой-то свой резон, — сказала Натаха. — Этот Ибрагим вроде как молочный брат Юрия. Его отец служил старшему Матонину, они побратались, а Юрия выкармливала какая-то там из младших жен. Он родился чахленьким, думали помрет вслед за матерью, которую он родами убил. Но нет, выжил, сука...

— А ты откуда эту историю знаешь? — спросил Гиена.

— Так я в подвале у Матонина чуть ли не месяц провела, — губы Натахи искривились. Не то в улыбке, не то как будто она заплакать хотела. — Наслушалась.

— Его ведьма эта косоглазая охраняет, — сказал шепотом от порога Кузьма. Он переминался с ноги на ногу и сжимал в руках бутылочку какого-то мутного напитка. — Все Матонины на тунгусках женятся. А те ведьмы все, как одна. Духов своих черных призывают, а они врагов Матониных по ночам душат.

— Ой, да ладно тебе выдумывать, — Гиена махнул рукой. — Он просто сам гад везучий.

Где Настасья?

— Скотину выгонять пошла, — Кузьма скромненько подсел на край лавочки. — А я заначку схватил и сразу к вам. — За упокой же надо выпить, негоже так вот... На сухую то...

Пить пришлось прямо из горла, потому что никаких стаканов Кузьма с собой не прихватил, конечно. Самогон был ядреным, выбивал слезу и прожигал все внутренности кажется до самой жопы. Вот он-то и оказался тем самым «контрольным в голову», который меня наконец и срубил.

Мне казалось, что я только моргнул. Ничего не снилось, будто в черную дыру провалился. А когда открыл глаза, вскинулся тревожно и огляделся, пытаюсь понять, где я, и что происходит. Но ничего страшного не происходило. Настасья постелила нам всем четверым на полу. Рядом со мной сладко посапывала Натаха, подсунув под щеку обе ладони. Гиена спал, раскинув руки и ноги, с самого краю, А между ним и Натахой, в нелепой скрюченной позе дрых Бюрократ. Я попытался понять, что же меня разбудило, прислушался тревожно, но за окном были сплошные мирные звуки — чирикали птички, покрякивали утки или, может, гуси. Вдалеке несколько женских голосов пели какую-то протяжную песню.

Я выбрался из своего угла, стянул с себя колючий шерстяной пиджак, снять который перед сном у меня, видимо, сил не хватило. Все тело зудело, страшно хотелось в душ. Я криво усмехнулся этой мысли. «Ведро воды из колодца — твой выбор, Лебовский!» — сказал я себе и пошел во двор.

Я поплескался в ледяной воде, которую сам же из колодца и добыл. Потом бросил ведро в колодец еще разок, покрутил ворот, поставил воду на край колодезного сруба. Стянул джинсы. Выплеснул ледяной поток себе на голову.

Уф... Можно сказать, что заново родился...

— Закуришь? — вдруг раздался чей-то незнакомый голос. Я повернулся на него и встретился взглядом с одним глазом незнакомою мужика, сидевшего на крыльце. Фиг знает, когда он вышел. Мужик был колоритный. Лет, наверное пятидесяти. Гладко выбритые щеки, соломенные волосы подстрижены под горшок. Лицо длинное, как у лошади. И сам такой здоровый и как будто состоящий из одних углов. И еще у него были здоровенные ладони. Натурально, как лопаты. Кулак чуть меньше моей головы размером.

— Ты не дергайся, парень, — сказал мужик, ловко скручивая своими огромными руками здоровенную же самокрутку. «Козью ножку», так и тот тип на ночном перегоне поезда. В другом мире и в какой-то другой жизни. — Епифан я. Пырьев. Куркуль местный, хозяйство это мое.

— Богдан, — говорю. — Лебовский. Нас ночью Степан...

— Да знаю я, Кузьма рассказал, — Епифан зажал зубами кончик самокрутку, взял со ступеньки коробок спичек. С наслаждением затянулся, выпустил изо рта клуб вонючего дыма. — Ты угощайся, если хочешь, махорки у меня полная банка вон...

— Не, — я помотал головой. — Я бросил.

Епифан похлопал по крыльцу рядом с собой. Я торопливо натянул джинсы. Трусы и майка были мокрыми, да и фиг с ними. Высохнут. Солнце палило уже довольно жаростно. Я сел рядом с Епифаном. Он молча курил, смотрел куда-то вдаль и щурился на солнце. Я тоже молчал. Подумал про деда. Тот тоже мог вот так часами сидеть, витать где-то в облаках, и с ним не надо было ни о чем разговаривать. Нет, если заговорить, то он даже ответит. Просто сам по себе треп ему был не нужен. Только курил он беломор, а не махорку.

Просыпались все примерно в течение часа. Сначала выскочила на крыльцо Натаха.

Собранная, в глазах зеленое пламя, кулаки сжаты. Видно, что готова сокрушить любого врага, если таковой подобрался к дому. Увидела нас, расслабилась. Потом проснулся Бюрократ. Последним встал Гиена.

Епифан накормил нас простецким завтраком — печеные яйца, молоко и сухари. И сказал, что ему пора заняться хозяйством, забрал из сторожки у ворот Кузьму, и они скрылись в сарае.

— Мы вчера, кстати, наши дальнейшие планы не обсуждали? — спросил я, обгрызая хвостик сорванной травинки. Мы сидели прямо на травке, в тени раскидистого куста черемухи. — А то я что-то отрубился и ничего не помню.

— Ну... — Натаха сцепила пальцы. — Я говорила, что у нас был еще один посредник, с которым мы иногда работали. Но заказы у него в основном мелкие и на охрану. Если мы будем браться за все подряд, то нужную сумму наберем где-то к осени, и тогда уже сможем...

— Что такое баниция? — вдруг спросил я. Натаха замолчала и с недоумением уставилась на меня. Остальные тоже. А я даже сам не знаю, почему спросил именно сейчас. Слова Матонина о том, что Охранка лезет в Сибирь, несмотря на баницию почему-то врезались мне в память и показались чрезвычайно важными.

— Это такой... гм... политический акт, — сказал Бюрократ. Посмотрел, было, странно, но потом вспомнил, что я о себе рассказывал, и взгляд его стал понимающим. — В истории случился только один прецедент, в 1914 году, когда императрица Елена издала указ о баниции Сибирских земель восточнее Тюмени.

— Елена? Какая еще Елена? — спросил я.

— Елена Орлеанская, великая императрица, супруга Николая Второго, — ответил Бюрократ.

— А разве он не на Алисе женился? — спросил я и тут же прикусил язык. Гиена-то был не в курсе, что меня поезд из другого мира привез, а второй раз вдаваться в объяснения мне не хотелось. К счастью, у того в глазах никакого недоверия не мелькнуло. По всей видимости, незнание всяких дел минувших дней вообще ничем подозрительным не являлось.

— Он вроде как хотел, но Алису не то отравили, не то она с конюхом сбежала, — Бюрократ пожал плечами. — В общем, его венценосные родители просватали ему француженку. Такую красивую, что, говорят, глазам было больно.

— Ну и? А баниция как случилась? — нетерпеливо спросил я

— Ну так сначала случился Кружевной переворот, — Бюрократ наморщил лоб. — Ох, я ведь совсем не знаток, только в общих чертах о той истории читал... В общем, в 1914 году Николашка собирался подписать какой-то там ультиматум об объявлении войны. Но его супруга эту писульку прочитала, в ключья порвала и сказала мужу, что он идиот. Они крупно повздорили, Елена из спальни убежала в слезах, а вернулась во главе отряда вооруженных до зубов гвардейцев. А Кружевным переворот назвали, потому что она перед подданными выступала прямо как из спальни сбежала — в кружевной ночной рубашке. В общем, потом она всем сообщила, что Николай — безумец, государственный преступник и Россию-матушку решил коварным англосаксам продать, и применила к нему одну французскую игрушку, которую из Парижа с собой привезла. Гильотина называется. Британский посол лично принес ей ноту, так она наставила на него пистолет и заставила бумажку порвать и сожрать по кусочкам. И сказала, что он может катиться на хуй со своими интригами и своей войной. Мол, если Британии надо, пусть она сама и воюет. И это Николашка был дурак, а

она воспитывалась в Париже, и англичашек на дух не переносит.

— На хуй? Прямо так и сказала? — я захохотал. Ничего себе, шальная императрица!

— Не только сказала, но и официальный документ выдала с такой именно формулировкой, — сказал Бюрократ. — А вот потом против этого ее самоуправства вспыхнуло несколько восстаний. В Иркутске, Томске и Красноярске. Она посмотрела на карту, лобик свой красивый наморщила и спросила советников: «А на что там эта Сибирь?» Ей объяснили про золото, уголь и прочие полезные ресурсы. Она приказала принести бумаги, заперлась в кабинете с несколькими финансистами. Потом она оттуда вышла и издала тот самый указ о баниции. Который полностью отторгал сибирские земли. Российская Империя убирала из всех городов свои гарнизоны, администрацию и войска. «А местные сибирские жители, коли уж им спокойно не живется, пусть ебутся как хотят!» — как-то так она сказала.

— И тоже написано в официальном документе? — давясь смехом спросил я.

— Именно так, — Бюрократ кивнул.

— Получается, что она от Сибири отказалась, — сказал я. — И теперь Сибирь — независимое государство?

— Нет, ничего такого, — Бюрократ развел руками. — Брошенные земли пытались прибрать к рукам и китайцы, и американцы, и немцы. Но только никому толком это не удалось. Никакого единого самоуправления тоже не появилось. В разных городах обосновались разные кланы, кому сил и денег хватает власть удерживать. В Красноярске — Матонины, в Барнауле — Демидовы, в Иркутске — Унгерн, чтоб его... Все они так или иначе в частном порядке продают ресурсы и в Россию, и в Китай, и в Америку. Личными армиями обзавелись, как-то в своих городах порядок поддерживают. А остальные местные жители как жили, так и живут. Продолжается это лет уже примерно сто. Россия сюда преступников ссылает вместо каторги, китайцы вроде то же самое делают.

— А Томск? — спросил я.

— В Томске сразу после баниции власть захватил ректор университета, — сказал Бюрократ. — Объявил город закрытым, выпнул всех несогласных и неграмотных.

— Университет? — спросил я. — И как ему это удалось?

— Так там же магии учили, он его с самого начала открывал как конкурирующее заведение Соловецкому приюту... — не очень уверенно сказал Бюрократ. — Вообще-то, Богдан, эту историю я уже не очень хорошо знаю, внутрисибирские дела для большей части жителей Российской Империи были и остаются загадкой.

— А сколько стоит билет на дирижабль? — спросил я, повернувшись к Натахе.

— Где-то две тысячи соболей, — сказала Натаха. — Тот заказ, про который нам Фрол говорил, как раз покрыл бы нам все расходы, и еще подъемные бы остались... Только не можем же мы опять прийти к Фролу?..

«Интересное дело, — подумал я, но вслух ничего говорить не стал. — Вроде как, центральной власти тут не сложилось, а вот некая местная валюта есть... Надо будет потом расспросить кого-нибудь знающего поподробнее». Вслух сказал другое:

— Ха, Натаха, а ты представь себе рожу Фрола, если мы прикатим, такие опять и скажем: «Так, старикашка, нам вчера какие-то черножопые помешали договорить, что там за заказ с перегоним скота?»

— Послушайте, а зачем нам вообще Фрол? — спросил Бюрократ.

— Что? — Натаха нахмурила брови. — Ну... Он знает нужных людей, которым нужна

помощь, за которую они готовы заплатить...

— Так он же сказал, кто заказчик, — Бюрократ потер переносицу, как будто пытается найти на ней очки. — Питомник Бесстужевой-Вавиловой. Что нам мешает прийти туда самостоятельно и заключить с ними договор напрямую?

Глава 14. Ученый мир как он есть

— Грузовик не дам, — сказал Епифан, выслушав наш план добраться до Кольцово. Развел руками. — Топлива нет. Лошадей могу дать.

— Лошадей даже лучше, — сказала Натаха. — Тогда мы можем по тракту не ехать, на нем может быть засада. Вряд ли Матонины быстро забудут наш шумный побег.

— Боюсь, что я... — Бюрократ замялся. — Я не уверен, что очень хорошо держусь в седле...

— Ты никогда не ездил верхом? — брови Натахи удивленно взлетели вверх. — Это же детская забава! Все умеют ездить верхом! Это же как плавать!

— Ну я не то, чтобы совсем не умею... — Бюрократ потупился. — Когда я был ребенком, меня дважды водили на ипподром. Но не могу сказать, что я опытный наездник...

— Подберу тебе тишайшего мерина, Клаус, — Епифан рассмеялся. — Пупыню. Он не даст тебе с себя свалиться, даже если ты запаникуешь.

Вообще-то я тоже был не то, чтобы опытным наездником. С лошадьми мне приходилось иметь дело, конечно, еще когда я срочником на границе с Монголией служил. Мы у пастухов брали коняшек покатасть, когда свободное время было. Но вроде никаких проблем мне эти животные не доставляли, так что я промолчал. Ну, верхом так верхом.

Мне досталась рыжая кобыла по прозвищу Солнце. Епифан вручил мне повод, предупредив, что дама она норовистая, так что глаз да глаз за ней нужен. Я погладил ее по огненной морде, она скосила на меня лукавый глаз и боднула в плечо. Вроде как, это хороший знак...

Натаха взлетела в седло здорового черно Рамзеса, выражением морды и общими повадками похожего на тиранозавра, а Гиене достался пестрый бело-серый мерин по прозвищу Пятнашка. Кажется, такая масть как-то называлась, но в этом вопросе я никогда не был особенно силен.

Первое время мы ехали молча. Я просто следовал за черной лоснящейся задницей коня Натахи. Все мое внимание уходило на то, чтобы не дать рыжему Солнцу отвлекаться, чтобы схрупать куст вкусной медуницы или задрать хвост и пуститься в рысь вообще в какую-нибудь другую сторону. Но через час дороги и я, и бюрократ по привычке к этим транспортным средствам, и неспешная дорога по холмам с перелесками даже начала доставлять удовольствие. Солнышко припекало, птички пели. Красота...

Я притормозил свою кобылку и поравнялся с меринком Бюрократа.

— Так это получается, что Россия не принимала участия в первой мировой? — спросил я, вспомнив ночной разговор.

— Первой мировой чем? — нахмурился Бюрократ. — Промышленной выставке? Я не настолько знаток, но вроде принимала. Это же еще в девятнадцатом веке было... Или вы про первую научную конференцию?

— Да нет же! — сказал я. — Первая мировая война. Ну, Сараево, Франц-Фердинанд и все такое...

— Не понимаю, о чем вы говорите... — взгляд Бюрократа стал беспомощным. — Нет, в двадцатом веке, конечно, были войны... Гражданская, в Австро-Венгрии, она целых пять лет шла, но мировой ее никогда никто не называл. Война судомоек, в пятидесятых... Соединенные Штаты три раза с Мексикой воевали.

— А Гитлера у вас тоже не было? — спросил я. Надо же, похоже, здесь история двадцатого века катилась по совершенно другим рельсам. Без мировых войн. Может, поэтому все и выглядит таким... архаичным? Считается, что война — один из самых мощных двигателей прогресса. А если все жили в относительном покое, то и развитие техники шло медленнее.

— Гитлера? — Бюрократ потер переносицу. — Это какой-то немец?

— Ладно, проехали, — я хохотнул. — Как-нибудь в более спокойной обстановке надо будет сравнить, в каких пунктах наша с вами история совпадает, а в каких отличается.

— Да, это было бы чрезвычайно интересно, — сказал Бюрократ, без особого, впрочем, энтузиазма.

Дорога до Кольцово заняла у нас около четырех часов. Часть пути мы ехали вдоль реки, потом пересекли старое железнодорожное полотно, а потом внезапно начался поселок. Без всякого перехода, вроде огородов и вспаханных полей. Он здорово отличался от Новониколаевска. Дома здесь стояли ровнехонькими рядами, вид имели квадратный, серый с скучноватый. Почему-то я был уверен, что Кольцово — это такая же деревня, как, например, Матвеевка, рядом с которой обосновался со своей базой Матонин, или Нижняя Ельцовка, где обитал Епифан. Но нет, ничего такого. Вид Кольцово был моему глазу и привычен, и нет. Так в моем мире выглядел, например, Сосновый Бор под Питером. Город, специально построенный для сотрудников АЭС.

— Как-то странно выглядит этот поселок, — сказал я, догнав Натаху. — Как будто новый совсем.

— Ну он не то, чтобы новый, — сказала Натаха. — Его примерно лет пятьдесят назад основали. Вроде как, в Российской Империи запретили заниматься какой-то наукой, и тогда ученые вместе со своим институтом сбежали в Сибирь. А Кольцов — это или основатель городка, или...

— Это знаменитый генетик, — сказал Бюрократ. — Его приговорили к смертной казни в 1957 году, во времена правления императрицы Авдотьи Ильиничны. Она была очень набожной и считала, что все ученые, а особенно биологи, это пособники дьявола. Но вроде как дело там было вовсе не в истовой вере, а в том, что ее фаворитом был патриарх Митрофан. Тогда же Бесстужевы-Вавиловы в Сибирь и сбежали. И даже смогли как-то свои капиталы высвободить. Наверное, городок в честь Николая Кольцова и назван. В память о мученике.

— Наверное, — Натаха пожала плечами. — Это все равно было до моего рождения, а слухов про Кольцово каких только ни ходило. Особенно после того, как лет десять назад его пытался подмять под себя клан Грызловых, но потом они все заболели странной болезнью, от которой по всему телу черные пятна распространяются, а у трупов глаза вытекают. Ох и заваруха была, ужасы сплошные. Поместье их сожгли дотла, чтобы зараза не вырвалась, и до сих пор в те места стараются не соваться. И Кольцово на всякий случай стороной обходят.

— А еще они тигров ручных продают, — подал голос Гиена. — Красавцы, я всегда такого себе хотел... Но дорого, страсть. Говорят, сам Унгерн за ними приезжал, и трех штук в Забайкалье увез.

— И у Матонина-отца был ручной тигр, точно, — Натаха закивала.

К главному зданию питомника мы подъехали безо всяких препятствий. Прохожие на широкой центральной улице встречались, но их было совсем немного, и, в основном, это были мамочки с колясками. Они провожали нашу кавалькаду любопытными взглядами, но

ни в какие коммуникации не вступали.

Натаха спешила первой, привязала повод своего коня к металлическим перилам обширного крыльца. Подошла к Бюрократу и придержала его мерина, подставив плечо, чтобы тот мог опереться, когда будет спускаться. Я справился сам. Оказавшись на земле, мысленно перевел дух, потоптался, пытаюсь избавиться от ощущения лошадиной спины между ногами. Похлопал свою рыжую кобылку по лоснящемуся боку и тоже припутал повод рядом с черным тиранозавром Натахи. Солнце сразу же скосила на него глаз и топнула копытом. Тот фыркнул. Похоже, этих двоих связывают какие-то сложные взаимоотношения...

— И к кому нам тут обращаться? — Натаха задрала голову, разглядывая здоровенную махину питомника. В нем было, наверное, этажей семь или восемь. Для того мира, который я покинул, здание было не сказать, чтобы очень высоким, но после низкорослого, похожего на деревню, Новониколаевска, это был прямо-таки небоскреб. И даже некоторое количество больших стеклянных окон имелось. На последних трех этажах.

— С вашего позволения, переговоры я хотел бы взять на себя, — сказал Бюрократ, неловко поправляя свой клетчатый пиджак. — Не то, чтобы я сомневался в ваших дипломатических талантах, Натаха, но...

— Да без проблем, Бюрократ! — Натаха махнула рукой и засмеялась. — Нам здесь подождать или всем вместе пойти внутрь?

— Сложно сказать... — Бюрократ задумался.

— Я с тобой пойду, — Гиена закинул на плечо ремень дробовика. — Типа телохранитель, ты же как серьезный человек пойдешь разговаривать, а не приبلудыш какой... Чтобы не обидел тебя там никто, очкарик!

— Хо... хорошо, — Бюрократ икнул. — Только большая просьба не вмешиваться в беседу...

— Не ссы, очкарик, — Гиена захохотал. — Что ж я, совсем без понимания что ли?

Бюрократ и Гиена поднялись на крыльцо, а мы с Натахой остались рядом с лошадьми. Ждать.

— Слушай, Богдан, — осторожно начала Натаха. — Ты этому Степану доверяешь?

— Гиене? — спросил я. — Да ни на грош, если честно. Понятно, что без его помощи мы бы хрен выбрались от Матонина, и все такое... Но рассчитывать на то, что в следующей заварушке он будет драться на нашей стороне, я бы не стал.

— Уф, — Натаха облегченно вздохнула. — А то он как-то так ловко влился в нашу компанию, что мне как-то неуютно стало.

— Но сейчас заявлять ему что-то вроде: «Спасибо тебе, мил человек, за безопасный приют, еду и вовремя брошенный гранаты, но давай, до свиданья» было бы как-то невежливо, — я криво ухмыльнулся. — Подождем, посмотрим, как у нас дальше дела пойдут.

Я сел на крыльцо и сорвал травинку, пробивающуюся сквозь ступеньку. Сунул ее в зубы. Реально, если к деталям не присматриваться, это поселение было чертовски похоже на любой из научных городков моего мира. Ровные улочки, ухоженные клумбы, уличные фонари. Дома разве что пониже, в основном трехэтажные. И в некоторых дворах я успел заметить стеклянные кубы теплиц. Высокотехнологичное сельское хозяйство?

Ждать пришлось довольно долго. Солнце успело переместиться за крышу «небоскреба», крыльцо покрыла тень. Наконец, дверь скрипнула, и к нам вышел высокий и тощий парень.

Нескладный и угловатый, как богомол. Я бы сказал, что ему от силы лет пятнадцать, этакий ботаник-старшеклассник. Волосы растрепанные, брюки коротковаты, голые тощие щиколотки торчат из ботинок. Будто он реально совсем недавно из всей своей одежды вырос.

— Вы прибыли с Клаусом Марковичем? — серьезно спросил он.

— Все так, парень, — я поднялся и выплюнул травинку.

— Выс просили зайти в кабинет тринадцать, — он приосанился и принял важный вид. — А я пока послежу за вашими конями.

— На первом этаже? — уточнил я.

— Да, сразу от входа поверните направо по коридору, — парень махнул правой рукой и подошел к привязанным к перилам лошадям.

— Принято, — сказал я, и мы с Натахой направились к двери.

— А можно их погладить? — крикнул нам вслед парень, как-то разом растеряв важный вид.

— Можно, — Натаха засмеялась. — Только сзади не подходи, может копытом двинуть, костей не соберешь!

Искать дверь не пришлось. Бюрократ и Гиена стояли прямо в коридоре, в компании седоволосой женщины. Волосы собраны на затылке в небрежный пучок, на лице — массивные очки в роговой оправе, одета в такой же синий рабочий халат, как и встретивший нас подросток.

— А, вот и вы, отлично, — сказала она, мельком окинув нас взглядом. — Не будем терять времени.

Дамочка устремилась дальше по коридору, потом свернула в другой коридор, мы едва успевали за этой сухонькой старушкой. Я поравнялся с Бюрократам и бросил ему вопросительный взгляд. Тот сделал непонятное выражение лица. Казалось, что он чем-то удивлен и озадачен. Особого триумфа я не заметил.

Потом мы поднялись по короткой лестнице и коридор превратился в длинную стеклянную галерею, по которой мы шли еще какое-то время. Потом снова был коридор, еще поворот, и еще. Я даже запутался в этом бесконечном лабиринте дверей и коридоров. И подумал, что, должно быть, это здание внутри еще больше, чем выглядит снаружи.

Наконец мы поднялись по лестнице на несколько пролетов вверх и вышли на балкон.

— Как я и сказала, — заговорила женщина. — Мамонты в целом неплохо переносят наш климат, и даже в какой-то мере приручаются. Во всяком случае, детенышей новые хозяева уже смогут воспитать, как им нужно. Взрослые особи, увы, довольно агрессивны, но это вполне предсказуемые издержки.

Мамонты?! С балкона открывался вид на просторный загон, огороженный забором из толстой металлической решетки. Рядом с воротами стоял массивный ящик с знакомым, кажется, всем и всякому знаком молнии. Распределительный щит. Видимо, решетка была под током. А внутри паслись огромные, как горы животные, покрытые шерстью. Гигантские бивни, хоботы, ноги, похожие на колонны... Вообще, они были, конечно, похожи на слонов, но как-то сильно меньше, чем я мог представить. Во-первых, они были значительно больше любого слона. Во всяком случае, трое из них. И еще двое были сравнительно небольшими. Видимо, мамонята.

— Один из детенышей — самец, — сказала женщина, — Так что когда он подрастет, новые хозяева смогут пополнять поголовье естественным образом. Отправлять к ним

взрослого самца нельзя, совершенно невозможно. Даже самки мамонтов чрезвычайно агрессивны и могут напасть без всякого повода. Но с ними еще есть шансы сладить. Самцы же совершенно асоциальны. Впрочем, все эти подробности я написала в методичке, они получают исчерпывающие инструкции вместе с партией форсированного корма, — она посмотрела на Бюрократа поверх очков.

— Да-да, я запомнил, — кивнул тот. — Магически модифицированный корм, который позволит животным достичь зрелости в более сжатые сроки, чем предусмотрено их биологией.

— В таком случае, я все подготовлю в течение трех дней, — женщина кивнула. — И отправлю телеграмму в поместье Шпака, чтобы он подготовил загон. Техническая документация у него уже есть. Оплата по факту выполненной работы, все верно, Клаус Маркович?

— Все так, Софья Исааковна, — Бюрократ с серьезным видом кивнул. А я продолжал глазеть на невинно пасущихся на лужайке мамонтов. Вот один из шестряных гигантов протянул свой хобот к невысокому деревцу, обвил его у самого основания, провел петлю вдоль ствола снизу вверх, ободрав почти все листья, и отправил зеленую массу в рот. Между двумя загибающимися бивнями, длиной, наверное, с меня. Или даже больше...

«Интересно, как мы собираемся заставить этих тварей куда-то идти?» — подумал я, но сохранил на лице невозмутимое выражение.

Софья Исааковна развернулась на каблуках и помчалась в обратный путь по всем этим коридорам-галереям-лестницам. А мы послушно топали за ней, храня изо всех сил бравый и уверенный вид.

У ее кабинета мы попрощались, молча вышли на улицу, молча же взгромоздились в седла и направились в обратный путь.

— Я правильно понимаю, что работа наша? — спросил я, когда мы отъехали от питомника на приличное расстояние. Уже почти на выезде из Кольцово.

— Все верно, — Бюрократ кивнул. — Я убедил Софью Исааковну в том, что мы отлично справимся с поручением, мы подписали договор, согласно которому, если все пять особей будут доставлены в Буготак в целости, то мы получим тридцать тысяч соболей. Пятнадцать нам отдаст Шпак на месте, а еще пятнадцать — госпожа Бесстужева-Вавилова.

— До Буготака? — переспросил Гиена. — Вроде Фрол говорил, что в Нижнюю Ельцовку надо гнать, Буготак дальше...

— Значит Фрол нам соврал, только и всего, — Натаха дернула плечом.

— Хм... Теперь осталось придумать, как именно мы справимся с этими... животными, — задумчиво проговорил я.

— Надо с Епифаном посоветоваться, — сказал Гиена. — Он со скотом на короткой ноге, может подскажет что...

Натаха вдруг остановила своего жеребца, тот заржал и встал в свечку.

— С дороги, быстро! — вскрикнула она, подхватила за повод мерина Бюрократа и прыгнула вбок. Я потянул левый повод и пришпорил Солнце. Свистнула пуля. Кобыла прижала уши, завизжала и припустила рысью. Я бросил взгляд туда, откуда, вроде бы, стреляли. Из куста торчал угол кузова какого-то грузовика. Людей видно не было, зато свистнул еще один выстрел. Я пригнулся к шее лошади и пришпорил ее быстрее.

Блин, как назло деревья тут росли, прямо скажем, негусто.

Сзади взревел мотор.

Глава 15. Волчий лог

Солнце неслась вперед, не разбирая дороги. Ветки невысоких деревьев хлестали меня по лицу. Притормаживать ее я даже не пытался, вцепился коленями и руками намертво, чтобы из седла не вылететь. Разок оглянулся, получил в лицо каким-то кустом, но успел заметить, как на пригорок въехал, подпрыгнув, мотоцикл с люлькой. И что параллельным мне курсом несется на своей Пятнашке Гиена. Натаха и Бюрократ — впереди, Клетчатый костюм мелькнул среди кустов, значит все еще в седле.

Несколько раз свистнули пули, но погоня еще не совсем чтобы в спину дышала, да и с тряской люльки мотоцикла стрелять прицельно — не самая простая задача.

Я старался не выпустить из поля зрения черного Натахиного жеребца. Особо рулить испуганной кобылой у меня не получалось, но, кажется, она и сама старалась поспевать за Рамзесом.

Погоня вроде не приближалась, но все равно навязчиво висела на хвосте.

Сколько времени продолжалась эта гонка — хрен знает. Мир просто бешено трясся вокруг, Солнце прижимала уши и неутомимо неслась, кажется, совершенно забыв о такой мелочи, как я на ее спине. В какой-то момент дорога пошла под уклон, впереди блеснула серебристая полоса воды. Солнце чуть сбавила темп, но не особенно. В куче брызг форсировала узкую речушку и понеслась дальше. В три прыжка взобралась на пригорок, наверху я еще раз оглянулся, и увидел, как к той же речке приближается мотоцикл. А на вершине уклона появился второй. Значит, преследователей шестеро. Кто это такие — было понятно и без объяснений. Черные бороды, красные повязки на головах. Беки, кто же еще, мать их...

Впереди замаячила стена могучего леса. Надо только дотуда дотянуть, а там еще посмотрим, кто на кого, блин, засаду устроит...

Натаха и Бюрократ уже скрылись за деревьями. Гиена был от меня чуть сзади и в стороне. Но его мерин явно ускорился, скорее всего он меня обойдет. Интересно, а за кем конкретно Беки охотятся? Если бы мы разделились, кому достанется первый приз — быть объектом погони?

Впрочем, проверять я не стал, тем более, что мое рыжее Солнце взвилась в воздух, перепрыгивая какую-то канаву. Я чуть не сверзился, вцепился в нее еще сильнее, и выкинул из головы всякие посторонние мысли.

Стена леса приближалась, и я подумал, что пора бы вспомнить, как заставить это транспортное средство притормозить. Вроде бы, пастух мне что-то такое рассказывал, что, мол, говорить с ней надо, вперед не наклоняться. Мол, она не сумасшедшая, испугалась просто. Я глянул назад, но мотоциклы преследователей пока не появились. Видимо, для них форсирование речушки оказалось не такой простой задачей, как для всадника.

Я въехал под сень деревьев. Надежда на то, что преследователей он остановит, угасли. Издалека лес казался мрачной стеной, а вот внутри все оказалось не так густо. Подлесок небогатый, поваленных стволов — раз-два и обчелся, деревья в основном сосны, уносящиеся ввысь как ровненькие мачты.

В общем, надо с этим что-то решать. Неизвестно, что быстрее закончится — ресурс лошадиного бега или топливо у этих моджахедов.

Я сильно дернул повод вправо, потом влево. Солнце недовольно завизжала, задергала

головой, но перешла с галопа на шаг сразу же.

— Прости, милая, — я погладил лошадку по взмыленной шее. Вроде как, этот прием практически всегда работает даже у чайников, но вообще-то «пилить рот» сильно не рекомендуется. Не нравится это коняшкам, больно и обидно. Отомстит еще потом.

Я соскочил с лошади. Отвел ее за повод в заросли густого кустарника. Хорошо было бы заставить ее лечь, но, кажется, настолько далеко мои навыки общения с лошадьми не простираются. Поэтому я примотал повод к тощенькому стволу куста, еще раз погладил свое Солнце, подхватил дробовик и направился обратно перебежками, скрываясь за деревьями и кустами.

Патронов в моем дробовике было всего три. Зато это был крупный калибр, а не дробь. Когда мы собирались, я еще пошутил, что таким зарядом и слона завалить можно. Правда, это было еще до того, как мы мамонтов увидели...

Стрекот моторов я услышал очень скоро. Остановился, прыгнул за какую-то кочку, которая показалась мне вполне удобной позицией... Высунулся. Ага, вот они, едут красавчики. Так. Подпустим чуть ближе... Сейчас он удобного повернется чуть боком... Ага, пли!

Дробовик буцкнул меня отдачей в плечо, передний мотоцикл кувыркнулся через переднее колесо и впечатался в дерево. Похоже, водитель не жилец. Так, теперь где там второй... Ах ты гад, он резко сдал в сторону и между мной и им оказалось три плотно стоящих ствола. Значит надо менять диспозицию...

Я откатился к толстому дереву, поднялся на ноги, выглянул из-за ствола, и тут грохнул выстрел. Неужели, заметили?

Еще выстрел. И еще. Похоже, что стреляют они не в меня. Тут раздался дикий вопль одного из Беков. Прямо жуткий такой, пробирающий до костей. Я снова высунулся. Между деревьями мелькнула какая-то серая тень. И еще одна. Снова выстрел. Они точно стреляют не в меня. Может, Натаха тоже решила, что хватит убегать, и тоже устроила засаду.

Один из Беков закричал что-то на своем языке. Другой односложно ему ответил. Снова заорал тот, первый. Протяжно так, тягостно завыл, будто от нестерпимой боли.

Метнулась серая тень. С большую собаку размером. А это еще что за хрень?

Мотор мотоцикла снова взревел. Тяжело и надсадно — теперь на него взгромоздились сразу четверо Беков. Вслед тяжело груженной машине прыгнуло... животное. И вцепилось зубами в заднее колесо. Теперь я смог его рассмотреть. Кажется, это был волк. С левого бока у него была содрана шкура, и из обнаженного красного мяса торчали белыми обломками ребра. Одна лапа была, будто бы, полностью обглодана. Волк упирался в землю голой костью. Из угла зубастой пасти капала красно-белая жижа. Левый глаз был мутным, и на нем сидела здоровенная зеленая муха. Этот волк был мертвым. Но все равно нападал.

Я держал в руках дробовик, тупо смотрел на то, как зубы мертвого волка превращают в лохмотья заднее колесо мотоцикла, и... ничего не делал. Да я натурально офигел просто.

Сидевший сзади Бек изогнулся и с одной руки пальнул в морду волка из обрезка. Животное откатилось, но тут же вскочило и бросилось вдогонку снова. И ему на помощь откуда-то из-за кустов пришли еще два.

Я медленно отступил. Внутри все похолодело и сжалось. Только бы эти твари не заметили меня. Только бы не заметили. Хорошие собачки...

К моей великой удаче, мертвые волки продолжали преследовать Беков. Я быстро вернулся к своей лошади, которая стояла в той же позе, в которой я ее и оставил — низко

опустив голову почти к самой земле. Бока ее тяжело вздымались. Устала, бедненькая, столько бегать...

— Богдан, — раздался из-за куста тихий голос Натахи. Уф... Камень с души. А я как раз начал ломать голову, как теперь буду в этом лесу своих искать.

— Там... — начал я и пошевелил рукой. Не поворачивался у меня язык сказать, что там мертвые волки напали на мотоцикл и пожевали ему заднее колесо, а дальше я уже не смотрел.

— Я видела, — лицо Натахи было бледным.

— Что это за хрень? — спросил я.

— Потом, — Натаха мотнула головой и отбросила косу за спину. — Бери лошадь и идем.

— А нам точно надо вглубь этого леса? — с сомнением спросил я, распутывая повод. — Какие-то не особо привлекательные тут обитатели.

— Мы здесь не выйдем, — сказала Натаха. — Они нас не выпустят и сожрут.

— А где выйдем? — я выпрямился и посмотрел на Натаху.

Она дернула плечом и пошла куда-то дальше вглубь леса. Я еще раз оглянулся в ту сторону, откуда раздавались завывания мотоциклетного мотора, крики Беков и утробное нытье, которое издавали мертвые волки. Особого выбора у меня не было, так что я пошел за Натахой.

— Лошадей надо отпустить, — сказал Гиена, как только мы с Натахой появились на полянке, где они стояли. — Они дорогу до конюшни найдут сами, местная мертвячина их не догонит.

— А нас они на спинах своих разве не смогут вывезти? — спросил я.

— Да бя... — Гиена сплюнул. — Хрен знает. Это же Волчий Лог. Его сразу надо было стороной обходить...

— Можно подумать, у нас был какой-то выбор! — огрызнулась Натаха. — А границы волчьего лога красными флажками обозначены...

— Я слышал, что кто-то вроде пытался границы пометить, — Гиена снова сплюнул.

— Да что тут такое-то вообще? — спросил я. И посмотрел на Бюрократа. Похоже, в этот раз не я один ничего не понимал, он тоже был не в курсе. Переводил взгляд с Натахи на Гиену, а в глазах — немой вопрос. Тот самый, который я и озвучил.

— Урочище Волчий Лог это, — сказала Натаха. — Тут раньше телеуты хоронили своих отверженных. Ну, которых из рода изгнали, изменников всяких, нарушителей клятв и законов, шаманов каких-то неправильных. Старое кладбище для тех, кого нужно забыть. Вот только когда сюда ученые приехали, они об этом или не знали, или слушать не захотели. Волков истребили, настроили своих домов и всяких научных заведений. Вроде того питомника, где мы сегодня были. Ну и что-то там нарушили. И теперь тут... вот так. Вся погибшая живность встает, жуть всякая творится. А главное — выйти отсюда толком не получается.

— А люди? — спросил я.

— Что люди? — Натаха нахмурилась.

— Ну, эти самые ученые, которые всю кашу заварили, — сказал я. — Их трупы тоже бродят по лесу и кусаются?

— Про людей ничего не знаю, — Натаха похлопала своего коня по боку. — Сгинули, говорят, все. Исчезли, сожраны или еще что. Ходячих трупов людей никто не видел.

— И что теперь нам отсюда не выйти? — глаза Бюрократа стали испуганными. Он и так был все еще бледный после дикой гонки по перелескам.

— Вроде кто-то выходил, иначе откуда бы про все это узнали? — хмыкнул Гиена. — Дряньство...

— А Беки как? — спросил я и прислушался. Со той стороны откуда мы пришли, раздавались невнятные вопли и еще какие-то звуки, идентифицировать которые совершенно не хотелось.

— Кабзда Бекам, — Гиена криво ухмыльнулся. — А вот нам лучше мотать отсюда куда подальше. Только не к выходу, а туда, — он неопределенно махнул рукой. Иначе нам тоже кабзда.

Шли мы осторожно, практически след в след. Первой Натаха, потом Бюрократ, потом я, а замыкающим Гиена. Лошадей отпускать не стали пока, вроде бы прямо сейчас ни нам, ни им ничего не угрожало. Верхом тоже не садились. Во-первых, лес становился все гуще, во-вторых, после такой продолжительной гонки животным неплохо было бы отдохнуть.

Мне показалось, что где-то впереди и справа между деревьями было какое-то строение. Но Натаха шла явно мимо, куда-то еще глубже. Потом показалось еще одно здание. Его было видно гораздо лучше, чем первое. Когда-то оно даже было красивым — фасад с лепниной и колоннами, бледно-розовые стены... Только вместо двери — черный провал. Натаха повернула, будто стараясь обойти это здание по широкой дуге. Раздался странный звук, будто что-то очень большое тяжело вздохнуло. Из черного провала дверного проема выполз клуб розоватого тумана и длинным щупальцем потянулся в нашу сторону. Не знаю, что это было, но знакомиться с явлением поближе мне точно не хотелось. Натахе, судя по тому, что она немедленно ускорила до бега, тоже.

Не добравшись до нас метра на четыре, туманное щупальце распалось на белесые ошметки, которые осели на траве бледной пылью.

Лес как будто не редел, но строений становилось все больше. Ощущение, что мы идем по какому-то заброшенному городу, который когда-то был явно красивее, чем Новониколаевск, все больше усиливалось. Сквозь мох иногда были видны квадратные каменные плиты, которыми тут когда-то были вымощены улицы, рядом с поваленным деревом стоял невысокий постамент с неплохо сохранившейся статуей человека в академической квадратной шапочке. Судя по позе, раньше он что-то держал впереди себя на вытянутой руке, но потом дерево упало как раз на нее, и рука отвалилась. А вон то, круглое мозаичное нечто перед почти полностью обвалившимся длинным домом в форме буквы — это явно бывший фонтан. Вот только рядом с ним — что-то совсем чуждое. По виду всем этим развалинам совершенно неподходящее.

В землю был воткнут длинный деревянный шест за набитыми на него жердями в форме большого ромба. С углов фигуры свисали жестяные колокольчики, которые обычно коровам на шею вешают. На нижнюю часть навязано множество порванных на ленты разноцветных тряпок.

— Это еще что? — спросил я.

— Вроде шаманский тотем, — ответил Гиена. — Я такие видел раньше, но только один раз, тунгусы что-то похожее ставят.

— Значит тут есть кто-то живой? — я покрутил головой, еще раз оглядываясь. — Эту штуку явно недавно воткнули.

Откуда-то справа, с пригорка, на котором стоял обломок какой-то стелы, раздалось

мерное позвякивание. Между деревьями появилась фигура в длиннополых одеждах и высокой островерхой шапке. На вытянутой над головой руке он держал что-то большое и круглое. Только почему-то не получалось сфокусировать на нем взгляд, будто человек был окружен маревом, вроде того, которое в жару над раскаленным асфальтом появляется. Бюрократ приглушенно охнул и стал оседать на землю. Из заброшенного фонтана начал выползать темно-зеленый дым. Я схватился за дробовик и прицелился. Почувствовал, как оружие в моих руках быстро накаляется и начинает светиться. Вскрикнул от неожиданности и разжал пальцы, которые тут же покрылись ярко-синими пятнами.

— Он нас морочит! — крикнула Натаха.

Фигура наверху громко захохотала, снова раздался звон колокольчиков, потом несколько глухих ударов. Небо над головой потемнело, из ниоткуда на нем появилось множество здоровенных черных птиц. Они бесшумно махали крыльями и швыряли сверху сгустками огня. Которые, попадая на землю, исчезали, превращаясь в такой же зеленый дым, который струился из фонтана.

Честно говоря, уже хотелось орать от ужаса и бежать куда-нибудь, сломя голову. Единственное, что в этой всей ситуации выбивалось из нарастающей паники, это лошади. Они хранили полнейшее спокойствие, мое Солнце ткнулось разок в шею Рамзеса головой, потом кобыла наклонилась и принялась щипать травку. Вообще не обращая внимания на льющийся сверху огненный дождь.

Я снова посмотрел на ладони. Синие пятна слились в какой-то замысловатый узор, будто сквозь кожу проступили сосуды. Чертовщина какая-то... Я снова схватился за дробовик.

Тут фигура человека в шапке начала приплясывать, он несколько раз ударил в бубен, раздался гортанный речитатив, похожий на заклинание. Птицы исчезли. Зеленый дым растаял. Вышедшее из-за облака солнце осветило деревья и развалины, заиграло цветными искрами на мозаике фонтана. Все снова на несколько секунд стало выглядеть нормальным. Только птицы смолкли, и лошади замерли и прижали уши, слушая размеренную считалочку шамана.

Из-за развалин выскочил человек, гораздо более привычного вида — в кирзовых сапогах, штанах с карманами, таких же, в которых щеголял Гиена, и в куртке типа штормовки.

— Уши берегите! — крикнул он, размахнулся и что-то швырнул в сторону фигуры с бубном. Шандарахнуло так, что даже земля задрожала. Яркая вспышка света скрыла фигуру шамана. Лошади заверещали, Рамзес вскинул копыта, встав в свечку, Солнце громко заржала, вырвала повод из рук у Натахи и понеслась куда-то, очертя голову. Пятнашка взбрыкнул, попав копытом в бок Гиене. Того сбило с ног, отбросив на пару метров.

— Ходу! Ходу! — заорал незнакомец и первым же ломанулся куда-то за разрушенное здание. — Эта тварь скоро придет в себя!

Не раздумывая, я протянул руку Гиене, помог ему подняться, и мы поспешили убраться с этой площади вслед за Натахой и Бюрократом.

Глава 16. Гость в дом — кто в дом?

В ушах все еще шумело, а перед глазами плавали цветные пятна. Похоже, этот мужик швырнул в шамана свето-шумовую гранату. Довольно слабенькую, но выглядело все равно эффектно. Я бежал за брезентовой спиной, стараясь проморгаться. Вот же лох, глаза не додумался прикрыть...

Наш проводник пробежал вдоль кирпичной стены здания с обвалившейся внутрь крышей, потом мы забежали по короткой лестнице на небольшой пригорок и нырнули в проем между двумя явно когда-то жилыми домами. Примерно такого же внешнего вида, как в Кольцово. Правда сквозь некоторые из них уже проросли деревья, а рассаженные когда-то вокруг яблони превратились из симпатичных культурных растений в разлапистых монстров, покрытых мелкими ранетками.

Потом мы вывернули на что-то похожее на широкий проспект. Цветные плиты покрытия были взломаны корнями сосен, дома сейчас представляли собой жалкое зрелище, но когда-то они явно были довольно красивыми. Что-то вроде сталинок. Хм... Надо же... А ведь это похоже на... Академгородок! Точно, новосибирский Академгородок. И даже место вроде примерно то же. И архитектура имеет определенное сходство... Надо же, какая забавная точка совпадения истории! Здесь нет страны, которая построила Академгородок в моем мире, но откуда тогда он взялся?

Проспект оборвался здоровенной воронкой, будто сюда скинули довольно мощную авиабомбу, но наш проводник уже с него свернул, не сбавляя темпа. Я оглянулся. Натаха одной рукой тащила на буксире задыхающегося Бюрократа, в другой держала повод Рамзеса, который невозмутимо рысил рядом. Гиена пыхтел, но держался нормально. Пятнашка и Солнце куда-то убежали. Эх, блин! Надо будет потом попробовать ее найти, не могла же она далеко убежать...

Как только мы свернули, лес опять стал похож на обычный лес. Как будто не было рядом домов и фонтанов. Просто сплошная стена деревьев и все.

— Справа! — крикнул наш проводник. Я не понял, что именно справа, но инстинктивно пригнулся и прынул влево. Рядом с моей головой что-то просвистело. Вроде камня из пращи. Стена возникла перед нами совершенно внезапно. Простое здание из серого кирпича, утилитарной квадратной формы. Деревья росли к нему практически вплотную, но сама постройка была в неплохой сохранности. Проводник пробежал вдоль стены, свернул за угол и распахнул железную дверь.

— Давайте-давайте, быстрее внутрь! Лошадей тоже заводите, а то они напугаются, — Натаха затолкнула в дверь почти бесчувственного Бюрократа, взяла под уздцы Рамзеса и повела внутрь. Гиена подхватил таким же образом бюрократовского Пупыню, а я еще раз осмотрелся в поисках Солнца. Но ее рыжие бока нигде между деревьев не мелькали.

— Быстрее, пацан, не тормози! — проводник толкнул меня внутрь, а сам выхватил из-за пазухи какой-то предмет и с размаху швырнул его в ту сторону, откуда мы прибежали. Заскочил следом за мной и захлопнул дверь.

В этот раз бумкнуло не так сильно как в прошлый.

— Серная граната, — объяснил он, увидев что я на него смотрю. — Почему-то сбивает тварей со следа, когда они гонятся.

— Ага, — сказал я. — Самодельная?

— Ага, — кивнул проводник. Кто бы он ни был. Нормально рассмотреть я его смог только сейчас. Лет ему было, наверное, около сорока. Бородатое одухотворенное лицо такое, типа дядечек, которые обнимают изгиб гитары желтой и поют у костра песни своему солнышку лесному. Даже штормовка сюда отлично вписывалась. А вот гранаты почему-то не очень.

— Кстати, спасибо! — сказал я. — Богдан. Лебовский.

— Очень приятно, — мужик кивнул вежливо. И тоже представился. — Семен. Лаврентьев.

— Михайлович? — вырвалось у меня. Ну не может же быть ТАКИХ совпадений? В мой единственный приезд в Новосибирск мне случилось побывать в Академгородке в компании двух местных жительниц младшего пенсионного возраста, из давних подруг моей матери. Обе дамочки были настоящие светские львицы этого сибирского гнезда российской Академии Наук и прочитали мне целую лекцию о том, как героически он был основан, и как академик Михайло Лаврентьев приехал в дремучий лес и практически собственными руками возвел в глуши цитадель науки и культуры, лучшее место в России, куда там Санкт-Петербургу.

— Что? — Семен удивленно поднял брови.

— Да нет-нет, ничего, — я махнул рукой. — Фамилия показалась знакомой, обознался наверное.

— Хорошо-хорошо, — Семен мелко закивал. — Проходите вон туда, пожалуйста. Здесь не очень уютно, зато безопасно. Периметр здания защищен, так что внутрь твари не проникнут.

— А что это за твари такие? — спросил я через плечо, направляясь «туда», куда мне указал Семен. За небольшим коридором открывалось просторное помещение, высотой этажа в три. Сбоку — металлическая лестнка, а в центре, похоже, раньше стояло что-то громоздкое, от чего сейчас остались только арматурны стойки каркаса. Ну или фиг знает, что это такое было — из пола торчали металлические Т-образные балки, а между ними торчал обрезанный пучок разноцветных проводов и кабелей. Толстый пучок, примерно полметра в диаметре. Никаких идей или ассоциаций, что здесь такое было, у меня не возникло.

Интерьер был небогатым — голые кирпичные стены и по правой стене — длинный желоб с несколькими кранами. Фартук над ними — из голубой кафельной плитки. Явно какое-то научное учреждение.

— Вы привязывайте лошадок, где хотите, — сказал Семен, заходя в помещение. — Напоить можете прямо в рукомойнике, вода чистая, насос пока исправно работает. Устали же лошадки.

— А вы... кто? — спросила Натаха. — Вы прямо здесь живете?

— Меня зовут Семен, милая барышня, — сказал Семен и вежливо кивнул. Даже, можно сказать, слегка поклонился. — Живу я все-таки не здесь, здесь просто дополнительное убежище.

— Здесь — в смысле в Волчьем Логу, — уточнила Натаха. — Все считают, что здесь только мертвые собаки и волки бродят, а люди сгинули давно.

— Как вам сказать... — Семен помялся. — Нам действительно пришлось не очень хорошо.

— Вам? — глаза Натахи стали круглыми и удивленными. — Так вы здесь еще и не

один?!

— Милая барышня... — начал Семен.

— Натаха, — сказала она.

— Милая Натаха, — Семен простодушно так развел руками. — Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, но, думаю, сначала нам нужно поймать ваших лошадей.

— Вы думаете, их там еще не сожрали? — спросил я с надеждой.

— Нет, что вы, — Семен опять развел руками, как будто все время пытался держать ладони открытыми. — Тварей интересуют исключительно человеческие особи. Кстати, Богдан, моего отца действительно звали Михаилом. Так что я Михайлович, все верно. Сейчас я вас оставлю на некоторое время. Вы можете перемещаться по реакторной как хотите, здесь никаких секретов нет. Только запритесь изнутри. Когда вернусь и постучу трижды с промежутком в три секунды.

Семен еще раз полукивнул-полупоклонился и пошел к двери. Я пошел за ним. Он выскользнул за дверь, а я ее захлопнул и закрыл на уже изрядно тронутую ржавчиной задвижку.

Вернулся в большой зал. Натаха уже открыла все краны, и вода начала потихоньку наполнять желоб.

— Ну? — спросил я. — У кого есть какие мысли на счет вот этого всего?

— Мне не нравится этот хрен, — сказал Гиена. — Какой-то он приторный весь, чуть ли патока не капает. Лошадки, спасибочки...

— А мне он как раз показался интеллигентным и вежливым человеком, — сказал Бюрократ. Он сидел прямо на полу, прислонившись к стене. Дышал он после пробежки все еще сбивчиво.

— Знаешь, как говорил мой батя, не к ночи помянутый? — Гиена презрительно оттопырил губу. — Самое опасное — это всегда самое непонятное. Вот если бы мы тебя прямо тогда на станции пристрелили, Боня, глядишь все мои живы были бы сейчас, — он глянул на меня и заржал. — Да не ссы, я шучу. Но тут как в каждой шутке... Ты реально был непонятным. И неуместным, тебя сначала Веня на перроне нашел через два часа после всех остальных. Одет ты был как-то не по-людски и штука эта еще у тебя в кармане была... Тьфу ты, дряньство, вспомнил родных, глаза теперь на мокром месте... Короче, вы же поняли, что я хотел сказать, да? Это же Волчий Лог. Тут всегда уже лет тридцать по лесу бродят одни страшилища мертвые и всякая чертовщина с людьми случается. А тут к нам приходит вот этот вот... Храбрый рыцарь Вицли-Пуцли. Спасает нас от какой-то ебаки и изо всех сил показывает, какой он добрый. Я прямо обоссусь сейчас от умиления.

— Хм, резонно, — сказал я. Вообще-то в его рассуждениях и правда была неслабая такая логика. — Натаха?

— А что я? — она пожала плечами. — Это все хрень какая-то. То есть, с одной стороны, Бюрократ прав, и этот мужик производит очень приятное впечатление, в другой... Да не должно здесь быть никаких мужиков! Ни приятных, ни мерзких! Мертвые волки и кабаны — нормально. Но про то, что в Волчьем Логе какие-то люди живут, я в первый раз слышу.

Мне стало как-то не очень уютно. Правда для выводов пока информации было маловато. Надо было осмотреться хотя бы здесь, в этой, как ее назвал Семен, реакторной.

Помещение было устроено просто — почти все было занято тем самым пространством, в котором из пола торчали арматурины. На первом этаже дверь вела в ту самую короткую прихожую, из которой мы пришли. Я забрался по металлической лесенке на второй этаж.

Там тоже была комнатка, которая в те времена, когда это место было еще не заброшенным и разрушенным, служило рабочим местом наблюдателя. Все стена напротив двери состояла из приборных панелей, выпуклых экранчиков, длинных рядов кнопок и циферблатов с разными шкалами. Сейчас все пульты были мертвыми, ясен пень. Что бы тут ни изучали, его уже все равно из главного зала убрали и куда-то дели.

Так, теперь третий этаж. Ага. Интересно... Здесь стояли стеллажи, коробки с пожелтевшими бумагами, в углу, сваленные кучей, лежали подшивки толстых журналов «Аспекты техномантии. Альманах» со скучной белой обложкой.

Я протянул руку к полке и взял первую попавшуюся книжечку. «Испытания двухступенчатого взаимодействия человека и нулевого механизма. Конспект». Мда, я такой прямо знаток... Бросил эту, взял следующую. «Бутылконоса торпеда. Инструкция для оператора». Хорошо. Я уже чувствую себя героем научно-фантастического фильма. Где мое альфа-гамма-ионопластовое топливо? Чтобы пылающие дюзы разогнали нашу космическую ракету до субсветовой скорости за семь секунд... Взял третью книжечку. Это тоже была тощенькая брошюрка. «Общая инструкция для механика-водителя полутяжелых боевых шагоходов класса М». Кроме букв на обложке схематичное изображение... шагохода. Металлической такой штуке на двух толстых ногах.

— Богдан? — в комнату заглянула Натаха. — Ты чем-то занят?

— Просвещаюсь вот, — я протянул ей книжечку. — Боевые шагоходы изучаю.

— Богдан! Это же гениальная идея! — Натаха открыла книжечку на середине. Там была какая-то плохо отпечатанная схема и длинная таблица букв и цифр.

— Ммм... — я озадаченно посмотрел на нее.

— Ну, использовать шагоход, — сказала она.

— Ох ты ж... — тут до меня дошло. — Чтобы наших мамонтов перегонять?

— Ну да! — Натаха засмеялась. — Этой машине совершенно не нужны дороги, броня там такая, что ее не всякий крупный калибр берет...

— У тебя есть шагоход? У меня есть лучше — инструкция к шагоходу... — пробормотал я почти шепотом.

— Что ты там говоришь? — Натаха подняла глаза от брошюрки. — Я не умею читать и слушать одновременно.

— Только то, что у нас нет шагохода, — сказал я. — А так-то идея огонь, я согласен.

— У Матонина в сарае стоит шагоход, — сказала Натаха, снова уткнулась в книжечку. Потом подняла глаза. — Там «Вепрь», «Гусак» или «Ватрушка». Более тяжелый в таком сарае не поместится. Только скорее всего у него операторов нет, вот он и ржавеет без дела. Иначе Матонин на нем бы разъезжал, вместо «Руссо-Балтов».

— Сложно управлять? — спросил я, заглядывая в книжечку через ее плечо.

— Не знаю, — Натаха дернула плечом. — Но проблема не в сложно, а в том, что водитель должен быть магом. Обязательно, хоть с какой-то искрой. От них поэтому и отказались, что маги довольно редко рождаются, и их можно для чего-то более полезного использовать, чем для рулежки бронированной машиной.

— А откуда ты это все знаешь? — спросил я. — Ты же сказала, что здесь родилась.

— Деда Паня рассказывал, — Натаха закрыла книжечку и сунула мне. — Ты припрядь в карман, неизвестно, как все тут обернется, когда придет хозяин, вдруг придется по-быстрому когти рвать. А инструкцию к шагоходу мы больше вряд ли где-то достать сможем...

— А что за деда Паня? — спросил я. Книжечку сложил вдвое, чтобы она влезла вс

внутренний карман пиджака.

— Пантелеймон Михалыч, сосед наш, — Натаха направилась к двери. — Он был на шагоходах помешан просто, часами мог про них рассказывать. У него даже вся стена была в рисунках разных моделей шагоходов. Я в детстве ужасно его слушать любила. И даже сейчас, наверное, все модели имперских шагоходов смогу назвать. И перечислить базовые технические характеристики и типы бортового снаряжения.

Когда мы начали спускаться вниз, Бюрократ стоял рядом с одним из кранов, раздевшись до пояса, и умывался. Пиджак и рубашку он повесил на одну из торчащих из пола арматурин. Лицо Гиены было задумчивым и злым одновременно.

— Слушайте, я чем больше обо всей этой ситуевине думаю, тем больше прихожу к мысли, что рвать надо когти отсюда! — сказал он, когда мы с Натахой были на уровне второго этажа. — Я нутром чую, что этот Семен готовит нам какое-то говно.

— Когда мы встретили того... то существо, — сказал Бюрократ, поднимая мокрое лицо от ракумыника. — Уже темнело. Фонарей мы с вами не взяли. Если мы сбежим, то это верная смерть.

— Верная смерть — если мы останемся, точно вам говорю! — Гиена сжал кулак и стукнул им по кирпичной стене. Посыпалась пыль. — Вот увидите, этот гад придет не один, а с какой-нибудь группой поддержки, вооруженной с ног до головы. А потом они нас повяжут и оттащат в какой-нибудь свой бункер, чтобы...

— Чтобы что? — насмешливо спросил Бюрократ и всплеснул руками. — Порезать на кусочки?

— Ну не знаю я! — заорал Гиена. — Отсюда живыми вышло полтора человека! Один моего друга троюродного дядки шурина лепший кореш. И второй с ним еще был. Сам не видел, но верный человек рассказывал. Васки Косого кума племянник двоюродного деда. Вы сами мозгами-то своими подумайте! Может, если никто про них не знает, так это потому что они сами не хотят, чтобы про них кто-то знал? Гранаты у них самодельные тут... Насосы работают. Электричество вон...

Гиена протянул руку и щелкнул выключателем. По периметру зала засветились матовые плафоны.

— Вы слишком подозрительный, Степан! — Бюрократ пригладил мокрые волосы и принялся резкими движениями стряхивать с кожи капли воды. — Что с одной стороны, делает вам честь — вы не просто подозреваете на пустом месте, вы анализируете ситуацию, собираете воедино факты... С другой же стороны, при неполной картине можно очень легко прийти к ошибочным выводам на основании... Кстати, Богдан, вы нашли что-то интересное там наверху?

— И да, и нет, — сказал я. — Сколько у нас осталось патронов? В моем дробовике только два. Гиена, Натаха?

— У меня все три целые, я не стрелял, — сказал Гиена и потянулся за своим оружием.

— У меня четыре, но два заряда — мелкая картечь, совсем разве что в упор бить, — сказала Натаха.

— Богдан, вы тоже думаете, что милейший Семен завел нас в какую-то ловушку? — возмущенно спросил Бюрократ, натягивая рубашку.

Ответить я не успел, потому что в этот момент раздался в раздался стук в дверь. Удар. Три секунды пауза. Удар. Три секунды пауза. Удар.

Глава 17. Странные тайны Золотой Долины

Гиена крепче сжал дробовик. Натаха сделала шаг в сторону и встала спиной к стене за углом. Бюрократ гордо вздернул подбородок и демонстративно повернулся к двери спиной. Я на несколько секунд завис. Молчание нарушали только капли воды из протекающего крана. Ладно, не могу же я бесконечно думать!

Я решительно направился к двери и откинул ржавую задвижку. Быстро отпрыгнул в сторону.

— Что-то случилось? — испуганно сказал Семен, стоя на пороге. — Я поймал ваших лошадок. Возьмите у меня повод, Богдан...

Я выглянул наружу. Семен был один. Ну, в том смысле, что никакой вооруженной подмоги вокруг него не наблюдалось. В одной руке он держал повод моей сбежавшей рыжей кобылки, в другой — пестрого мерина Гиены. Мне стало одновременно и немного стыдно, и как-то легче, что прав оказался Бюрократ, а не Гиена. Выводы, конечно, делать было еще рано, но одно то, что в меня не уперлось прямо сейчас десятков стволов уже внушало некоторый оптимизм. Я взял повод Солнца и потянул на себя. Лошадь недовольно мотнула головой, но порог переступила. Процокала копытами по бетонному полу и сразу же сунула морду в металлический желоб ручной мойки.

— Они недалеко убежали, — сказал Семен, заводя Пятнашку следом за мной. — Устали, бедненькие. Щипали травку рядом лестницей, там я их и нашел.

Гиена сделал вид, что озабоченно рассматривает механизм дробовика. Натаха расслабленно зевнула, подошла к своему коню и принялась расстегивать подпруги.

— Уважаемый Семен, а что это за... существо на нас напало? — спросил Бюрократ, натягивая пиджак. — Это был живой человек вообще?

— Честно говоря, конкретно по вот этой особи мы не сошлись во мнении, — Семен скинул с плеча лямку небольшого вещмешка и стал распутывать узел на шнуре. — Но лично я считаю, что это Маркел Мажин из сеока Тодош.

Он замолчал. Мы тоже молчали, ожидая хоть объяснений.

— Честно говоря, я ничего не понял, — сказал Гиена. — Сеок — это деревня такая тунгусская что ли?

— Ох, простите меня, — Семен виновато потупил глаза. — Мы просто так часто об этом спорили, что я уже забыл, что в мире существуют те, кто не может не знать содержимого наших разговоров. Сеок — это в каком-то смысле род, семья. В переводе с телеутского — кость. Несколько сеоков могут жить в одном селении, а потом кто-то может откочевать. Хотя они вроде такого не любят и снимаются с обжитых мест неохотно. Так вот этот Маркел Мажин был шаманом около ста лет назад.

— И его похоронили на местном кладбище? — нетерпеливо спросил Бюрократ. Вообще, я его понимал. Семен говорил медленно, между словами делал большие паузы. Как будто объяснял что-то очень тупой аудитории и следил, чтобы каждое слово до этих неучей дошло. Ну или просто у него такой был стиль речи — после каждого слова казалось, что он заснет. И поэтому все время хотелось потормозить его, чтобы он говорил быстрее.

— Видите ли... Это не вполне кладбище, — Семен замялся. Как будто или не очень хотел рассказывать, или опять пытался подобрать для невежественных слушателей подходящие слова. — Скорее «узилище» или «тюрьма». Понимаете, телеуты неохотно

раскрывают свои тайны чужакам, поэтому информацию приходится собирать буквально по крупицам, — голос Семена окреп, он даже начал говорить быстрее. — Телеуские шаманы довольно могущественны, но их всегда ограничивают внутренние правила каждого сеока. И когда шаман нарушает эти правила, он обретает гораздо большие силы, но и становится как будто менее человеческим. Таких шаманов стараются как можно быстрее убить. И их не хоронят на общих кладбищах, а отправляют подальше, в такое вот место. Маркела Мажина хотели убить, но не смогли. В результате сеок раскололся, часть ушла с ним. Они построили новую крепость. На том берегу Оби. Чтобы сокрушить его, несколько других сеоков объединились и пошли войной...

— Так ты про Чертово Городище что ли говоришь? — Гиена сел на пол, оперся спиной на стену, но дробовик из рук так и не выпустил. — Недалеко от станции на пригорке пожарище с какими-то идолами торчащими?

— На... наверное, — Семен икнул, взгляд его стал немного растерянным. Интересно, а он когда-нибудь вообще был... снаружи?

Семен развязал, наконец, свой вещмешок. Извлек из него слегка помятую флягу весьма армейского вида, ковригу серого хлеба и кусок вяленого мяса. Не переставая рассказывать, разложил это нехитрое угощение прямо на полу и сделал приглашающий жест. Мол, угощайтесь, угощайтесь.

Честно сказать, дальнейшую лекцию про местных аборигенов и их нравы я слушал уже не особенно внимательно. Да, шамана этого замочили, привезли с шиком-блеском в Волчий Лог, семь дней жгли костры забвения и били в барабаны, чтобы духи, которых этот Маркел эзотерически изнасиловал, сменили гнев на милость и повернулись к нерадивым детям своим обратно лицом. Ну или фиг знает, что там у духов вместо лица?

В общем, я уяснил некие важные моменты истории, но меня, признаться, гораздо больше стало интересовать другое. А сколько здесь таких вот вежливых и обстоятельных аборигенов? Он, конечно, может быть и отшельником, который называет словом «мы» команду своих воображаемых друзей, с которым он на досуге устраивает научные диспуты. Но это же вряд ли, господа мои, верно?

Я посмотрел на Гиену, который к угощению не притронулся, а сделал вид, что страшно занят чисткой ногтей ножом. Похоже, от своей подозрительности он решил не отказываться. Это хорошо.

— Семен Михайлович, — сказал я, дождавшись подходящей паузы в его речи. — А расскажите о своих коллегах? Я правильно понял, что вас здесь много?

— Я не сказал бы, что нас особенно много, — не меняя лекторских интонаций сказал Семен. — Думаю, скоро вы сможете сами со всеми познакомиться.

— Скоро? — уточнил я. — Это что вы такое имеете в виду?

— Ученый ковен через три дня, — сказал Семен. — Я вас представлю собранию, вам назначат испытания. Если вы их пройдете, то получите степень младшего бакалавра. А если нет, то вам придется еще три месяца ждать следующего ковена, заодно вы сможете лучше подготовиться к испытаниями, но работа у нас найдется для каждого, даже для неграмотного. Опять же, на реакторе всегда требуются рабочие руки...

Мы обалдело внимали этому детальному описанию нашего ближайшего будущего. Гиена даже рот приоткрыл от изумления.

— Стоп-стоп, Семен Михайлович, притормози! — наконец сказал я. — А что если у нас совсем другие планы? И мы не собирались оставаться в Волчьем Логе?

— Боюсь, что у вас нет выбора, — Семен грустно улыбнулся и развел руками. — Если вы внимательно слушали, что я вам рассказывал, то должны были понять, что внешний контур телеутского узилища непреодолим для людей. Вашего оружия не хватит, чтобы отбиться от полчищ мертвых животных, которыми управляет Маркел Мажин.

— И нет никакой возможности это преодолеть? — спросил Бюрократ.

— Увы, — Семен снова развел руками, и я понял, что этот жест начал меня бесить. — Вы, конечно, можете попытаться, но я вам крайне не рекомендую это делать. Потому что скорее всего вы погибнете. А здесь, в Золотой Долине, вы останетесь живы и будете пребывать в относительной безопасности. Существует, конечно, ряд правил, при несоблюдении которых... — Семен замолчал и по очереди осмотрел всех нас. — Впрочем, вы все узнаете в свое время. Я гарантирую, что если вы будете вести себя пристойно и терпеливо, то никаких проблем у вас не возникнет.

Семен отхлебнул из фляжки и протянул ее Бюрократу. Тот побледнел и беспомощно посмотрел на Гиену.

— Я понимаю ваши терзания и сомнения, — снова заговорил Семен. Все тем же тоном занудного лектора. — Наверняка у вас были какие-то планы, и сейчас вы испытываете отчаяние от утраты чего-то для вас важного там, в окружающем мире. Но волею случая вы оказались здесь. И в ваших интересах как можно быстрее смириться со своей новой участью, и...

Натаха опередила меня буквально на секунду. Только что она сидела расслабленно у стены, а вот уже метнулась вперед, и ее кулак без замаха впечатался в затылок Семена. Тот даже вскрикнуть не успел — глаза его закатились и он повалился на бок.

— Я больше не могла слушать эту... это... этот бред! — Натаха задохнулась от возмущения. Ее пальцы подрагивали, глаза искрились зеленой яростью.

— Но что мы теперь будем делать? — Бюрократ испуганно вжал голову в плечи. — Где-то здесь есть его... гм... коллеги. И это не считая мертвых животных и шамана. Который, как я понял из его объяснений, здесь еще и не один.

— Если бы я не ударила, то его бы точно застрелил Гиена, — сказала Натаха, подтаскивая Семена к ближайшей арматурине. — Потратил бы патрон, которых у нас и так не особенно много, лошади бы напугались и начали бы брыкаться. Надо чем-то его связать. Скоро он придет в себя.

Умная девочка.

Я выдернул шнур из вещмешка Семена. Попробовал на прочность. Такое себе, но пойдет. Силачом, способным разорвать даже слабые путы на связанных за спиной руках он никак не выглядел.

— Что вы собираетесь с ним делать? — спросил Бюрократ, наблюдая за нашими с Натахой манипуляциями. Натаха придерживала обмякшее тело Семена в более или менее вертикальном сидящем положении, а я связывал ему руки шнурком из его же вещмешка.

— Приведем в чувство и допросим, — сказал я.

— Вы думаете, что дела обстоят не совсем так, как он рассказывает? — Бюрократ подслеповато прищурился.

— Ну вот мы и проверим, — я пожал плечами. — Бюрократ, ты не переживай, мы ничего не теряем. Если у нас и правда нет выхода, то мы всегда сможем отвязать его, слезно извиниться, сказать, что были напуганы и дезориентированы, наделали глупостей, исправимся, готовы искупить.

— Боня, а ты сечешь фишку, как я посмотрю! — Гиена хохотнул и поднялся на ноги. Забросил дробовик на плечо. Расставаться с оружием ему явно не хотелось.

— Ладно, давайте уже приводить его в чувство, — я подошел к рукомоЙнику, открутил кран, набрал в ладони воды и плеснул в лицо Семену. Похлопал его по щекам. Его веки дрогнули и он открыл глаза. Непонимающе посмотрел на меня. Потом на Гиену, переместившемуся за мое плечо.

— Что... Что происходит? — пробормотал он.

— Вы ударились головой и потеряли сознание, Семен Михайлович, — сказал я безмятежно.

— Вы меня связали! — он дернулся вперед, на лице его появилась болезненно-обиженное выражение, когда он уперся в железо связанными запястьями. — Это так... неблагодарно! Я же вас спас!

— Семен Михайлович, ничего личного, но у нас действительно совсем другие планы, — сказал я и развел руками. Совсем как он недавно, блин! Фу, стремный жест, надо будет больше его не повторять! — Давайте не будем тратить свое и ваше время, и вы просто сообщите нам, как покинуть это благословенное место?

— Я же уже сказал, что выхода отсюда нет! — сварливо проговорил Семен. — Если вы немедленно меня развяжите, то обещаю вам забыть этот досадный инцидент...

Гиена отгеснил меня плечом и наклонился к нашему пленнику.

— Ты язык-то прикуси, харя! — сказал он, глядя Семену прямо в глаза. — Если ты нам сейчас расскажешь, где тут выход, то останешься в живых и даже целеньким. И сможешь дальше заседать в своем ковене и кидаться гранатами в мертвых шаманов. Но если будешь упираться...

Здоровенный кулак Гиены впечатался в челюсть Семена. Голова того стукнулась об арматурину затылком, из разбитого носа потекла струйка крови.

— Ну как, я доходчиво объяснил? — Гиена заржал. Какой все-таки мерзкий у него хохот, прямо в дрожь бросает! А уж как хреново от этих звуков должно быть нашему пленнику!

— Полсуйте... — в голосе Семена появились панические нотки. Он блуждал взглядом по нашим лицам, пока не остановился на Бюрократе. Дальше он обращался прямо к нему. — Послушайте, но вы же взрослые люди! Вы должны понимать, что в жизни случаются ситуации, выхода из которых быть не может... И то, что вы вымещаете свое недовольство на мне — никак не делает вам чести...

— А что если он говорит правду? — сказал Бюрократ.

— Звиздит он, — в руках Гиены появился нож. — Эх, было бы у нас побольше времени, я бы показал вам парочку отличных фокусов... Но нам бы неплохо поторопиться, ведь так?

Гиена поднес лезвие к лицу Семена, покачал им из стороны в сторону и кровожадно улыбнулся. Лицо Семена приобрело сероватый оттенок, глаза забегали. Гиена медленным шагом обошел арматурину и зашел к пленнику за спину. Присел на корточки рядом с его связанными руками.

— Змечено, что людишки как-то очень ценят свои ногти, — сказал он. — И если сделать вот так...

Семен заорал. В ответ на его вопль лошади испуганно затоптались, одна издала нервное ржание. Кажется, моя. Но я пока не настолько разобрался в конских «диалектах», чтобы быть в этом абсолютно уверенным.

— Если что, я всего-то несильно ткнул тебе ножиком под ноготь большого пальца, — сказал Гиена, не поднимаясь. — Больнее всего будет, если я подцеплю пластинку и вырву его полностью, вот примерно...

— Нееееет! — Семен дернулся вперед так сильно, что у него хрустнули суставы. — Пожалуйста, не надо!

— Да что ты орешь, я же только рассказывал... — Гиена вытянул руку с ножом вперед, над плечом у Семена.

— Семен Михайлович, — я присел напротив него на корточки и заглянул в глаза. На лбу нашего пленника выступили бисеринки пота, да и вообще он выглядел как-то не очень. — Нам правда не хочется причинять вам вред. Скажите, как отсюда выбраться, и мы просто уйдем. И даже можем поклясться, что никому про ваше странное убежище не скажем.

— Но я не могу, понимаете?! — Семен всхлипнул. — Я уже сказал, что нашел вас. И что приведу на ковен...

— Кажется, ты его еще недостаточно убедил, Гиена, — я грустно вздохнул. Гиена снова склонился над связанными руками Семена.

— Нет! Нет! — Семен замотал головой. — Я скажу!

Я подавил вздох облегчения. Ну как-то не очень я себя чувствовал от такого типа допроса.

— Подземелье, — выплюнул Семен и скривил губы. — Мертвые звери туда не заходят. Твари — тоже. Там живут только крысы с собаку размером, так что если вас там сожрут, пеняйте на себя.

— И как нам его найти? — спросил я, поевшись. Честно говоря, подвалы, подземелья и всякие там канализации я никогда особенно не любил. Какая-то детская клаустрофобия.

— Ближайшая ротонда в пятидесяти метрах от реакторной, — голос Семена дрожал. Только уже не от страха, а как будто от злости. — Только лошадей вы там не проведете все равно.

— А это не твоя забота, — Гиена вышел из-за спины Семена и спрятал нож.

— Подземелья охраняются? — спросил я.

— Конечно же нет! — воскликнул Семен. — Зачем?! Если бы вы остались с нами, то очень скоро бы поняли, настолько не нужен вам весь остальной мир! Это там, за пределами контура, тюрьма. Где все грызут друг другу глотки за крохи, где ни к кому нельзя поворачиваться спиной, где на убийство смотрят как на обыденность...

— Семен Михайлович, не трудитесь нас убедить, — я устало махнул рукой. — Куда приведет нас подземелье?

— В Бердское, на мельницу, — тихо ответил Семен, отвернул лицо, но я заметил, что из уголка его глаза скатилась слезинка. Тьфу ты, блин. Какая-то это была уже невыносимо мутная ситуация, даже тошно.

— Ну что,ждемся утра и полезем в подземелье? — спросила Натаха.

— А смысл нам ждать утра? — я пожал плечами. — Это же подземелье, там что так темно, что эдак. Только вот лошади...

— Повод на переднюю луку намотаем и отпустим, — сказал Гиена. — Тут недалеко, дорогу до конюшни они знают. Если этому хмырю верить, то местное мертвое зверье на них не позарится.

Я подошел к Солнцу и погладил ее по рыжей морде. Она боднула меня в плечо и лукаво

скосила глаз.

— Прости, милая, — прошептал я и потрепал ее по бархатному уху. — Похоже, придется тебе одной погулять... — потом повернулся ко всем. — Ладно, давайте уже двигать. А то вдруг кто-то из друзей нашего Семена решит в гости заглянуть, или еще что...

Глава 18. В баре "Три сверчка"

— Что это еще за твари? — прошипел Гиена, отцепляя от куртки очередного маленького пушистого зверя. Они налетели сразу кучей, когда Натаха и Бюрократ уже спустились по винтовой лестнице ротонды, а мы с Гиеной замешкались. И вот тогда-то и раздалось трескучее верещание, и мелкие рыжие твари на нас набросились. Я оторвал зверька, прицепившегося к моему рукаву и попытался рассмотреть.

— Это белки! — крикнул я. — Фу, вонища от них...

Я отшвырнул мертвую тварь подальше и захохотал вниз по дырчатым ржавым ступеням. Пытаясь оттереть руку об джинсы. Буэ... Атака дохлых белок. Надо уже скорее выбираться отсюда. Сзади затопал Гиена, матерясь сквозь зубы.

Ржавая железная дверь с колесом-штурвалом. Настолько уже проржавела, что не закрывается. Я протиснулся в приоткрытую щель, остановился и вытянул руки вперед. Наверху была еще не совсем полная темень, скорее сумерки, а вот здесь в подземелье...

— Натаха? — сказал я вполголоса.

— Сюда! — ее голос звучал правее. Я повернул и медленно пошел туда. Под ногами хрустел какой-то мусор типа кирпичной крошки.

— Вот же дрянство... — тяжелая дверь натужно заскрипела. — Темно тут как в жопе! Эй, вас тут никто не сожрал еще?

— Те твари за нами не побежали? — спросил я, продолжая осторожно двигаться вперед.

— Какие еще твари? — спросила Натаха практически у меня над ухом. И тут же уперся в ее бок. — Сейчас... Если тут ничего не прогнило, то...

Что-то лязгнуло, потом раздался треск и низкое гудение. На несколько секунд вспыхнули желтоватые капли светильников, потом замигали. Потом свет стал ровнее.

— Ничего себе... — сказал я, оглядываясь. — Это кто же тут такое возвел?

— Представления не имею... — Натаха стояла, облокотившись на стену. Рядом с распахнутой металлической дверцей. Что-то вроде электрического щитка. С большим рубильником и несколькими переключателями.

Лестница привела нас в круглое помещение, из которого выходил длинный прямой коридор. Пунктирно освещенный тусклыми матовыми лампами. Вариантов движения пока что у нас был ровно один — вперед. Своим дальним концом этот коридор упирался в другой.

— Может зря мы лошадей отпустили? Здесь же верхом можно ехать... — сказала Натаха.

Мы потопали вперед. Коридор был квадратным в сечении, стены — из серого кирпича. Похоже, что строители у него были те же самые, которые построили «реакторную», в которой нас приютил Семен. Возможно, это все были части какой-то одной системы неведомого мне назначения.

Через метров пятьдесят широкий коридор раздвоился. Ну или, если быть точнее, от него «отпочковался, более тонкий отросток, а «наш» туннель начал плавно заворачивать влево.

Почему-то каждый раз, когда я представлял себе подземелья, мне казалось, что это должен быть настоящий лабиринт с множеством пересекающихся ходов и загадочных поворотов. Здесь все оказалось немного иначе — чтобы обойти основное подземелье, нам потребовалось около получаса. Это был длинный ход в форме длинной дуги. Ответвлений из

него мы насчитали семь, ротонд нам встретилось еще четыре, последняя была тупиковой, как и первая. Никаких крыс или чего-то подобного пока не встречалось. Было даже сравнительно чисто. Во всяком случае, гораздо чище, чем в заброшках подобного толка в том мире, который я оставил. Там обязательно были бы какие-нибудь консервные банки, осколки бутылок, уродливые граффити на стенах и вонючие следы пребывания бомжей. Хотя если вспомнить, что именно находится на поверхности над этими подземельями...

— Эх, а я-то надеялся, что нам до самого Бердского такой вот широкий коридор пробили! — Гиена сплюнул и постучал по металлической лестнице наверх. Высовываться наружу и проверять, где именно выходит на поверхность эта ротонда мы не стали.

— Ничего не поделаешь, придется лезть в узкие коридоры, — сказал я. Какой-то из них приведет нас к нужному подземному ходу.

— Если Семен нам не наврал, — буркнула Натаха.

— Не проверим — не узнаем, — я пожал плечами и направился обратно.

Первый лаз был тупиковым. Вел в крохотную квадратную комнату с высоким потолком, состоящим из переплетения каких-то труб. Освещение там барахлило, единственная работавшая лампочка все время мигала, так что детально рассматривать мы ничего не стали. Понятно же — это не выход.

Следующий коридор упирался в узел кабелей, от которого множеством лучей расходились многочисленные кабель-каналы.

Удача улыбнулась нам в третьем коридоре. Сначала он явственно шел под уклон, а потом и вовсе превратился в лестницу. Которая длинным полукругом спускалась все ниже и ниже в глубину. Стены уже были не кирпичные, но светильники все еще работали. Было заметно, что провода здесь тянули много позже, чем возводили стены.

Ширины лестницы хватало только чтобы спускаться друг за другом. Каменные ступени не выглядели особенно истертыми. Построена эта лестница, похоже, была давно. Вот только не похоже, чтобы ей много и активно пользовались.

Стены были сырыми, откуда-то снизу раздавался мерный звук падающих капель.

В конце лестницы нас поджидал нехреновый такой сюрприз — запертая дверь. И не просто дверь, а как будто от стимпанковского сейфа — из желтого металла, из сплошных полос и заклепок, в центре — колесо.

Латунь? Бронза?

— Опять тупик? — Натаха разочарованно ткнула в дверь кулаком. — Может вернемся и порежем этого Семена на тряпочки все-таки? Даже если за этой дверью есть проход, то он ведь не предупредил нас о сущей мелочи...

— Подожди, Натаха, — я коснулся ее плеча и встал рядом. Провел пальцем по колесу. У меня было какое-то странное чувство... Как будто я уже видел что-то подобное, но потом накрепко забыл, а теперь вот пытаюсь вспомнить. Ясно было, что ничего подобного я не видел. Но ощущение было... чуждое. Я даже себе не мог объяснить, почему мне вдруг показалось, что... что...

— Что там такое? — обеспокоенно спросила Натаха.

— Не знаю, — честно признался я. — Просто мне почему-то кажется, что надо попробовать открыть эту дверь.

— Может пальнуть по ней? — деловито спросил Гиена. — Вон она позеленела вся, вдруг на самом деле она не такая уж и прочная?

— Помолчите... — я взялся за колесо и повернул его вправо. Нет. Неправильно. Мне

так не слышно. Я плотно приложил ухо к двери и снова повернул колесо. Ага... Откуда-то из глубины металла донесся звук. Чистый и высокий. Я еще повернул вправо. Вместо ноты услышал противное «шшшш». Что это за замок такой, интересно?

Провозился я минут, наверное, сорок. Даже понял принцип — при определенных поворотах дверь выдавала ноты. Ключ — какая-то мелодия. Засада была в том, что как раз ее-то я и не знал.

Я сосредоточился. Прокрутил еще раз в памяти, какие повороты «поют». Закрыв глаза. Та-ти-ра-ти-та-та-тинь.

Открыл глаза. Дверь как была закрытой, так и осталась. Импровизация не сработала. Дабля!

И тут на меня накатила волна ярости. Прямо черной волной, затопила сознание. Гребаная дверь! Гребные дохлые белки! И Семен этот уродский со своими учеными сектантами! Да что бы оно все сгорело к херам! Еще неделю назад я был в Питере, прихлебывал пивас и представлял, как на отличненько сложится моя жизнь на гражданке. А сейчас?! Стою тут, блять, в подземелье посреди леса, населенного мертвыми шаманами и волками-зомби и пытаюсь подобрать мелодию на сейфовом замке. Ну охуеть какой карьерный рост, бля!

— Да открывайся ты, сука! — выкрикнул я и треснул со всей дури в дверь кулаком. Брызнула кровь и почему-то посыпались искры. Свет тревожно замигал и погас. Раздался страшный скрежет, потом скрип петель. Я вытянул руку вперед, взялся за колесо и потянул на себя. Петли заскрипели, дверь поддалась.

— Ой, мамочки, — прошептала Натаха.

— Богдан? — осторожно позвал Бюрократ.

— Если кому-то интересно, она открылась, — сказал я. Потянул сильнее. Похоже, что иногда ей все-таки пользовались. Кулак болел, в голове стоял непрерывный гул, как будто внутри черепа включили рубильник.

— Дальше пойдем наощупь? — спросила Натаха.

— Кажется, у меня заначен один химический стержень, — сказал Гиена. — Он старый, но на час его вроде должно хватить.

Он завозился, зашуршал содержимым своего вещмешка. Потом что-то хрустнуло, и коридор залило ярким зеленоватым светом.

За дверью обнаружился другой туннель. Больше похожий на шахту. По его полу проходила узкая рельсовая колея, правая сторона была завалена каменными глыбами, рядом с завалом лежала на боку вагонетка. Влево можно было двигаться. Честно говоря, под землей я ориентируюсь так себе, но вроде это было как раз то направление, которое нам и нужно.

А вот идти стало резко менее удобно. Если у верхнего тоннеля пол был бетонным и ровным, ступени были из гладкого камня, то здесь неровным было все — стены, вырубленные, кажется, чуть ли не кирками, такой же пор, по которому проходили рельсы для вагонеток, а шагать по их шпалам оказалось такое себе удовольствие. Если шагать мимо шпал, то нога попадала на гравий. Удобные у меня были кроссовки... Но что-то у меня возникло подозрение, что пока мы доберемся до поверхности, они превратятся в лохмотья. И придется мне, как и большинству здесь, раздобыть себе кирзовые сапоги.

Я посмотрел на Бюрократа. Вот уж кому точно было хуже, чем мне. Его городские ботинки даже на вид были неудобные, а учитывая травмированную лодыжку...

— Может, передохнем? — спросил Бюрократ, как будто отзываясь на мои мысли.

— Нельзя, светильник сдохнет, — Гиена помахал пока еще светившей, но уже начавшей темнеть на концах палочкой. — Хрен его знает, сколько нам еще топать.

— Я бы все-таки заглянул вон туда, — Бюрократ ткнул рукой куда-то влево. Гиена сделал шаг в ту сторону и вытянул руку с светильником. В стене шахты зиял темный провал, вдоль стен которого тянулись изгибы старых труб.

На стене рядом с нишей крупными белыми буквами было намалевано:

БАР «ТРИ СВЕРЧКА».

И пририсован жук с длинными усами.

Ниша была довольно обширной. При желании здесь легко разместились бы, сидя на трубах, человек, наверное, двадцать. Судя по многочисленным надписям на стенах, когда-то они это даже делали...

— Похоже на какое-то традиционное место отдыха... — сказал я.

— Чем-пи-он на ва-го-нет-ке... — прочитала Натаха. — А имя прочитать не могу, тут стена осыпалась.

— А это как будто буква «М», которую положили на бок, — Гиена провел светящейся палочкой вдоль стены. — И тут их много, будто разные люди рисовали зачем-то...

— Скорее всего, это греческая буква «Сигма», — сказал Бюрократ. — В прошлом веке ей часто пользовались как неофициальным символом ученого сообщества.

— Вроде бы на стене реакторной была нарисована такая же, только большая, — сказала Натаха. Хм, надо же, а я и не заметил... Хотя припоминаю. Как-то не приглядываешься к рисункам на серых кирпичных стенах. Это настолько привычный холст для граффити, что удивление и недоумение вызывает скорее ситуация, когда их там нет.

— А вот тут не по-русски написано, — я провел над стеной ладонью, смахивая пыль и паутину. — FUMIUS. Давно написано. И даже скорее не написано, а выбито...

— На латыни это значит «мы были», — перевел Бюрократ. — А что-то еще там рядом есть? Рисунок какой-нибудь?

Он подошел ко мне и стал очищать стену под надписью. Кусочек засохшей грязи отпал, и под ним обнаружился схематичный контур башни с островерхой крышей и глазом на том месте, где обычно бывают часы.

— Надо же, как интересно, — Бюрократ поманил Гиену поближе. — Это очень похоже на знак «Брюсовой академии».

— Все это страсть как интересно, — недовольно пробурчал Гиена. — Но может у кого-то из вас есть идеи, чем мы будем светить себе дальше?

— Если здесь было место привала или что-то подобное, может тут где-то должен быть тайник? — сказала Натаха, заглядывая в пространство между трубой и стеной. — Припрятанная бутылка с ламповым маслом или что-то подобное...

— Кажется, здесь уже очень давно никто не проходил, — сказал Бюрократ. — Даже самые свежие надписи выглядят очень старыми.

— Но тайник здесь все-таки есть! — Натаха забралась на трубу, подцепила пальцами сколоченный из досок квадратный щит и убрала его в сторону. — Да уж, что-то тут негусто...

Мы столпились вокруг открытой дыры в стене и взялись перебирать находки. Самой ценной оказалась старая шахтерская лампа, похожая на консервную банку, к которой сверху приделали конус из частой медной сетки. Держать эту штуку надо было за крюк из толстой

проволами. У меня эта конструкция вызывала некоторые сомнения. Сплошной металл же, она должна раскалиться настолько, что держать ее будет невозможно... Запас масла тоже был. Ну, если это можно было назвать запасом, конечно. Загустевшей жирной субстанции в бутылки была едва ли четверть. Впрочем, нам все равно должно хватить. Еще там была тетрадь из толстых потемневших листов в обложке из черной кожи. Прочитать при свете угасающего уже химического стержня было нереально. Ну и несколько совершенно бесполезных вещей, вроде ковриги зачерствевшего до каменного состояния хлеба и пары заржавевших банок старых консервов.

— А что такое «Брюсова Академия»? — спросил я, соскакивая с трубы. — Учебное заведение какое-то?

— Да нет, там ничему не учили, — Бюрократ махнул рукой, раскачивая присохшую пробку на бутылки с маслом. — Был такой деятель во времена Петра Первого, Яков Брюс. Когда он умер... Ну, точнее там темная какая-то история, тела вроде как никто так и не нашел, но как-то общим местом решили считать его мертвым, тем более, что болел он действительно долго... В общем, когда разбирали его наследство, нашли множество проектов, среди которых была записана идея по совмещению магии и техники. Во главе с Александром, сыном Якова Вилимовича, они основали что-то вроде ордена, который и заложил основы техномантии.

— Без техномантии не было бы шагоходов, магических замков и печатей, — сказала Натаха. Забрала у Бюрократа бутылку и одним движением выдернула из него пробку. — И еще много чего.

— Но потом Академию закрыли, и деятельность ее запретили, — сказал Бюрократ.

— Техномантия оказалась слишком могущественной и опередила свое время? — спросил я.

— Ах, если бы! — Бюрократ усмехнулся. — Обычный антиправительственный заговор. Кирилл Брюс, один из племянников, пытался устроить переворот, ходили слухи, что это он устроил в Москве чуму в 1771 году. На суде он кричал, что дремучая Россия сама себе режет горло, уничтожая светлые умы. Но сам же при этом и приказал сжечь архивы Брюсовой Академии. Что-то удалось спасти, что-то пропало. Но наследили они по всей Российской Империи много, так что теперь вот даже в Сибири, как видишь, всплывает это их «МЫ БЫЛИ».

— А Яков Брюс был магом? — спросил я. Надо же было сравнить. В моем мире прс этого сподвижника Петра I и то ходили слухи, что он колдун и чернокнижник. А здесь магия — это вроде как привычное дело...

— Конечно, и очень могущественным, — ответил Бюрократ. — С детьми ему только не очень повезло, но с магами так частенько бывает...

Магия... Шаман... Приступ ярости... Внезапно открывшаяся дверь... В голове вдруг всплыло все и сразу. Искры вокруг моего кулака, моментально перегоревший свет. Я старался над всем этим не думать, потому что для осмысления чего бы то ни было нужна спокойная обстановка, которая у нас все не наступала и не наступала. А тут как-то все эти мысли разом нахлынули.

— Мне кажется, или среди вас никто не удивился, когда у меня получилось открыть ту дверь? — задал я вопрос, который крутился у меня на языке с самого момента той вспышки ярости, которая вырубил свет и взломала замок.

Глава 19. Прямо нельзя свернуть

Натаха казалась полностью погруженной в попытки разжечь лампу при помощи старого огнива. Бюрократ сосредоточенно пытался достать из ботинка попавший камешек. Сидел в перекошенной позе, лицо отрешенно вдохновенное. Гиена задумчиво чесал бороду.

— Вы моего вопроса не услышали что ли? — возмутился я.

— Так это... — Гиена потряс почти потухшую палочку, и она снова засветилась ярче. — Удивляться-то особо нечему вроде как... Хорошо еще, что ты эту дверь там не взорвал вместе с нами всеми, я слышал, что и такое бывает.

— Не понял... — я уставился Гиену. Он поднес свой издыхающий химический светильник к подбородку, зеленый свет сделал его лицо похожим на маску.

— Дык по тебе ясно было, что ты не колдун пока, — сказал Гиена. — А на бумажке из заубер-детектора было написано, что колдун. Значит ты либо способности еще не просыпались. Вообще, вроде как, это еще в детстве выясняют, и сразу отправляют учиться, почему тебя пропустили, я не представляю. В твоём паспорте было написано, что ты из столицы...

— Нас со Звонарем как-то наняли охранять гоньбинского старосту, а там деревенская свадьба была, дочку одного куркуля замуж выдавали, — сказала вдруг Натаха, у которой, наконец-то получилось запалить старый фонарь. — Так вот на эту девку прямо на свадьбе накатило. Она спалила амбар и три двора. И жениху ее руку оторвало, когда он попытался ее остановить. Она потом чуть не удушилась с горя. Не знаю, чем там дело закончилось, нам пришлось спешно улепетывать... Ну да это неважно уже. В общем, если у тебя такое в первый раз произошло, то нам всем еще повезло.

— Я читал памятку-брошюру для родителей, — сказал Бюрократ. — Как раз по поводу внезапных вспышек эмоций, которые могут быть очень опасны. На учебу особенных детей забирают только с десяти лет, а до этого с ними приходится семье возиться. И стараться не злить и не нервировать, потому что неизвестно, как такой ребенок отреагировать может. Если до десяти лет случается «выброс», то ребенка забирают. А если нет, то потом забирают и провоцируют уже в более подходящих условиях.

— Слушай, Гиена, я давно спросить хотел... — быстро сказал я, увидев, что Гиена явно собирается задать мне какой-то вопрос. — Про Киру. Ну, ту женщину в кожаном плаще на станции. Я правильно понял, что она каким-то образом вам условия диктовала?

— Тут такое дело... — Гиена замаялся. — Хотя теперь-то уж что... — он махнул рукой, в которой все еще сжимал погасшую уже палочку. Та снова ненадолго засветилась. — В общем, станция была самым лакомым куском во всем левобережье. Особенно лет пять назад, когда выселенцев было больше. Батя и так пытался нашу семью к делу примазать, и эдак, но не выходило. Рыбацкие — ушлая семейка, их там восемь братьев только... А нас у отца было четверо. И Аркаша еще, козел драный. Приблудыш, сука... — Гиена сжал кулаки, палочка жалобно хрустнула, но больше уже не засветилась. — В общем, мы нападать не рисковали, а договориться не получалось. А потом пришла Кира и предложила сделку. Мол, она выгоняет к херам Рыбацких со станции, а мы ей отдаем некоторых выселенцев. Сначала мы не поняли, в чем соль. Батя даже думал на хер ее послать, вроде как, не хотел с истеричной бабой договариваться, а Кира... Ну ты сам видел. А потом смекнул, что к чему. В общем, Рыбацкие переселились на правый берег и затаили на нас зуб. А нашей законной добычей стали

выселенцы. И сначала это было даже хорошо. Но в последний год поезда из Империи стали все реже приходить, и народу на них стало приезжать все меньше. Добровольных переселенцев почти вообще не стало. Раньше были, я даже видел. обстоятельно так готовились, ехали на тюках с имуществом. А, да. Про Киру же. То, что она из Охранки мы почти сразу поняли. Хотя имперские служащие здесь, в Сибири, обычно не светят своими документами. Здесь их закон не защищает, если пристрелят и прикопают, никто даже пальцем особо не дернет. А в каком-нибудь Красноярске так вообще прямым текстом написано на каждом столбе, что, мол, кто сдаст имперца из Охранки или, там, из еще какого ведомства, тому тысяча соболей.

— И что с пойманными потом делают? — спросил Бюрократ.

— Головы отрубают, вроде, — Гиена пожал плечами. — У них там есть стена с кольями, так вот на нее как раз головы и вывешивают. Матонины, что с них взять...

— Можно подумать, Демидовы чем-то лучше, — буркнула Натаха.

— Про Демидовых врать не буду, не знаю, — сказал Гиена. — Они вообще в свой Барнаул не всех пропускают. Стена у них там, ворота, каждого входящего проверяют. Да хрен с ними, с Демидовыми. В общем, понятно стало, что Кира и ее головорезы — точно из Охранки. Но в Новониколаевске на это всем по сараю всю жизнь было. Кто быстрее выстрелил, тот и прав, потому что.

— Я еще на пароме вам говорил, что это Катерина Бенкендорф, а никакая не Кира, — сказал Бюрократ. — Кстати, когда вы говорите, иссяк поток выселенцев?

— Может с год... Или около того, — Гиена посмотрел на бесполезный теперь стержень и забросил его за трубу. — На самом деле, под Кирой было неплохо. Она в основном-то в наши дела не совалась. Пока выселенцев было много, было как-то не жалко отдавать ей тех, на которых ее детектор указал. А вот потом стало хреново. Мало того, что поезд раз в неделю и реже стал приходить, так еще и людей там было... В вашей, кстати, партии еще ничего так себе. В прошлые две недели вообще было по пять человек. И двоих Кира забрала себе. Так что мы поиздержались, вот и решили, что можно тебя ей не показывать. Пережила бы без одного одаренного. Тем более, что Шпак... — Гиена хохотнул. — Между прочим, всем была бы одна сплошная польза, если бы мы тебя, Боня, содомиту Шпаку продали. Тебя бы от его жирных прелестей расколбасило, и ты бы проснувшейся магией вскрыл ему брюхо. Или наизнанку вывернул, говорят такое тоже случалось.

— Но-но, не трогать Шпака! — Натаха подняла разгоревшийся светильник на уровень лица. — Он еще нам за мамонтов денег должен!

— Кстати об этом, — Гиена нахмурился. — Я не стал при той мадаме спрашивать, все так уверенно себя вели, грех было картину портить... А мы как собираемся этих чудиш вообще перемещать? Это же... Дрянство, да я чуть не обосрался, когда эти волосатые горы увидел!

— Прошу прощения, — Бюрократ сделал виноватый вид. — Чтобы заполучить эту сделку, пришлось немного приврать о наших возможностях...

— Все правильно ты сделал, Бюрократ, — Натаха хлопнула его по плечу. — А план у нас есть. Надо только из подземелья этого выбраться.

— Ну... допустим... — Гиена почесал бороду. — Жрать уже охота, как не бывает! И спать еще. Что-то мы дофига засиделись, топать надо дальше. По моим прикидкам, если этот туннель по прямой били, то еще не меньше часа до Бердского надо топать. И там еще выход искать.

— Да-да, сейчас пойдём, — сказал я и встал. — Давайте я ещё раз на всякий случай уточню. Вот эта вот фигня с «накатываниями», «выплеском», «выбросом» и прочими проявлениями магии... Я правильно понял, что это сейчас какая-то неуправляемая штука? И в любой момент случится что-то похуже?

— Все так, Богдан, — Бюрократ вздохнул и тоже поднялся на ноги. — Управлению силой и контролю ее учат в специальных учебных заведениях. Так что в Томский университет вам надо попасть как можно скорее.

— Так вроде и так стремлюсь изо всех сил, — я вздохнул.

Мы потопали дальше. Исписанную неизвестно кем тетрадь я тоже прихватил с собой. Просто из любопытства. Явно же, старая вещичка, исторический источник. А я ведь практически историк, хоть и несостоявшийся.

— Кстати, я ещё что хотел спросить! — сказал я, чтобы как-то отвлечь себя от мыслей о том, моим любимым кроссовкам приходит полный и окончательный крапонец от долгого шагания по гравиию. — Если я правильно понял, то никакого государства в Сибири сейчас нет, верно? Ну, там, флага, гимна, столицы, управляющего органа, правителей, послов и прочего?

— Ну... да... — сказал Гиена и посмотрел на меня... странно. Ах да, он же не знает, что я из другой реальности приехал. Это я только Бюрократу с Натахой рассказал.

— А как же деньги? — спросил я. — Соболя же по всей Сибири принимают или это только новониколаевские деньги.

— По всей, — сказал Гиена. — Я вроде слышал, что Унгерн пытался у себя свои деньги печатать, но потом бросил это дело.

— А соболя кто печатает? — спросил я. Лицо Бюкрата тоже стало заинтересованным, глаза засветились живейшим любопытством. Даже при тусклом свете старого масляного светильника было видно.

— Да я как-то не задумывался... — пробормотал Гиена. — Холера, может ты знаешь?

— Вроде это давно уже так, — сказала Натаха. — У нас на чердаке хранились пачки других каких-то денег. Я в детстве их нашла, спросила мать, что это такое. А она сказала, что приданое мое несостоявшееся. А сейчас могу их хоть в костре спалить, все одно теперь это просто резаная бумага. Это были не рубли и не соболя. Рубли я видела. Богдан, а какая разница, откуда берутся эти деньги? Ну, взяли откуда-то. В кабаках их принимают, лошадь или машину за них купить можно, да и ладно.

— Просто любопытно стало, — я пожал плечами. Почему-то мне этот вопрос казался важным, Бюрократу — тоже, хотя он не стал лезть и выпрашивать подробности. А вот Натаха и Гиена, стопроцентно местные обитатели, вообще не проявили даже тени интереса. Ну есть, и есть. Так сложилось. А почему сложилось — хрен его знает.

— Тихо! — сказал Гиена, остановился и поднял вверх руку. Мы замерли. Впереди раздавался явственный плеск воды.

— Похоже, уже недалеко... — сказала Натаха. — Интересно, там ещё одна дверь?

Мы ускорились. Особенно я, если честно. Долгая подземная прогулка — это такое себе. И кроссовки жалко, опять же.

Шахта привела нас в большой овальный зал. Рельсы здесь замыкались в кольцо, с дальней стороны явно были обломки какого-то подъемного механизма. Только все давно проржавело, обрывки тросов болтались, платформа валялась косо, упираясь перилами в обвалившуюся стену шахты. На рельсах стояла ещё одна вагонетка.

«Если бы мы не поленились поставить ту, первую вагонетку, то можно было бы спокойно катиться на ней», — устало подумал я.

— Пропусти-ка, — Гиена отодвинул меня плечом и направился к дальней стене. Прямо к сломанному подъемнику. — Давай я пойду первым, кто его знает, кто там наверху, а моя рожа всяко выглядит авторитетнее всех ваших.

И тут я тоже заметил. Вплотную с механизмом подъемника в стену были вбиты металлические скобы. Лестница наверх.

— Ты потише, там же ночь еще должна быть, — сказал я. — Вроде мы не так уж долго блуждали под землей.

Но Гиена, кажется, меня не услышал. Или просто не обратил внимания. Ловко взобрался по скобам и исчез в темноте. Судя по всему, шахта была не такая уж и высокая. Потому что довольно скоро раздался треск дерева, сдавленные ругательства Гиены, потом снова треск. А потом вниз упали какие-то обломки досок и пробились сероватые лучи света. Неужели уже утро?

Некоторое время было тихо. Честно говоря, ждать было невыносимо. Я стоял как на иголках. Страшно хотелось плюнуть и забраться следом за Гиеной. С другой стороны, а чего я вообще жду-то? Мы же вроде ни о чем не договаривались, и уж кто-кто, а Гиена мне точно не начальник. Я как раз шагнул вперед, когда сверху раздался голос Гиены:

— Залезайте, все чисто!

Кажется, я прямо-таки взлетел по этим ржавым ступенькам. Картина наверху была идиллической — у деревянного столба сидел какой-то мужик самого селянского вида с заплывшей рожой запойного алкоголика, а Гиена стоял рядом, направив в его сторону ствол дробовика. Дробовик он держал одной рукой, а в другой была краюха серого хлеба, которую он с жадным аппетитом пожирал.

— Да я же говорю, что я безопасный, — испуганно залепетал мужичок.

— Вот и сиди молча, — с набитым ртом пробурчал Гиена. — Надумаешь орать — пристрелю. А будешь паинькой, останешься живым, целеньким и можешь потом смело считать, что мы тебе приснились.

— А про пол я что хозяину скажу? — заныл ханурик. Гиена развернул дробовик и несильно двинул его прикладом в ухо. Тот ойкнул и замолчал.

— Скажешь, что споткнулся неудачно, — сказал Гиена и зачихнул себе в рот остатки краюхи.

Тут я наконец рассмотрел, что это было за помещение. Это был амбар или большой сарай. Или как там еще называется специальное помещение, где хранят зерно и муку? Просторно, чисто, деревянные стены и пол, который в одном месте проломлен. Как раз в том, где мы и выбрались из шахты. Ну да, Семен же говорил, что ход ведет на мельницу. Наверное, это мельничный склад и есть. Полотняные мешки, запасные жернова свалены кучей, и все покрыто тонкой белой пылью.

Следующим из шахты выбрался Бюрократ. И сразу вслед за ним — Натаха.

— Ты считать умеешь, ханурик? — спросил Гиена и ткнул алконавта, молча хлопавшего мутными глазами.

— А то... — сказал он. — Один, два, три...

— Тогда считай до пяти сотен, — сказал Гиена. — Как досчитаешь, можешь вставать и чинить пол. Только не провались, там глубоко, в лепешку расшибешься. Хм...

По глазам Гиены я понял, что идея разбившегося в лепешку свидетеля пришлась ему по

душе. С одной стороны, если этот ханурик начнет болтать, что видел, как из-под пола выбрались здоровенный бородатый мужик, молодой парень, рыжая девица с косой и очкарик в клетчатом костюме, то над ним, скорее всего, просто поржут. Ну допился до клетчатых очкариков, с кем не бывает? С другой... Если эта информация попадет в нужные уши... Я сплюнул. Твою мать, я здесь всего-то третий день. Третий же? Или уже четвертый? А меня уже всякие нехорошие люди в розыскные листы включили. Вот не жилось мне спокойно...

На улице было раннее утро, сарай, из которого мы вышли, стоял на небольшом холме, чуть выше него — ветряная мельница. А вниз к деревне была проложена деревянная колея для вагонеток, десяток которых стоял рядом с сараем. Кажется, я знаю, откуда этот мельник взял вагонетки...

Мы пошагали вниз, к деревне. Вслед за Гиеной, который опять уверенно вырвался вперед. Я сориентировался. Ага, река по правую руку, получатся. Прикинул траекторию. Нагнал Гиену.

— А зачем нам в деревню? — спрашиваю. — Поместье Епифана же в другую сторону.

— Мы до него пешком до обеда топать будем, там тракт разворочен весь, — ответил Гиена. — На пристань идем. Я там одного мужичка знаю на баркасе, договоримся, он нас до Нижней Ельцовки домчит на своем корыте.

Городок был, кстати, удивительно миленький. Прямо такой, лубочный. Маленькая церквушка сияла свежей побелкой, домики чистенькие, ставни у всех покрашены, палисадники все в цветах. Улочки аккуратно вымощены булыжником и кирпичом. Оградка на кладбище ухоженная. Надо же, как вообще такое возможно в ситуации «никаких властей нет, кто первым выстрелил — тот и прав»?

— А вон там, смотри, — Гиена махнул рукой в просвет между домами. — Видишь, вода? Мы в детстве там на плотках кататься любили, это Зеркальное поле. Там всегда вода стоит, даже когда жарится.

Пристань, как и весь городок, тоже была очень уютной. Деревянный настил с перилами и рядом фонарей. Должно быть, вечером чертовски романтическое место.

Гиена уверенно направился к самой правой лодке, рядом с которой суетился сухонький невысокий мужик с торчащей клочками во все стороны бородой. На голове чуть ли не по самый нос — красная вязаная шапка.

— Ха! Степан! — сказал он, обернувшись на шаги по причалу. Разулыбался во весь свой щербатый рот. — Ты какими судьбами тут?

— До Нижней Ельцовки нас подвезешь, Колюня, а? — сказал Гиена, протягивая руку старому приятелю. — А потом сочтемся, хорошо?

— Докуда, говоришь? — Колюня как-то сразу улыбаться перестал, услышав название пункта назначения.

— Ты плохо слышишь что ли на старости лет? — Гиена захохотал. — До Нижней Ельцовки, говорю. К Пырьеву мне надо, а то ты не знаешь...

— А может тебе не надо сегодня к Пырьеву? — сухонький Колюня скукожился еще больше. — На что тебе эта Ельцовка сегодня? Давай лучше самогонки хряпнем...

Глава 20. Мужики не плачут

Гиена изменился в лице, стремительно шагнул к Колюне и сграбастал того за грудки.

— Что ты там еще бормочешь про самогонку?! — он тряхнул мужичка так, что у того зубы клацнули. — Знаешь чего, так говори!

— Ничего я не знаю, не знаю я ничего, сам смотри, — узловатый палец колюни, весь в пятнах от машинного масла, краски и хрен знает чего еще, ткнул на север, как раз в сторону Нижней Ельцовки. Но ничего особенного я там не заметил. Ну, дым был, да. Но так-то тут все время что-то дымит. Или горит, или баню топят. Или печь.

— Заводи свое корыто, Колюня, — прорычал Гиена. Отпустил сублильного приятеля, поправил на нем кургузую куртейку. Тот забормотал что-то про соляру, которой осталось совсем мало, про «тащиться еще в такую рань, а там еще хрен знает что происходит»... Но в лодку все равно забрался. Через минуту двигатель несколько раз фыркнул и мерно застрекотал. Гиена забрался в лодку и махнул нам следовать за ним.

Мы отчалили, и стали неспешно удаляться от берега. С воды городок смотрелся еще более милым. Аккуратные крыши, утопающие в зелени. Сплошной уют и сонное утреннее очарование. Правда, кажется, кроме меня никого это провинциальное обаяние не зацепило, любовался видом на берег я один.

А еще у меня было странное ощущение, что этого городка вроде как существовать не должно. Словно здесь, в этом мире, не было чего-то такого важного и знакового. Я недоуменно огляделся. Ну, Обь. Великая река, и все такое... Стоп. Водохранилище. В моей версии реальности Обь перегорожена плотиной, и та часть суши, на которой здесь находится эталонно уютный городок, который вызвал у меня тонну умиления, находится под водами Обского моря. Прикольнo.

Я еще раз посмотрел на берег. Такое забавное ощущение — сравнивать «там» и «здесь». Даже жаль, что я не очень хорошо знаю эти места. Получается, что по большей части я просто как будто попал в новое для себя место, и все. Иногда вот выштыривает узнаванием, но редко. Вот как сейчас, например.

В реальность меня вернула Натаха. Она ткнула меня в плечо и указала вперед. Я потряс головой и присмотрелся. Теперь понятно, почему дым меня не впечатлил. Просто пожара уже практически не было. Ровные длинные грядки были изуродованы и изрыты колесами. Похоже, кто-то гонял прямо по полям на довольно большом грузовике. От деревянных надворных построек остались только черные обгоревшие столбы. Белое здание самой фермы, которое раньше было не то школой, не то больницей, было целым, но пара окон были обрамлены пятнами копоти.

Вот же бя...

— Подгребай давай к берегу! — заорал Гиена.

— Ты дурак что ли, Степа? — заныл Колюня. — Кто меня потом с мели будет вытаскивать?

— Ой, не звизди, чем ты там на мель сядешь, у тебя и кия-то почти нет! — Гиена приплясывал от нетерпения на носу лодки. — Да хрен с тобой!

Гиена сиганул в воду и размашистыми гребками поплыл к берегу. Встал на дно, попробовал, было, идти, но против завихряющегося в этом месте течения идти у него получалось хуже, чем плыть.

Колюня направил свой баркас к длинному причалу, чуть севернее фермы Епифана. Не дожидаясь, когда он притрется поплотнее, я перескочил на деревянный настил и во весь опор понесся к ферме. Ясен пень, стараясь заткнуть в голове хор самых дрянных предчувствий.

— Нет, Фаня, нет! — вопль Гиены я услышал еще не добежав до ворот. Ну вот, похоже тут предчувствия даже преуменьшили...

Залитое кровью тело Епифана было приколочено к толстым доскам забора. Шляпки здоровенных гвоздей торчали из раскинутых в стороны ладоней и из-под ключиц. Крови было так много, что она промочила всю одежду и покрывала тело подсыхающей багрово-коричневой коркой. Не окровавленным было только лицо. Правый глаз заплыл под чудовищным кровоподтеком. Левый закрыт. На животе — несколько уколов. Штык-нож или что-то подобное. Не жилец, даже если сейчас живой...

Гиена стоял рядом с забором на коленях, его могучее тело сотрясали рыдания. Крупные слезы лились из его глаз сплошным потоком.

Я коснулся пальцами шеи Епифана. Мало ли, вдруг он еще жив. В ответ на мое прикосновение его глаз открылся. И в нем даже все еще светилась мысль.

— Фаня! — Гиена вскочил и оттолкнул меня плечом. Дернулся вперед, как будто хотел обнять друга, но замер. — Кто? Кто это сделал?

— По... послание... — еле разлепив губы произнес Епифан.

— Ты лучше молчи, Фаня! — Гиена беспомощно посмотрел на меня. — Давай же, ну! Злись, бойся, бесись, что там тебе надо, чтобы твоя одаренность выплеснулась?! Помоги же ему!

— Степа, отойди, — проговорил Епифан. — Послание для Богдана.

— Это Матонин? — Гиена уперся ладонями в забор над плечами Епифана. Из глаз его продолжали катиться крупные слезы. — Это он, хорек сраный, все устроил?!

— Голова быть холодной, а клинок — острым, — прошептал Епифан в мою сторону. — Не спешить. Или он убить тебя раньше.

— Что это? У него бред? — Гиена снова сделал движение, будто хочет обнять друга, но остановился и тоскливо завыл.

— Не бред, — прошептал я, сжимая кулаки и до боли зажмуривая глаза. Вот Епифан тихо сидит рядом со мной на крыльце и пускает дымные кольца. Молчаливый и надежный, как скала. Я ни черта о тебе не знаю, Епифан, я тебя вчера увидел впервые в жизни, и, получается, привез на хвосте твою смерть. Ну же, давай, где ты там, сила, спрятанная внутри? Дай хоть какую-нибудь подсказку, что мне сделать с собой, чтобы спасти сейчас жизнь этого смертельно израненного человека?! Глаза начало жечь, из под ресниц покатались слезы.

Открывать глаза не хотелось, потому что я и так знал, что увижу. Но я все равно открыл. Епифан посмотрел на меня своим единственным открытым глазом, его окровавленная грудь в последний раз поднялась и опустилась.

Это всегда очень странно наблюдать. Только что перед тобой был живой человек, которому больно, которому страшно. Который есть. Какой-то неуловимый момент. И все. Ты понимаешь, что там внутри больше никого нет.

Слезы продолжали катиться из глаз.

Когда я был пацаном, плакать среди нас было западло. Потому что настоящие мужики не плачут же.

«На самом деле, плачут, Богдан, — мысленно сказал я самому себе-ребенку. — Но очень круто, что ты этого пока не знаешь».

Я вытер слезы и посмотрел на Гиену. Тот сидел на земле, скрючившись, и не шевелился. В какой-то момент он вдруг взревел, вскочил, как расправленная пружина и ломанулся за ворота.

Я ждал чего-то подобного, бросился следом, и преградил ему дорогу. Какое там! Он пер как танк, просто отшвырнул меня с пути и помчался дальше. «Лебовский, ты сильный. Ты смелый. Но легкий!» — сказал я себе.

Ладно, значит придется действовать жестко. Я догнал Гиену и сбил его с ног подсечкой. Тот покатился на землю, но сразу же вскочил и с ревом ринулся на меня. Я легко ушел от пары его быстрых ударов и нанес не очень сильный, но здорово болезненный удар «клювом». Он невольно охнул и согнулся пополам.

— Степан, — сказал я, подходя ближе. — Приди в себя!

— Ах ты гнида... — Гиена выпрямился и бросился на меня. Все-таки он тоже быстрый, зараза. Пришлось прямо изворачиваться, чтобы он не подмял меня под себя, когда мы рухнули на траву. Я откатился и вскочил. Он рванул на меня в пряжке чуть ли не из положения лежа. Бля, Гиена, я совершенно не хочу тебя калечить... Я отклонился назад, ударив обеими ладонями по ушам.

— Гиена, блять, ты тупой что ли?! — заорал я. — Много ты один навоюешь, придурок?

Я заметил мелькнувший огонек осмысленности в его глазах, потом их снова залило яростью. Пока он не успел ничего сделать, я сжал кулак и двинул ему слева в челюсть.

— Ты очнулся, или еще двинуть? — спросил я.

— Еще... — пропычал он. Не задумываясь я зарядил ему еще пару ударов.

Гиена поднял глаза. Он тяжело дышал, но уже не пытался нестись куда-то как дикий вепрь. Стер кровь с лица. Ну как, стер, размазал скорее.

— Спаси...бо... — сказал он, протянул руку и хлопнул меня по плечу. — Правда, спасибо.

— Надо похоронить Епифана, — сказал я.

Гиена кивнул. Из глаз его снова покатались слезы. Они смешивались с кровью и капали на рубаху. Уверен, он тоже когда-то точно знал, что мужики не плачут.

Мы вернулись во двор фермы. Бледная Натаха и возникший откуда-то Кузьма расстилали перед воротами кусок светлого полотна.

Мы постояли у свежей могилы, молча. Потом Кузьма завозился, достал из кармана бутылочку мутной жидкости. Выдернул зубами пробку.

— За упокой, стало быть... — он плеснул несколько капель самогона на холмик, потом отхлебнул, поморщился, занюхал рукавом и передал бутылку мне. Я сделал глоток, почувствовал, как это ядерное ракетное топливо выжигает мне внутренности и вышибает слезы из глаз. «Он сдохнет, я тебе обещаю!» — подумал я. И тоже плеснул пару капель на землю. Лицо Гиены было непроницаемым. Он отпил самогона как воды и передал бутылку Натахе.

— Оставим его уже, — сказал он, когда бутылка вернулась к Кузьме. — Он всегда любил тишину и покой.

— Настасья где? — спросил Гиена, когда мы вошли в дом.

— У Глашки, в Нижней Ельцовки, — ответил Кузьма. — Фаня как увидел их машину, так сразу сказал брать Настасью и тикать к ее сестре. Пока она за ружье свое не схватилась.

— Так она не знает ничего? — спросил Гиена.

— Неа, — Кузьма мотнул головой. — Она же того... блаженная... Я даже не знаю, как теперь быть.

— Что за машина была? — спросил я.

— Так «Матрешка» же! — сказал Кузьма. Мне это, конечно, ничего не объяснило, но переспрашивать я не стал. — Я вчера, как вы уехали, матонинскую машину-то раскрутил по винтикам, а к вечеру они и приехали. Я бы вернулся раньше, но что я тут мог сделать? Они, гады такие, двух девок наших убили... В сарае трупы, надо тоже похоронить. А мужиков всех с поля согнали к себе в машину, как скот связали и увезли.

— Это Беки были? — спросил я.

— Ну да, Беки, — сказал Кузьма. — И белобрысый еще этот с ними. Ну, здоровый такой!

— Я этого гада в клочья буду рвать... — прорычал Гиена.

— Слушай, Гиена, — я повернулся к нему. — А где ты взял гранаты? У Матонина?

— Да не, — Гиена мотнул головой. — Дома взял.

— А там есть еще? — спросил я.

Гиена посмотрел на меня и нахмурился.

— Были, — говорит. — Но там сейчас не знаю что. Рыбацкие, наверное, похозяйничали. Или Охранка.

— Плевать, — говорю. — Меня они там вряд ли ждут.

— Так они же тебя вроде ищут... — сказала Натаха.

— Уверен, они обо мне далеко не все знают, — я криво усмехнулся. — И вот еще что...

Гиена, можешь нарисовать максимально подробный план поместья Матонина? Как ты его помнишь, ладно?

Гиена внимательно посмотрел на меня и коротко кивнул.

Я вытащил из кармана пиджака помятую брошюрку с силуэтом шагохода на обложке и погрузился в чтение. Честно говоря, я пока плохо себе представлял ТТХ этой боевой машины, но мне нужно было погрузиться в изучение каких-нибудь букв прямо сейчас. Чтобы унять лишние эмоции. Потому что голова должна быть холодной, все верно, Талтуга...

— Вот тут и тут — вышки, — Гиена водил пальцем по примитивно, но вполне понятно нарисованной карте. — Стам станковые пулеметы. Вообще обычно там дежурят как попало. Спят, бухают. Но, думаю, после нашего побега Матонин всех взгрел и они будут начеку. Еще есть вот здесь пулеметное гнездо, — Гиена ткнул в правую часть дома. — По крышей. Позиция неудобная, но нужно все равно ее учитывать. Проволока может быть под током, но его не всегда включают.

Я слушал, кивал и запоминал.

— Еще по периметру у него расставлены магические штуки какие-то, — сказал Гиена. — Не знаю, где. Часть из них сигнализация, часть — ловушки.

— Хех, плохо, — сказал я.

— Есть одна идея, Боня, — Гиена растянул губы в улыбке. — Завтра у Матонина должны быть игрища. Сначала охота, днем, а потом ночью на арене. Он за этим мужиков Епифана и угнал, чтобы было кого выставить против зверья всякого. И над кем Бекам дать поглумиться. В это время там все немного расслаблены...

— Интересно, как он узнал, что мы к Епифану приехали? — задумчиво проговорил я, все еще глядя на нарисованный Гиеной план.

— Наверняка это штука та хрустальная, проклятущая! — сказал Кузьма и зло сплюнул. — Вот не люблю такие финтифлюхи, в реку ее выкинул сразу же, да видать поздно...

Я сразу понял, о какой хрустальной штуке он говорил. Мне она тоже сразу не понравилась, но как-то не пришло в голову, что это может быть не просто выпендрож, а вполне даже магический маячок. Черт, как же мало я всего знаю в этом мире!

Впрочем... Магия здорово все усложняет, конечно, но невозможным не делает. Во всяком случае, я надеюсь.

— Поехали, Гиена, — я встал. Мы сидели в одной из комнат, которую не тронул пожар. Когда-то она была спальней, скорее всего, для гостей. Потому что хозяйская дотла выгорела. — Надеюсь, у твоих Рыбацких можно будет разжиться оружием покомпактнее дробовиков?

— Пистолеты обычно у парней из Охранки есть, — Гиена тоже встал.

— Натаха, последи тут за Бюроркатом, — сказал я, увидев, что она тоже с готовностью вскочила. — Эй-эй, мы сейчас собираемся воровать, а не драться. Я бы и Гиену с собой не взял, но без него заблудиться боюсь. На рожон не полезем, обещаю. Если там все на стреме, лучше просто без гранат и пистолетов обойдемся. К ночи вернемся, правда.

Лодку Гиена одолжил у какого-то очередного приятеля, я даже не стал смотреть, у какого. Они пошущукались через калитку, и через несколько минут мы погрузились в утлый ялик с шумным, но не очень мощным мотором. Но все равно лучше, чем на веслах телепать.

— Короче, вот какая тема, — сказал Гиена, перекрикивая шум мотора. — Если в доме просто похозяйничали Рыбацкие, то нормуль, они скорее всего всех нычек не нашли! Хуже, если туда явилась Кира со своими обормотами.

— А что, могла? — спросил я.

— Да кто ж ее разберет, ведьму-то? — Гиена захохотал. Вообще он заметно приободрился, когда мы начали активные действия. Я пока что не был уверен, что у нас получится замочить Матонина, но сомнениями с компаньонами делиться не торопился. Мстить в лоб — довольно тупая затея. А мы сейчас, во-первых, все еще на взводе, как бы мне ни казалось, что я собран, холоден и дьявольски быстро соображаю, а во-вторых...

— Она сама вообще живет в «Метрополе», — сказал Гиена. — А вот эти ее головорезы — не знаю где. Такое ощущение, что они всегда терлись где-то поблизости от станции, во всяком случае, кто-то из них.

— А Рыбацкие далеко? — спросил я.

— У них дом на правом берегу и дом на левом, — сказал Гиена. — Сейчас они станцию обратно отжали, так что, наверное, на левый перебираются.

Лодка ткнулась носом в берег. Гиена выскочил, схватил ее за нос и выволок повыше. Я тоже выбрался и осмотрел свои кроссовки. Да уж, печальное зрелище... Ладно, об этом я подумаю как-нибудь потом. Надеюсь, сегодня еще протянут.

Гиена замаскировал лодку в кустах ивняка.

— Теперь вон туда, наверх, — сказал он и ткнул пальцем в едва заметную тропинку.

«А ничего так себе домик был у семьи Кулема...» — подумал я, осторожно заглядывая во двор под прикрытием куста черемухи. Так, разгрома вроде незаметно. Собаки нет, но если бы была, Гиена бы предупредил. Двор подметен, кот бродит черный, вальяжный. Никакого дозорного не видать, да и с чего бы?

Машина стоит рядом с воротами. Фургончик с окрашенными окнами, вроде буханки.

Гиена вроде не говорил, что у них во дворе стоит машина...

Скрипнула дверь.

— Долго возишься! — крикнула женщина кому-то в доме. Она была одета в красный шелковый халатик, в руке — большая керамическая кружка. Темные волосы длиной чуть ниже плеч. Тонкий длинный нос. Твердая линия бледных губ. Кира.

Глава 21. О пользе подслушивания

Хорошо было то, что Кулемы, семья Гиены, никогда не страдали излишней тягой к порядку и сельскому хозяйству. Участок дома был запущенный, всякая бесполезная трава и цветочки разрослись там буйным цветом. А вся задняя часть забора, выходящая на покатый берег безымянного ручейка, так и вообще представляла собой одну сплошную стену зарослей черемухи.

Гиена сказал, что вроде как у прежних хозяев было пятеро пацанов лет примерно от семи до десяти. Так они этих малолетних бандитов из дома отселяли к забору, на лоно, так сказать, природы. Где-то там в буйных листьях в перемешку с еще зелеными, но уже чернеющими ягодками, был скрыт домик на дереве. Не знаю, зачем мне эта информация. Запомнил, наверное, потому что когда был ребенком, всегда о чем-то таком мечтал.

Раз, два, три... Вот эта седьмая доска от левого угла. Выглядит в точности так же, как и остальные. Я аккуратно поддел ее лезвием ножа, и она легко выскочила со своего места, я едва успел подхватить и поставить на траву рядом. «Это путь отхода через сад на случай чего, — объяснил Гиена. — С той стороны кусты малины, они выглядят сплошной колючей стеной, но мы раз в неделю чистили их у самой земли. Так что когда влезешь внутрь, увидишь, куда ползти надо».

Точно. Увидел. Со стороны забора ветки малинника были обрезаны у самой земли и образовывали пологую арку-проход. Со стороны дома ветки были нетронуты.

Кроме Киры в доме точно есть еще один «кожаный плац». Как минимум. Видел его через окно. В саду никаких часовых я не заметил, но в этих кустах их на можно целый взвод рассовать, так что понадеюсь, конечно, на свою удачу, но наглеть не буду.

Я аккуратно отвел колючие малиновые ветки и осмотрел сад. Нигде ничего подозрительно не шевелится. Шумное воробьиное семейство изо всех сил обсиживает какой-то ягодный куст, а с кучи жухлой травы за этим безобразием наблюдает давешний черный котиче. Вот он повернул голову в мою сторону и уставился узкими щелочками зрачков. Недовольно дернул хвостом. Мол, иди отсюда, кожаный мешок, не видишь, благородный хищник охотиться изволит. И вернулся опять к созерцанию воробьев.

Искусство перемещения в высокой траве в общем-то никакое не искусство. Требуется только терпение и движение без рывков. И хорошо если случается порыв ветра, под его прикрытием можно продвинуться гораздо дальше.

Теперь под расползшимися по земле стволами яблони. Тут плотная листва, сквозь которую меня точно не видно, так что можно быстрее шевелиться. Ночью, конечно, это было бы делать удобнее, но ждать было уже невыносимо.

Тайник был обустроен в нижней части стены дома. Одну из плит облицовки можно было вынуть, но со стороны это было незаметно. На вид — такая же каменная плита. На деле — вообще не каменная, а деревянная. Снаружи замаскированная под необработанный камень при помощи штукатурки, краски и резьбы по дереву. Талантливый у них дизайнер, даже в упор отличить трудно.

Обследовать тайник приходилось, лежа на боку, подогнув колени. Сесть не позволяли низко свисающие ветки кустов. С другой стороны — хорошо, что они вообще были. Если бы Кира со своими товарищами вооружились всякими секаторами-граблями-тяпками, то хрен бы я вообще к этому тайнику подобрался. Я бы этот самый куст чуть ли не первым же

выкосил. Тем более, что пользы от него вообще никакой — цветов не видать, ягод тоже. Хрен знает вообще, что за растение, но у него явно имеются наполеоновские планы когда-нибудь сожрать целиком этот дом.

«Нда, негусто...» — подумал я, заглядывая в нишу. Четыре коробки патронов, по десять штук в каждой. Две с пулями, одна с картечью, на четвертой коробке надписей и маркировки нет, но нарисована голова дракона. Аккуратно загрузил все четыре в вещмешок. Гранаты. Семь штук. Я мысленно выругался, потом мысленно же себя похвалил за предусмотрительность. Перед выходом попала в доме Епифана на глаза куча всякого тряпья, сунул с собой пучок тряпок. Как раз вот на такой случай. Гранаты валялись по тайнику просто так, россыпью. Если покидать их в вещмешок, то буду брэнчать на ходу, как погремушка.

Взял первую гранату, потянул из пучка ветоши тряпку. Дранный чулок. Пойдет. Аккуратно завернул гранату, опустил ее в рюкзак, взялся за следующую.

Пачка денег. Хотя как, пачка... Тощенькая стопочка. Пересчитывать не стал, судя по номиналам купюр, здесь не больше тысячи соболей. Гиена говорил, что времена были так себе, и у их кубышки показалось дно.

Больше в тайнике ничего не было. Можно было смело двигаться обратно.

Так, блэт...

В саду раздалились неспешные шаги и поскрипывание кожаного плаща. Чиркнула спичка. Я чуть-чуть сдвинул ветку куста и выглянул из-за угла сквозь листья. Метрах в четырех от меня спиной ко мне стоял мужик в черном плаще. Не жарко ему в этом, блин! Над плечом клубится облачко сизого дыма. Перекур у него. Что делать, подождем...

Но уходить кожаный не собирался. Докурил, отшвырнул окурок, потоптался на месте, задрал голову, посмотрел на небо. Стянул свой плащ, остался в рубашке, перепоясанной ремнями. Две подмышечных кобуры, похоже. Хотя самих пистолетов мне с этого ракурса не видно. Бросил плащ на траву, сел. Сорвал травинку, замурлыкал песенку какую-то.

Кусты рядом со мной зашевелились, я чуть не дернулся. Кот. Сел рядом со мной, потерял пушистой башкой об локоть. Обратный путь был отрезан на неопределенный срок. Ладно, тогда запасной вариант. Сейчас обползу вокруг дома до следующего угла, и там будет часть забора, которая не просматривается, если не высовываться, не из одного окна.

Сейчас надо двигаться прямо-таки с ювелирной осторожностью, чтобы ни одна ветка не хрустнула, ни одна травинка не шелохнулась. Только подумал, и тут же задел ногой ствол куста, который тут же дернулся, предательски зашелестели листья.

Кожаный плащ скрипнул. Я замер, напрягшись в готовности рвануть вперед, если вдруг случайный часовой направится исследовать кусты, которые меня от него скрывали.

— А это ты... — расслабленно пробормотал кожаный. — Кис-кис-кис...

Фух. Не спал давно, вот что. Моторика начинает сбоить.

Еще пару метров перемещения в стиле «я ужик, я ужик, тут никого нет, кроме ужика», я вот я уже под окном. Распахнутым, по случаю жаркой погоды. Теперь о-сто-рррро-ж-но...

— Я бы на твоём месте не шевелилась, — услышал я вдруг голос Киры. Я замер и похолодел. — Давай, давай, кучерявый, опусти задницу обратно на стул.

— А то что? — раздался в ответ голос явно молодого парня. Даже, скорее, пацана, у которого только-только голос сломался.

От облегчения у меня аж голова закружилась. Кира с кем-то общается в доме. Окно открыто.

— А то я сделаю тебе больно, — раздельно и холодно проговорила Кира.

— Отшлепаешь меня, да? — парень засмеялся, как будто чем-то подавился. Вместе с ним засмеялись еще двое. — Я был непослушным мальчиком... Хочешь поиграть с моим малышом? Он у меня хороший, девкам нравится. Давай уже, распахни халатик, я же вижу как твои сиськи торчком встали...

Что-то произошло, и смех превратился в тихое подвывание. Чтобы не путаться в этих героях, я мысленно присвоил этому кличку «Фубля».

— Надеюсь, это было доступной демонстрацией? — издевательски спросила Кира.

Фубля что-то проныл в ответ.

— Отвечай четче, я не расслышала, — сказала Кира.

— Да! — выкрикнул Фубля.

— Отлично, тогда я продолжу, с вашего позволения, юноши, — по звуку ее голоса было слышно, что Кира улыбается. — Итак, о дальнейшей вашей судьбе. Вы отправитесь в «Дикую Пустынь» под присмотром отца Викентия. С ним вы уже знакомы, и знаете, что шутить с ним не менее больно, чем со мной. Вы еще раз пройдете тестирование, на более точном приборе, который откалибрует ваши способности. И каждый из вас получит наставника, который будет тщательно следить за вашими успехами. И поощрять за них. Как думете, что он будет делать в случае результатов, противоположных успехам?

— Наказывать? — сказал другой голос. Еще совсем мальчишеский, типичный такой Заучка.

— Все верно, юноша, — сказала Кира. — Учиться будет трудно, это я обещаю. И совсем не факт, что каждый из вас доживет до конца курса. Но те, кто справятся...

Повисло молчание, которое нарушил один сдавленный полувсхлип-полустон.

— Ну как, вам нравится?

Что они ответили, слышно не было. Видимо, хором закивали или наоборот, замотали головами.

— И имперский паспорт дадут? — спросил третий, которого я тут же назвал Зяблик. Не знаю, почему. Просто услышал голос и понял, что принадлежать он может только пацану по кличке «Зяблик».

— Не сразу, — сказала Кира. — Сначала вам придется доказать свою полезность.

— Кого надо будет убить? — снова заговорил Фубля. И опять этот смех, как будто ему требуется срочный прием Геймлиха, чтобы выбить что-то застрявшее в дыхательном горле.

— Кого скажут, — ответила Кира. — Что за удивление я вижу на ваших лицах? Да, именно так. Если вы с честью пройдете испытание и обучение, то вы станете тайным оружием Ее Величества. Ее карающей дланью. Мечом правосудия. Теми, кто не побоится запачкать свои руки в крови.

— А если я не захочу? — спросил Заучка.

— С одной стороны, я могу ответить, что от вашего желания теперь уже мало что зависит, — сказала Кира очень серьезным тоном. — Но вы уже не дети, поэтому я покажу вам кое-что. Видите? Вам знаком этот предмет?

Снова молчание, похоже, опять жестовый ответ.

— После калибровки каждому из вас наденут такую штуку, — сказала Кира. — Вот сюда. Называется это «алая буква послушника». Послушник — от слова «послушание», надеюсь, это понятно?

— Да, понятно, — сказал Заучка. Тон его звучал довольно уныло.

— Теперь посмотрите вот сюда, — сказала Кира. Интересно, что она им там показывает? Слайды презентации? Или журнал с цветными картинками? Возникло навязчивое желание подняться и заглянуть в комнату, но я врезал себе мысленный подзатыльник и остался лежать на месте. Вообще неплохо было бы уже двигаться дальше, чтобы через пару метров метнуться к забору и быстренько его перескочить. Но любопытство пока перевешивало.

Изнутри раздалось чье-то ойканье, потом все трое вздохнули. Вряд ли от восхищения.

— И так до самой смерти? — спросил Зяблик. — Ничего изменить будет нельзя?

— Вот видите, какой вы умный юноша, — сказала Кира. — Есть еще вопросы?

— А где эта «Дикая Пустынь»? — спросил Заучка.

— Когда будет нужно, тогда и узнаете, — сказала Кира. — До темноты вы этот дом не покинете. А всю дорогу до Дикой Пустыни на ваших глазах будут повязки. Когда ваше обучение закончится, вы таким же путем покинете это место. Чтобы никогда, даже случайно, никому не рассказать, где именно оно находится.

— А девки там будут? — спросил Фубля.

Кира не ответила, но, судя по тому, что все облегченно засмеялись, включая Фублю, кивнула. Скрипнул пол под ее шагами.

— Ох я бы этой стерве засадил бы за щеку, — вполголоса сказал Фубля. Похоже, она вышла. Уже прямо не просто пора убираться отсюда, а жизненно-необходимо. Я прополз еще полметра и поднялся. И не смог удержаться от соблазна заглянуть все-таки в окно и посмотреть на тех, с кем разговаривала Кира.

Они сидели спинами — белобрысый мелкий пацан, наверное, заучка, и два русоволосых недоросля с длинными мосластыми руками. Один стриженный совсем коротко, у другого растрепанные волосы закрывают шею. Волосатый встрепенулся и быстро повернул голову. И на долю секунды, прежде чем скрыться, я встретился с ним взглядом. Ох и злобный же это был взгляд, как у настоящего волчонка! Интересно, кто это? Фубля или Зяблик?

В два длинных скачка я достиг забора, схватился за него и перемахнул на другую сторону. В куст крапивы высотой с меня, разумеется. Больно же она здесь жжется, зараза такая!

Не дожидаясь, сообщит ли чертов маленький колдун, что видел за окном молчаливого наблюдателя, Кире, я помчался вдоль берега ручья, перескакивая кусты, кочки и кучи мусора. Прямо, до поваленной старой опоры электропередач, а потом налево и вниз. К незаметной тропинке на берег, где меня должен дожидаться Гиена. И лодка.

Нам все же пришлось поработать немного веслами. Слабенький мотор плоховато справлялся с течением, а под конец пути и вовсе заглох.

На берег мы выбрались уже на закате. У причала никого не было. Как и в прошлый раз, он выглядел практически заброшенным. Но это только казалось, конечно. Пока Гиена прилаживал на место цепь с замком, я стоял на месте, отгоняя очередные дурные предчувствия. Впрочем, совершенно неудивительно. Такое впечатление, что стоило отвлечься, и все тут же начинало идти наперекосяк. Вот и сейчас... Тревожиться, вроде, не о чем, но что, если Беки решили вернуться и проверить, не появились ли мы в доме Епифана снова? Или, например, кто-то из соседей мог стукануть Матонину, что видел во дворе фермы Пырьева рыжую девку с вот такой косицей. А он...

В общем, к ферме я почти бежал. Ворвался в дом, быстро огляделся, сжимая в руках дробовик.

От моего бешеного взгляда Кузьма скукожился и крепко прижал к себе очередную бутылку с мутным содержимым. Откуда он их берет вообще? Они у него по всей территории что ли заныканы?

Натаха стояла у плиты в своем синем платье и фартуке и мешала деревянной ложкой на длинной ручке что-то в большой чугунной сковороде. Зрелище было настолько неожиданным, что я даже закашлялся.

— У вас все получилось? — невозмутимо спросила Натаха.

— Конечно, — я поставил дробовик у стены и стал выкладывать на стол добычу. — Кстати, Гиена, а это что за патроны?

— Дракошки-то? — он взял в руки коробку. — Да бесполезная фигня оказалась. Мне их Кержевич в свое время впарил, сказал что прожигают насквозь, и вообще не заряды — мечта! А они фигней сплошной оказались. Пыхают ярко, но поджечь разве что сеновал могут. Зато красиво, да. Ты, такой, бабах! — а из ружья струя огня!

— У вас тут никаких неожиданностей не было? — спросил я у Натахи.

— Да так, пришлось одному сердобольному соседу в глаз дать, — сказала Натаха, отворачиваясь от плиты. — Очень уж он переживал, что имущество Епифана бесхозным осталось, а он ничем поживиться не успел. Между прочим, еда готова.

Кулинарные способности Натахи оказались не сказать, чтобы какими-то особенными. Практичная девушка соорудила нечто среднее между рагу и похлебкой, жирное, с мясом, разваренной крупой и овощами. Щедро сдобренное специями. Но жрать мне хотелось уже так сильно, что ни о каких капризах речи уже не шло. Смолотил миску еды, затребовал добавки, а потом хотел сорваться хоронить тех девок, про которых Кузьма говорил, но Натаха меня остановила и сообщила, что делать ей полдня было нечего, так что тела бедных девочек она упокоила неподалеку с могилой хозяина фермы.

Бюрократ после ужина погрузился в изучение каких-то найденных у Епифана бумаг, сообщив, что его это успокаивает и отвлекает. Я смотрел, как он водит пальцем по длинным колонкам цифр, и понял, что тоже бы не против что-нибудь перед сном почитать, вот только книг я здесь не видел что-то. Ну, кроме инструкции к шагоходу.

Хотя...

Я хлопнул себя по лбу. Я же прихватил с собой ту тетрадь из подземелья. Старинную, в кожаной обложке и с толстыми страницами. Я устроился поудобнее, взбил подушку, поморщился. Все-таки из соседних комнат несло гарью недавнего пожара. С другой стороны — не на улице же комаров кормить, когда есть дом? Моя очередь следить, не приближается ли к дому кто-то подозрительный наступит через несколько часов, Гиена как раз заступил на дежурство.

Так что я подошел к столу, на котором мы разложили все имеющиеся у нас вещи, взял загадочную тетрадь, вернулся на кровать, лег и открыл первую страницу.

Не успел я сосредоточиться на буквах, как вдруг почувствовал, как проваливаюсь куда-то в темноту.

Глава 22. Вышел месяц из тумана...

Покачивание и размеренный стук колес.

Узкая полоса тусклого света.

Запах металла, ржавчины и несвежих носков.

Шипение ненастроенного радиоприемника, сквозь которое пробиваются слова старой песни, которые я скорее помню, чем реально могу разобрать.

«...один говорил наша жизнь это поезд другой говорил перрон...»

Я вижу все это как будто со стороны. Вот он я, на сидухе нижней боковой где-то в середине вагона. Мое лицо освещает мерцающий в руках смартфон. Буквы, картинки...

Размеренный ритм замедлился, надсадно заскрипели тормоза, поезд дернулся и замер. На миг все потемнело, как будто я моргнул.

Снова открыл глаза.

Весь остальной вагон погрузился в темноту. Пятно света выхватывало из мрака только мой столик на середине нижней боковушки и сидящего напротив человека, лицо которого было скрыто тенью от шляпы. Еще к миру добавился резкий запах табачного дыма. Огонек «козьей ножки» разгорелся ярче, осветил нижнюю часть худого лица, похожего на обтянутый кожей череп, длинные узловатые пальцы, тонкие жгутики усов, свисающие ниже подбородка.

— Здесь же нельзя курить, — сказал я. Почему-то голос звучал почти чужим.

— Интересное слово — нельзя, — ответил тощий незнакомец. — Что оно по-вашему значит? Нельзя, потому что кто-то повесил здесь знак, перечеркивающий сигарету? Или потому-то когда-то давно кто-то курил, лежа на полке, уснул, сигарета упала, начался пожар, погибли люди... А может быть, нельзя, потому что тебе не нравится, что я курю? Что означает это твое «нельзя»?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Так принято. Таковы правила...

— А что если я закурил как раз потому, что хотел нарушить эти самые правила? — незнакомец оскалился в улыбке. — Чтобы прибежал какой-нибудь страж общественного порядка, попытался меня оштрафовать. Или высадить. Мы бы повздорили, а возможно и подрались. А потом я бы швырнул бычок в мешок с грязным бельем, начался бы пожар, экстренное торможение, поезд сошел с рельс, сирены, пожарные вертолеты...

— Не понимаю, к чему этот разговор, — сказал я все тем же чужим голосом и снова уткнулся в экран телефона.

Снова короткий миг темноты, как будто я моргнул. И вот уже нет никакой задней боковушки. Под кроссовками хрустит гравий, на фоне темного ночного неба — словно вырезанные из черной бумаги контуры деревьев. И длинная гусеница поезда с световым пунктирным узором окон.

— Дайте угадаю, сейчас вы скажете, что это была демо-версия другого мира, для того, чтобы приобрести полную версию, я должен поставить подпись кровью на длинном договоре, половина которого напечатана мелким шрифтом? — сказал я. Вообще я еще не видел тощего парня с «козьей ножкой», но точно знал, что он стоит за моей спиной.

— А ты бы подписал? — серьезно спросил незнакомец. И расхохотался, не дожидаясь ответа. — У тебя такое смешное лицо сейчас. Расслабься, это просто твой сон, ничего больше.

— Точно? — я похлопал себя по бокам, сунул руку в карман, наткнулся на что-то твердое. Ну да, тот самый брелок-бляха. Серого металла с силуэтом шишиги. В заднем кармане завибрировал мобильный телефон. Я замер. — Вопрос ведь в том, где я проснусь. В доме Епифана или на подъезде к Новосибирску на верхней боковой, когда проводник ткнет меня в бок и сообщит, что сортир через полчаса закроют.

— А еще голову мне морочит с какой-то подписью! — незнакомец снова заржал и затаился. Кончик самокрутки вспыхнул ярче и снова выхватил из мрака его худое лицо, похожее на голый череп. — Нашел тоже Вельзевула... Второй вариант в твоём изложении — это настоящий триллер. Прямо-таки, ночной кошмар!

Да? Я мысленно представил себе себя, выходящего из аудитории вслед за вчерашней школьницей в обтягивающей тугую задницу юбке. А потом в маленькой квартире с «бабушкиным ремонтом», за столом с потрескавшейся полировкой и тетрадкой конспектов. Как я с третьего ряда потоковой аудитории слушаю унылую лекцию от препода, которому давно уже пора на пенсию. А вот я на скамейке в парке, обнимающий одной рукой ту девушку, которая пару кадров назад виляла передо мной задницей, а в другой руке — бутылка темного пива. А вокруг — стайка таких же оболтусов, с которыми мы прогуливаем пару.

Телефон, тем временем, продолжал вибрировать, но доставать его мне почему-то не хотелось. Но тут я с ужасом понял, что левая рука уже потянулась к заднему карману. Нет, блин, нет!

Перед глазами замелькали другие лица. Яростный зеленый огонь в глазах Натахи. Кашляющий смех Гиены. Изуродованное лицо Епифана. Мерзкая самоуверенная улыбка на губах Матонина. Бездонные темные глаза Талтуги...

Зазвенели колокольчики. Призрачная фигура шаманки раскинула руки, ее длинные темные волосы взлетели мрачным ореолом вокруг бледного лица.

Я до боли сжал в руке бляху из серого металла. Бисеринки пота выступили на лбу от напряжения.

Сквозь шипение ненастроенного радиоприемника снова прорвались знакомые слова: «...другой говорил задаваться не надо как сядем в него так и сойдем...»

Я почувствовал, как мои пальцы коснулись прохладного скользкого пластика, ухвалили его и потащили вверх. Вибрация передалась всей руке...

— Богдан! — прорвался сквозь мрак женский голос. — Богдан! Проснись!

Сознание снова на миг затопила темнота. Кто-то осторожно тряс меня за руку. Я дернулся и открыл глаза. Было темно, в ноздри ударил запах гари.

— Богдан, уже светает, твоя очередь дежурить, — сказала Натаха шепотом.

И тут меня аж затрясло. Сон, твою мать, просто сон! Я повернулся на бок и сунул руку в задний карман джинсов. Пальцы наткнулись на холодный металл бляхи-брелока.

— Фух, — я поддался порыву и обнял Натаху. Та крепко сжала объятия в ответ, потом отстранилась.

— Плохой сон? — спросила она.

— Вроде того, сказал я, вытирая взмокший лоб. — Если это сон был, конечно... Что вокруг происходит?

— Мужики подрались через два двора от нас, — сказала Натаха. — Один пришел с колуном и начал рубить забор. Хозяин выскочил, пальнул из ружья, первый бросил топор и бежать. А третий ему навстречу. Двое накостиляли первому, а сейчас все трое сидят на

крыльце, квасят и обсуждают, кто забор будет чинить.

— И все?

— Все, — Натаха усмехнулась. — Других происшествий не было.

— Тогда пост принял, — сказал я, спуская ноги с кровати. — Приятных сновидений и все такое.

Я встал и снова оказался слишком близко к Натахе. Всем телом ощутил жар ее кожи. В темноте моя ладонь коснулась крутого изгиба ее бедра. Я замер. Она вздрогнула, но не отстранилась. Даже придвинулась еще чуть ближе. Дыхание ее стало прерывистым, я почувствовал его на своей щеке. Ее ладонь накрыла мою ладонь.

— Тебе пора... — жарким шепотом и с ноткой сожаления выдохнула Натаха. Отстраниться от нее стоило просто нечеловеческих усилий. Мелькнула даже предательская мысль, что может хрен с ним, с этим дозором? Натаха коротко коснулась губами моих губ. Имитация поцелуя как обещание чего-то большего.

Я сжал ее еще раз в объятиях и отпустил. Сделал шаг к двери, услышал, как за моей спиной скрипнула под Натахой кровать.

Вышел на крыльцо, поежился. Серые рассветные сумерки были затоплены напоздшим с реки туманом. Брррр... Это же мне сейчас неподвижно стоять надо будет. Окочурюсь нафиг! Я вернулся в дом и пошарил в куче одежды на вешалке. Выудил покоцанный жизнью бушлат, в которых таких как я троих завернуть можно, и серую вязаную шапку. Взял дробовик и снова вышел во двор.

Прислушался. Первые проснувшиеся пичужки уже голосили, где-то вдалеке брехали собаки. А совсем даже невдалеке три пьяных голоса не в лад пели незнакомую песню. Я вышел на дорогу и направился к вышке. Той самой, на вершине которой нес бессменную вахту фанерный часовой.

Пока шел, поневоле прислушивался к пению. Песня была разухабистой, матерной и, похоже даже с каким-то сюжетом и бесконечным каким-то количеством куплетов. Главной героиней была императрица Елена, второстепенными — разные мужики, которые правдами-неправдами пытались пролезть в ее фавориты. Каждый куплет начинался со строчки: «Пришел...такой-то... ко двору», и потом расписывалось, как он расхваливает свои достоинства, а к припеву с ним обязательно случалось что-то плохое. И шальная императрица придумывала для каждого какое-нибудь очередное остроумное наказание. На словах о том, как незадачливого манерного француза с умелым языком отправили ублажать трех толстых поварих я как раз подошел к лестнице на вышку.

Половины ступенек не хватало, доски посерели от времени, а кое-где и прогнили. Грозной эта штука смотрелась только издалека. Но пулемет был настоящим. Правда явно старым. Похож на британский Виккерс, времен чуть ли не первой мировой. Видел как-то похожий на блошином рынке на Удельной.

Встал рядом с фанерным часовым. Лицо у того было нарисовано даже где-то реалистично, если бы кто-то потом не пририсовал углем идиотские закручивающиеся усики. Еще была на лбу какая-то надпись, но ее затерли, не разобрать.

— Ты чо, пес!!! — песня смолкла, раздался звук смачной плюхи. — Она бы не стала брать в рот у какого-то там корнетишки!

— Дык как бы она тогда хуй ему откусила? — возразил второй пьяный голос.

— Собака откусила, со-ба-ка! — снова звук плюхи, потом ответный протяжный вопль «Ну ты чоооо?»

Я перестал прислушиваться к звуковому сопровождению и занялся своими прямыми обязанностями. В смысле — следить за дорогой.

Ну и чтобы мне не было совсем скучно, стал вспоминать инструкцию к шагоходу. Вообще, конечно, она поставила меня в тупик в каком-то смысле. Сначала там шли описания ГТХ, толщина брони в разных местах, пиковая скорость, маршевая скорость, типы вооружения и все такое прочее. А вот раздел про управление этой штукой был более, чем странным. Сначала там тщательнейшим образом была описана последовательность движений пальцами, на каждый жест — иллюстрация. Скрестить указательные, палец правой руки сверху, или левый, если ты левша. Упереться подушечками больших пальцев друг в друга. Потом образовать второй ромб средними и безымянными... И так далее до тех пор, пока каждый палец не займет положенное место. А когда это произойдет, то следует прочитать вслух (можно шепотом) следующие строки:

«Ни стужи, ни нужи, ни голода, ни холода, ни пули, ни огня, ни дыма, ни тоски. Шаг да шаг, ворогу от ворот. Силою трех тысяч заклинаю, пусть да движется то, чему не должно».

Больше там ничего не было. Ни о том, как включать, ни о том, как поворачивать. Ни о стрельбе, ни о смене скоростного режима. Типа, там все интуитивно понятно? С машинами всех типов я управляюсь отлично, но там же шагоход... Принцип совсем другой должен быть... Надо будет Натаху расспросить подробнее, а то будет тупо подобраться к шагоходу, залезть в кабину и не смочь заставить его двинуться с места.

Над горизонтом показался краешек солнца. Один из его языков протянулся вдоль дороги, почти до самого забора, рядом с которым сидели деревенские колдыри, пытавшиеся вспомнить слова какой-то очередной похабной песенки. Получалось у них так себе, они никак не могли сойтись во мнениях, петь им про мельничиху и ее козла-мужа или про разбитную купчиху, не носившую исподнего под юбкой.

Я не успел заметить, когда она появилась. Наверное, из-за тумана. Девушка. На вид лет, может, шестнадцати. В разодранной в клочья рубахе, покрытой бурыми пятнами. Она приволакивала правую ногу, бедра в крови, на юной груди — крупные синяки. Из уголка рта стекает капля крови. С первого взгляда понятно, что именно с бедняжкой случилось. Я хотел, было, спрыгнуть с башни, чтобы броситься ей навстречу, но тут ее заметили трое пьянчуг.

— Навка! — заорал один неожиданно трезвым голосом.

— Да брешешь ты, — цепляясь языком за каждую букву ответил второй.

— Да бля буду, навка! — снова заорал первый и попытался вскочить. Но ноги его предали, и он повалился на бок.

— Ты пошто суехвостишь? — ответил третий, лежавший на траве ничком. — Идет трахнутая девка по своим делам, чо сразу навка...

— Бежать надо, бежать... — первый снова попытался встать.

Туман слегка рассеялся, и мне стало лучше видно девушку. Бежать ей на помощь тут же расхотелось. Она была мертвенно-бледной, практически синюшной. Кончики ее пальцев черными, слишком длинными для человеческих и заостренными. Она явно шагала прицельно к пьяной троице, на меня не обращая никакого внимания. Вот она вытянула вперед руки... И в этот момент ее заметил второй колдырь. Оплывшее пьяное лицо его тут же стало трезвым и испуганным.

— Глаша... Ты чего? — залопотал он, отползая на четвереньках от своих товарищей. — Глаша... того этого... я же не со зла... ты чего? Чего?

Мертвые губы девушки растянулись в жуткой и слишком широкой для ее лица улыбке. «Девочка-девочка, почему у тебя такие большие зубы?» — подумал я. Зубы были и впрямь большие. Острые, конусообразные. Она вытянула вперед руки и завывала.

Второй дотянулся до ружья, подхватил его, передернул цевье и пальнул в нее в упор. Та дернулась, но не остановилась. Мужик бросил ружье и кинулся бежать. Но ноги его не слушались, так что он упал, потом попытался подняться, снова упал, уперся в землю всеми четырьмя конечностями.

— Свят буде помощи! Ни зла, ни тумана, ни лжи, ни обмана... — забормотал первый, поднялся на ноги и, качаясь, попытался поднять с земли третьего. — Вставай, вставай! Она же сейчас тебя сожрет!

Третий промычал что-то невразумительное, и тут чудище в форме девушки бросилось вперед. Ее пальцы-когти погрузились в плечи первого, зубы клацнули в сантиметре от его лица. Он заорал совсем каким-то нечеловеческим воплем-визгом. Когда кровь закапала на голову все еще лежавшего третьего, он наконец-то открыл глаза. Но осмысленность в них так и не появилась.

Тем временем Навка повела острыми пальцами по телу своей жертвы вниз, к подвязанным веревкой штанам. Ее рука на мгновение исчезла под ними, а потом рванулась вверх, победно сжимая сморщенный кусочек плоти. Орать мужик уже не мог. Он тоненько завыл, завалился на бок, штаны его моментально стали бурыми от крови.

Навка утробно зарычала, склонилась над ним, разжала когтями его челюсти и сунула его окровавленное достоинство ему в рот. Медленно повернулась вслед улепетывающему на четырех костях второму. Взвилась в нечеловечески высоком прыжке и приземлилась ему на спину. Он охнул и растянулся на траве. Ее острые зубы впились в его затылок, брызнула кровь. Потом она отскочила, воткнула обе когтистые лапы ему в спину и одним рывком перевернула. Было видно по губам, что он все еще что-то лопочет. Она снова жутко улыбнулась и потянула руку к его штанам. Тот взвыл и пытался закрыть промежность ладонями. Навка схватила его за руку и рванула. Захрустели кости, брызнула кровь, и правая рука мужика с противным чавканьем отделилась от тела. Она отшвырнула ее в сторону и запустила когти в его штаны. Новый дикий вопль — и в пальцах чудовища зажат еще один поникший член. Открывать рот этому мужику навке не пришлось — он заходился истошным воплем. Она сунула член в его разъявленную пасть и поднялась на ноги. Подошла к третьему телу. С силой хлестнула его когтями. От удара он подлетел в воздух и перевернулся. Она прыгнула на него сверху, и вцепилась в плечи. Завывала, открыв рот. С острых зубов ему на лицо закапала кровь пополам со слюной.

— Глаша... Я же ничего тебе не делал... Глаша... — забормотал он. Навка хлестнула его когтями по лицу, располозовав щеку кровавыми ранами. Он сразу же замолк и обмяк. Почему-то этому мужику она не стала отрывать член и запихивать ему же в рот. Просто встала, склонила голову и огляделась. Взгляд ее замер на моей вышке.

Глава 23. Чудеса тактического планирования

Она двигалась медленно, но шла быстро. Не знаю, как такое возможно. Вот она делает шаг, но приближается сразу на пять. У меня внутри все сжалось. И фигли делать? Стрелять по ней? Тот мужик выстрелил, и чем ему это помогло? Прыгать вних и бежать? После того, что я увидел, мне инстинктивно хотелось сжаться и прикрыть свое достоинство... руками? Что-то это тоже не особо помогает.

С каждым шагом навка менялась. Окровавленные когти становились все короче, пока не стали просто обломанными грязными ногтями на тонких пальцах. Страшная испачканная кровищей пасть превращалась в обычные разбитые девичьи губы. Она снова начала прихрамывать. А утробный рев сменился на тихое поскуливание. Она остановилась прямо под башней и подняла голову. Посмотрела прямо на меня. Из бледно-голубых глаз лились слезы, прочерчивая на грязных щеках мокрые дорожки. Она склонила голову, и спутанные мокрые волосы упали ей на плечо. Она вытянула руку куда-то в сторону реки и издала протяжный певучий стон. Я мучительно пытался вспомнить хоть что-нибудь из своих знаний о нечисти. Вроде бы, нападать она больше не собирается. Может быть, она чего-то от меня хочет?

Она снова издала тот же самый звук. И снова показала в сторону реки.

В этот момент в каком-то из соседних дворов заголосил петух.

Навка на мгновение снова изменилась в лице, во рту ее сверкнули острые зубы. Она быстро шагнула в сторону и растворилась в языке плотного тумана.

Я подождал несколько минут, когда солнце целиком выкатится из-за горизонта и рассеет последние клочья тумана. Слез с вышки и пошел к своим. Из соседних дворов раздались осторожные разговоры. Неудивительно, что кто-то проснулся, эти колдыри так орали.

В воротах я столкнулся с Натахой. Она держала в руках дробовик, а на крыльце маячил одетый в одни штаны Гиена. Тоже вооруженный.

— Это не за нами, — сказал я. Бежать помогать жертвам почему-то не хотелось. — Это навка к тем пьянчужкам приходила.

— Она тебя видела? — быстро спросила Натаха.

— Да, — сказал я. — Показывала мне куда-то в сторону реки, но сказать ничего не могла.

— Значит ее тело прибило к берегу, — Натаха опустила дробовик. — Надо похоронить, а то она так и будет тут слоняться.

— Те мужики звали ее по имени, — сказал я. — Глашка. Видимо, при жизни знали.

— И что она с ними сделала? — спросил Гиена.

— Хуи поотрывала, — сказал я. — И попыталась ими накормить.

— Ну значит это они ее снасильничали и утопили, — сказал Гиена. — Глашка, ты говоришь?

— Ага, — я кивнул и поставил дробовик к стене.

— Настасьина дочка это, — сказал Гиена. — Пять лет назад сгинула. Она поэтому и стала... вот такая.

— И Епифана, стало быть? — спросила Натаха.

— Не, Епифан ее потом к себе забрал, — сказал Гиена. — Она когда крышей потекла,

то Гришку-ковригу задушила. Ее хотели повесить, а у Епифана тогда жена померла, так он сказал, чтобы не смели, и на Настасье женился. Обычай. Не стали вешать, отступились. А оно вон как оказалось. Значит, Настасья права была, что насильничали дочку. А все думали, что это она сбрендилась просто, а Глашку медведь задрал. Девка-то была не в себе, все время по лесу одна ходила и не разговаривала почти.

Меня передернуло. Если четверть часа назад мне тех мужиков было жаль, то сейчас я подумал, что на месте Навки еще и подольше их помучиться бы заставил. Впрочем, куда уж больше-то...

— Похоронить ее надо, — сказала Натаха. — Сейчас лопату только возьму...

Искать тело долго не пришлось. Оно лежало на самой кромке воды на песчаном плесе. Мокрые волосы как ком свалевшихся водорослей, мокрая рваная рубаха... Она выглядела точно так же, какой я ее и видел. Только кровь вода смыла. И зубы были обычные. Только вот... Пять лет назад? Да за это время ее должны были рыбы обглодать до скелета, а у нее тело даже не распухло.

— Так она же навкой стала, — ответила Натаха, и я понял, что задал свой вопрос вслух. — С ними всегда так. Пока не похоронят по людски, будет выглядеть, как в последний свой миг.

— А они только своим насильникам мстят? — спросил я, когда мы заворачивали тело в саван из отреза некрашеного льна.

— Любым насильникам, — сказала Натаха. — Может хоть до скончания веков ходить и охотиться за теми хренами, которые совали в женщин без их воли.

— Как здесь только насильники-то еще не перевелись, — сказал я, заглядывая девушке в лицо. Она была некрасивая. Рот слегка скошен набок, щеки впалые, грудь едва заметная. Кожа на ребрах натянута, руки-ноги тоненькие. Бедная девчонка. — А может не хоронить ее? Пусть проредит поголовье мудаков, может жить тогда лучше станет.

— Так страдает же она, — сказала Натаха. — Не по-людски это как-то.

Я вспомнил, как она рвала в клочья тех пьянчуг и подумал, что им так-то тоже пришлось пострадать. Но говорить вслух ничего не стал. Откуда я знаю, действительно, что эта девчонка чувствует сейчас?

Но лицо ей прикрывал осторожно. Воспоминания о кошмарных окровавленных зубах за ее бесцветными губами все еще были живыми. И выкинуть их из головы как-то не получалось.

— Если навку не похоронить, то она потом с ума сходит и начинает всех подряд мужиков жрать, — сказал Гиена.

— А я слышала, что нет, что честного мужика даже столетняя навка не трогает, — Натаха нахмурилась.

— Ну она сначала настоящих насильников наказывает, а потом, когда насильники заканчиваются, начинает принюхиваться к каждому, чей хрен хоть когда-то в бабе побывал. А там мало ли что... Ей же не объяснишь, что ты не насильничал, просто баба была не в настроении...

— Что, Гиена, страшно стало? — Натаха прищурилась. — Не все чисто с совестью-то у тебя, как я погляжу?

— Но-но! — Гиена гордо выпрямился. — Я баб никогда насильно на сеновал не тащил! Это ж дрянство одно сплошное!

Он замолчал. Но выражение лица у него было такое, будто чего-то он не договорил. А

может ему просто с Натахой спорить не хотелось, все-таки он бы в курсе, насколько тяжелые у нее кулаки.

Мы недолго постояли над свежей могилой и вернулись в дом. Кузьма, от которого уже пахивало самогонкой, суетливо накрывал на стол нехитрый завтрак из печеных яиц и сухарей.

Теперь дело оставалось за малым — разработать план угона шагохода и претворить его в жизнь сегодня ночью. Пользуясь тем, что хозяин с большинством своих чернобородых миньонов будет увлечен просмотром гладиаторских боев на специально для этого оборудованной арене.

— Значит, идея такая, — сказал Гиена, ткнув пальцем в план. — Ты, Боня, пролезаеть на задний двор. Скорее всего, шагоход вот в этом сарае, ни в какой другой такая махина не влезет. Когда ты будешь выламываться, я буду караулить у арены, и когда этот хорек вонючий выскочит, швырну в него гранатой, чтобы его на тряпки кровавые разорвало!

— А потом? — спросил я.

— Что потом? — Гиена нахмурился.

— Тебя схватят и приколотят к забору, как и Епифана, — сказала Натаха. — Или ты все, готов на смерть идти, лишь бы отомстить? А ну как не попадешь?

— Чего это я не попаду? — набычился Гиена. — Я знаешь как хорошо гранаты кидаю?

— Да мало ли, прикроет его кто или шаманка эта его вмешается... — Натаха пожала плечами. — У него там не меньше пятидесяти человек вооруженных плюс гости.

— Шаманка, вот же дряньство... — Гиена помолчал. — Тогда так. Мы идем на задний двор и угоняем шагоход. А потом ломимся к арене и кладем там всех из пулемета!

— Думаю, с шагохода все штатное вооружение сняли, — задумчиво сказала Натаха. — Без него он, конечно, тоже может наделать дел, но охотиться за конкретным человеком на нем сложно. Машина это могучая, но не очень проворная. Кроме того, там может быть для него тесно. А застрявший шагоход — это просто консервная банка бронированная. Ток подведут к броне, и кабзда вам.

— Ты что-то, Холера, только критикуешь! — вспыхнул Гиена. — Нам же этого гада завалить надо.

— Нас трое всего, Гиена, остынь! — сказал я. И посмотрел в сторону молчащего Бюрократа. Но тот возражать не стал, сделал вид, что погружен в изучение содержимого той самой черной тетрадке, из-за которой я ночью чуть не поседел во сне. — Кстати, об этом. Я прочитал инструкцию к шагоходу от корки до корки, но там нет ни слова про управление этой машиной. Только какие-то фигуры на пальцах и заговоры. Это неполная инструкция или что?

— Заговор и пальцы — это и есть инструкция, — сказала Натаха. — Когда ты садишьься в кресло оператора, тебе нужно сделать все, как написано, и тогда оно само все придет. Какие рычаги дергать, и как там вообще что. Я же говорила уже, что управлять может только человек, у которого есть магические способности. Любой другой может хоть до посинения пытаться сдвинуть шагоход с места, но у него ничего не выйдет. Только из пулемета может стрелять, там не нужна магия.

— А если у меня не получится? — спросил я. — Я же вроде как... только каску нашел...

— Каску? — Натаха нахмурила брови.

— Ой, это дурацкая шутка, — я махнул рукой. — В том смысле, что магии вроде как надо обучаться, а я пока только дверь случайно сломал.

— Это неважно, для техномантии достаточно просто в заклинании не ошибиться, — сказала Натаха. — В технику уже все вложено, тебе достаточно только спусковой крючок нажать. А нажимается он как раз только при наличии способностей, и никак иначе.

— Понял, — я кивнул.

— А мы вообще собираемся убивать Матонина? — Гиена сузил глаза и посмотрел сначала на меня, потом на Натаху.

— Собираемся, — я сжал зубы. — Но только не ценой собственных жизней. Наш арсенал — три коробки патронов и семь гранат. А у него — пулеметы, толпа черножопых головорезов и медведь. Не в нашу пользу пока что расклад.

— Да плевать я хотел на эти ваши расклады! — заорал Гиена. — Я ему глотку готов зубами перегрызть! В клочья порву, гада... Я ему Епифана никогда не прощу...

— Как действует магическая сигнализация в поместье? — спросил я.

— А? — Гиена осекся.

— Ты говорил, что периметр у Матонина защищает какая-то магия, — сказал я. — Как она работает?

— Так я же не маг, точно не скажу... — начал Гиена. — В общем, там в колючку вплетено что-то вроде бусин. Если саму бусину задеть, то кабздец. Хотя она не убивает, а просто парализует.

— А если проволоку перекусить? — спросил я.

— То заорет сирена, — ответил Гиена. — Еще током тряхнет, наверное. Там заяц в колючку запрыгнул, так его трясло, как паралитика.

— А ворота? — спросил я.

— Там сверху тоже колючка... — сказал Гиена.

— Наверное, это русалочье ожерелье, — задумчиво проговорила Натаха. — Просто совмещенное с колючкой под током, так многие делают. Просто и надежно. Все бусины соединяются в невидимый контур, и если он нарушается, бусина смещается и дергает колючку. Сирена орет. Ну а если задеваешь бусину, то Гиена уже сказал, что будет.

— Это его шаманка такие вещи делать может? — спросил я.

— Да не, — Натаха махнула рукой. — Тунгусские шаманы — это про другое совсем. Русалочье ожерелье — это обычные маги делают, уже лет сто как используется. Вообще-то их из Империи сюда привозить запрещено, но все все равно возят. Контрабандой. Даже сейчас, когда еще сильнее гайки закрутили и тройные кордоны перед границей возвели. А уж Матонин-то точно может себе позволить такое. Хотя странно, что только русалочье ожерелье... Мог бы и что помощнее поставить. Шалтая-болтая или кукольную стражу. Мы как-то в Шалтая-болтая чуть не вляпались со Звонарем, вот ужас-то был. Еле ноги унесли.

— Вообще-то магическая защита не только контрабандой ввозится, — сказал Гиена. — У нас уже давно есть и свои умельцы. В том же томском университете, я слышал, научились делать... всякое...

— Кстати, — при упоминании томского университета мне вспомнился недавний подслушанный разговор и упомянутое в нем учебное заведение. — А что такое Дикая Пустынь?

— Дикая Пустынь? — переспросил Гиена. — Да это байка такая. Бабки на ночь внукам непослушным рассказывают. Мол, не будешь спать, придут монахи из Дикой Пустыни и уволочут тебя в это тайное место. Где будут пороть плетями магическими до тех пор, пока ты в скелет не превратишься. А что?

— Мне не показалось, что речь шла о сказочном месте, — сказал я.

— А ты откуда это название услышал? — спросила Натаха.

— От Киры, — сказал я. — Когда в тайник в дом Гиены пробирался, там Кира увещевала каких-то оболтусов, что их увезут в Дикую Пустынь, где обучат и воспитают в наемных убийц Российской Империи. И даже паспорта выдадут. Потом.

— И ты молчал? — Гиена привстал и подался вперед.

— Да как-то к слову не приходилось, — я пожал плечами. — Кира от меня может и не отцепится, но сейчас не она наша самая большая проблема.

— Убийц, говоришь? — вдруг подал голос Бюрократ. — Вообще-то в Империи уже несколько лет как запрещено обучать боевой магии. Международное соглашение такое было принято. И все страны Нантского ковенанта ее подписали. Российская Империя тоже. Боевых магов в Соловецкой Артели готовили, так это направление там закрыли уже несколько лет как. Может быть, поэтому Кира и здесь? Занимается за границей империи поиском и воспитанием тех, кого быть по закону не должно?

— Надо же, как удобно, — буркнул Гиена. — Так что насчет Матонина?

— Знаешь, Гиена, чему в первую очередь учат в военной разведке? — спросил я.

Гиена набычился и молча посмотрел на меня.

— Не суетиться, — я хмыкнул. На самом деле, нет, конечно, но я не лекцию по военному делу собирался Гиене сейчас читать. — Так вот. Я Епифана почти не знал. Нет, сейчас не перебивай меня, заткнись и послушай. Так вот, я почти не знал Епифана. Я с ним всего-то разок посидел на крыльце. И знаешь, чего мне сейчас больше всего хочется? Взять Матонина живым. Чтобы много часов смотреть, как он подыхает. Чтобы перед своим последним вздохом он мог видеть, как я расстегнул штаны и поссал на его шутовской шелковый прикид. Я хочу, чтобы этот гад сдох, а я остался в живых. Чтобы я мог оставить его тело гнить в придорожной канаве и направиться бухать в соседний кабак. И чтобы ты это тоже мог сделать. Меня совершенно не устраивает вариант, когда ты врываешься в толпу с гранатой и подрываешь себя там в ключья. Даже если при этом ты захватишь Матонина с собой. Этот. Психопат. Должен. Сдохнуть. Но не ценой наших жизней. Так вот. Не суетимся. Понял меня?

— Понял, Боня, — Гиена кивнул, глядя в пол. — Доходчиво.

— Сколько на эти его игры приезжает гостей и на чем? — спросил я.

— Ну, человек до ста может собираться, — сказал Гиена. — Азарьевы всей семьей верхом всегда только ездят. У Жлобиных «Руссо-Балт», только старый. Такой, без крыши.

Гиена перечислил еще штук шесть незнакомых фамилий, сыпал незнакомыми марками машин и неинтересными фактами из биографии новониколаевского бомонда. А у меня в голове постепенно начал вырисовываться план.

— ...а однажды он вообще к Метрополю омнибус пригнал. Двухэтажный! Его для него из Британии через Китай везли, представляешь? — продолжал Гиена. — Только это бесполезная хня оказалась, для наших дорог вообще не годится. Он думал там на крыше стол установить и всю дорогу вкушать закуски под шутовский коньяк, а пришлось держаться за все, что приколочено, а некоторые дамы, разодетые в пух и прах, еще и блевали через бортик! А под конец, уже у Нижней Ельцовки, эта дура вообще в канаву опрокинулась. И гости, такие, все в навозе и грязюке через ворота пешком заходили. Смеху было... С тех пор все подозрительно относятся, если этот хорек вонючий приглашает на своем транспорте ехать. Предпочитают как-то своим ходом добираться.

— Так, — сказал я и хлопнул ладонями по столу. — У меня есть план. Слушайте, как все будет...

Глава 24. Безбилетник

На повороте показался свет фар. Я выглянул из-за дерева и присмотрелся. Не, не пойдет. Щегольская блестящая машина а-ля лимузин мне не подходила. На любой кочке она меня просто размажет. Я один раз мигнул в сторону «убежища» Бюрократа. Была изначально идея оставить его дома, но для самого удобного для моих целей участка дороги требовалось четыре человека, вместе со мной. Благо, все, кроме меня, если все пойдет по плану, в контакт с противником войти не должны. Так что Бюрократу ничего не угрожало. Собственно, его задача была очень простой — следить за местом, где прячусь я, а потом передать мой сигнал дальше по цепочке — Натахе. Которая, в свою очередь, должна передать его Гиене. И когда Гиена увидит правильный сигнал, то...

Ага. Следующая машина. Что-то явно большое, мотор завывает, будто там танк по дороге перемещается. Впрочем, это может означать всего лишь, что механику лень ухаживать за машиной, он оторвал глушитель, а хозяину напел в уши, что машину настоящего мужика должно быть слышно издалека. Ну, там «Услышь мой рев!» и все такое. Даже если ездит хозяин на ржавом корыте размером с блоху.

Хотя высота фар внушала надежду. Все-таки, едет что-то и правда большое. Я быстро вскарабкался на развилку дерева, чтобы рассмотреть получше. Отлично! Эта штука явно подходил. До самого поместья дорога более или менее ровная, опасная колея там только в одном месте. Но у этого грузовика клиренс такой, что я проскочу, как на диване. Я повернулся в сторону Бюрократа и быстро-быстро замигал фонариком. Потом для верности повторил еще раз. Скатился с дерева и помчался к следующей точке.

Ну как, помчался... Лес в этом месте был не очень густой, зато подлесок знатный — сплошная крапива, колючие кусты и прочая цепляющая флора. Но времени добраться мне все равно хватало, мы несколько раз повторили. Правда, на тренировку у нас было от силы час, и особо шумной беготни в такой опасной близости от поместья Матонина лучше было не устраивать, но все равно лучше, чем ничего.

Я услышал треск сухих веток, потом увидел в просвете между деревьями бородатый силуэт Гиены и понял, что пока все идет по плану.

Нырнул в куст вплотную к дороге и замер. Рев мотора приближался.

И когда машина оказалась строго напротив меня, тормоза скрипнули.

— Что там еще? — раздался приглушенный голос, видимо из кузова.

— Ерунда, сухостой рухнул! — ответил другой голос. — Сейчас мы с Киром уберем!

Синхронно хлопнули дверцы.

Я сосчитал до трех.

Пора!

Быстро перекатился из укрытия кустов под машину. Идеально. Под этим трехмостовым чудищем меня и днем-то не заметили бы, а уж в темноте... Хорошо, что Матонин собирает всех на свои игры только после заката. Гиена говорит, что это потому что он очень уж ценит факельное освещение.

Я прицепился к днищу, обхватив ногами глушитель, и замер. Водитель с Киром, которых я, не видел, судя по треску веток и кустов, уже практически разобрались с упавшим бревном и сейчас возвращались в кабину.

— А вдруг это какая-то засада? — спросил Кир уже на подходе к своей двери.

— Ой, не бзди! — отмахнулся водитель. — Много бы они тут засадили за это время? Для засады они бы выбрали бревно посерьезнее!

Я мысленно ухмыльнулся, вспомнив свой спор с Гиеной про бревно. Он как раз-таки хотел перегородить дорогу деревом-исполином, которое, чтобы убрать с дороги, требовалось бы пилить бензопилой, а потом эти поленья растаскивать группами по четыре человека. Вот как раз в этом случае они бы напряглись, оцетинились оружием и каждую секунду ждали бы нападения. И еще у части из них было бы море свободного времени на побродить вокруг машины, покурить и, возможно, заметить зайца, решившего посетить праздник жизни Матонина под днищем их могучей машины. А что-то совсем маленькое тяжелая и большая машина, вроде той, с глушителем которой я сейчас обнимался, могла бы просто проигнорировать.

Так что бревно должно было быть достаточно большим, чтобы водитель не смог забыть на его наличие на дороге, но не настолько, чтобы хоть у большинства пассажиров возникли хоть какие-нибудь подозрения.

Машина тронулся.

Ну что ж, рыба-карась, игра началась!

От нашего зигзага дороги до поместья Матонина ехать было минут, примерно десять. Очень длинные, почти бесконечные десять минут рева могучего двигателя и запаха солярки.

Водитель вел не особенно щадя своих пассажиров, что при такой машине с одной стороны понятно, проходимость у этого танка чудовищная, а запасу прочности подобных зверей в моем мире позавидовать может даже танк. С другой же стороны, было в таком пренебрежении к ухабам что-то неправильное. Что-то я не видел в этой версии Сибири всюду понатыканных автосервисом, в которых могут быстро и недорого починить подвеску. Да и с магазинами запчастей, которые здесь явно не производят, должны быть некоторые проблемы... Впрочем, справедливости ради, в моем мире самые отвязные водители были как раз в тех самых ебнях, в которые запчасти нужно на вертолете доставлять. И эта странная тема была мне категорически непонятна.

Все эти мысли настигли меня в тот момент, когда на особенно крутом ухабе с поворотом и подскоком меня чуть не сбросило. Причем, если бы я не удержался, то полетел бы как раз головой под правое колесо.

Фух.

Обошлось.

Не расслабляйся давай, Лебовский!

Машина остановилась, и ее залило ярким светом, потом луч сместился и снова стало темно. А потом снова стало светлее, чем днем.

Приехали. Группа встречи с прожектором.

— Эй, на башне! — заорал водитель. — Любимых гостей что ли не признал? Открывай ворота!

— ...бу-бу...машины... бу-бу-бу... руки!

Сквозь шум незаглушенного мотора речь Бека на воротах мне было слышно не очень хорошо. Собственно, все, что я понял, это что говорит Бек, и что он не очень приветливый.

— Да ты охренел там что ли, хрен черножопый?! — а вот водителя мне было как раз отлично слышно.

— бу-бу-бу... приказ.

— Да бля, — водительская дверь открылась. У Матонина там в связи с недавними

событиями усилили охрану? И что теперь? Обыск машины? Блин, хреново...

С собой у меня была пара гранат на случай, если придется уходить с шиком-блеском, но без шагохода. И нож. Разжиться пистолетом пока что не удалось, а дробовик... Ну и куда бы я его сунул? В любом случае, если меня вдруг заметят до того, как вокруг моего брэнного тела будет полметра брони с ногами, это будет провал.

Я напрягся, вспоминая, что там по эту сторону ворот, чтобы в случае чего быстро нырнуть в какие-нибудь подходящие кусты до того, как часовой догадается выпустить по мне очередь из пулемета. Тут, конечно, и кроме меня есть гости, но что-то я вообще не заметил хоть какого-то беспокойства о возможных случайных жертвах.

— бу-бу-бу...кузове...бу-бу! — крикнул Бек с башни. Мимо меня протопали сначала одни ноги, потом вторые. Кажется, из ворот кто-то вышел, и они, вдвоем с водителем, пошли смотреть, что там в кузове. Они даже о чем-то говорили, но не орали, поэтому было не слышно.

Я скорее почувствовал, чем услышал, что в кузове надо мной происходит какое-то движение. Топают, перемещаются.

Потом все смолкло, ноги протопали обратно. Бек-проверяющий крикнул Беку на башне одно слово на незнакомом языке.

Заскрипели петли ворот.

Я перевел дух.

Внутри.

Машина остановилась, мотор замолчал.

Подо мной была уже знакомая зеленая трава ярко освещенной площади перед особняком Матонина. Только теперь в добавлению к свету вокруг еще и громко звучала музыка. Значит, кабель оперативно починили. Ну что ж, этого следовало ожидать...

Снаружи звучал какой-то вальс, мелодия такая очень-очень знакомая, и если бы я хоть капельку разобрался в классической музыке, я бы ее точно опознал. Штраусс? Дунаевский? А хрипящий матюгальник, из которого все это раздавалось, добавлял окружающему миру сходство с каким-нибудь городским парком во время праздничных торжеств. Ну, когда там собираются пенсионеры с добрыми лицами и кружатся под вот такой же романтично хрипящий вальс на танцплощадке, которую никто и никогда больше не использует.

Я слегка опустил руки, чтобы посмотреть, что происходит вокруг машины.

Кроме водителя с Киром, которые таскали бревно, в машине было еще человек семь мужиков, их ботинки сейчас топтались совсем рядом со мной. И еще было две пары босых ног. Явно женских.

— Как же я рад, господин Коровин, что вы смогли приехать! — разлился сахарным сиропом голос Матонина. Вот уж его я узнал бы среди множества других... Надо же, встречает прямо на парковке, гостеприимный хозяин уровня «бог»! И его ноги я тоже опознал — мягкие белые туфли с золотым тиснением и колышущийся над ними изумрудный шелк шароваров. Рядом с его ногами было еще две пары — маленькие почти детские ступни в расшитых цветными бусинами сапожках и здоровенные ножищи в армейских ботинках из грубой кожи. Вроде бы, не Ибрагим и не кто-то из Беков. Очевидно, тот белобрысый великан, кто бы он ни был.

— Я не смог бы пропустить такое мероприятие, господин Матонин, — отозвался незнакомый голос. — Кроме того, должен же я был познакомить вас со своей женой и дочерью...

Раздался дружный хохот, а потом сдавленное рыдание и мычание. Будто кто-то пытался кричать сквозь кляп.

— Ну чего ты так задергалась, еще же ничего даже не началось! — сказал господин Коровин. Шлепок по голой коже. Снова мычание и рыдание.

— По рассказам я представлял Ирину и Марину несколько... иначе, — задумчиво протянул Матонин, и белые туфли приблизились к двум парам босых ног. Две женщины были связаны вместе?

— За такой внешностью трудно разглядеть их змеиную сущность, верно? — Коровин расхохотался. И добавил уже серьезным тоном вполголоса. — Но наш уговор в силе?

— Не извольте сомневаться, господин Коровин, — сладкоречиво пропел Матонин. — Вы покинете мой дом стопроцентным безутешным вдовцом!

Снова хохот. Шлепок и задушенное рыдание.

Я заставил себя вообще не думать сейчас о предмете их разговора. Спокойно, Лебовский, прямо сейчас тебя не касается то, что мудаки вокруг с хиханьками-хахоньками планируют убийство двух женщин. Явно пленных и связанных.

— Кстати, господин Коровин, — отошедший на несколько шагов Матонин снова вернулся. Сейчас его ботинки стояли примерно в полутора метрах от меня. — Я вот что хотел спросить. А почему вы просто не избавились от ваших крокодилиц, раз они такие уж стервы? Нет-нет, я ни в коем случае не отказываюсь! Их участие придаст сегодняшним играм изысканность и остроту. Но все же...

— Репутация, господин Матонин, — сказал Коровин опечаленно. — Большинство моих партнеров — махровые подкаблучники. Им непременно захочется утешить несчастного вдовца, чье обожаемое семейство безжалостно задрал голодный медведь. Медведь же, все верно?

— Не переживайте, у нас найдутся подходящие хищные когти для ваших красавиц... — неожиданно тихо сказал Матонин.

Что-то случилось с его медведем? Эх, жаль, если так. Мишка-то точно ни в чем не провинился...

— Кстати, отчего мы все еще топчемся на пороге? — снова радушно и громко провозгласил Матонин. — Столы накрыты, напитки подготовлены, мои слуги к вашим услугам!

— А они? — неприязненно спросил Коровин.

— О них позаботятся в лучшем виде! — приторным полусшепотом выдохнул Матонин. — Или вы хотите, чтобы они разделили с вами трапезу, перед тем, как...

— О, нет-нет! — запротестовал Коровин. — Посадите их в самую вонючую и засранную клетку, какая только у вас есть. Но вы же помните, что когда все начнется, мне должно быть видно лучше всего...

«Это хорошо, Лебовский, что ты легкий!» — сказал я сам себе, продолжая висеть под днищем машины. Сколько именно мне еще ждать, я не очень представлял. Вряд ли теперь уже долго, возможно, еще пара машин гостей, и все лишние люди площадь покинут. Вот тогда и можно будет выбираться...

Машин с гостями оказалось еще всего две. На мое счастье, они были значительно меньше, чем та, на которой я приехал, и времени на общение с вновь прибывшими Матонин особенно не потратил. Здравсьте, рад вас видеть, проходите к столу!

Наконец все стихло, кроме музыки. Простуженный вальс играл по заезженному кругу.

Похоже, что рядом с патефоном в радиорубке сидит специальный человек, который перемещает иглу, когда пластинка заканчивается. А если хозяин услышит «вшурх-вшурх-вшурх» дольше минуты, то этому отрежут руку за неумение ей пользоваться, а его место займет другой, более расторопный и внимательный.

Я с облегчением разжал руки. Перевернулся на живот и выглянул из-за колеса. «Моя» машина стояла в ряду других машин, в основном поменьше. Всего их было двенадцать.

Я засек двух Беков в противоположном конце площади. Они честно бдили. В смысле не стояли и курили, а честно смотрели по сторонам с сосредоточенными лицами. И еще двое были с моей стороны. Один почти рядом с домом, а второй — рядом с громоздким белым кабриолетом, типичной такой «антилопой-гну», в двух машинах от меня. В мою сторону никто не смотрел.

Интересно, а куда Матонин всех приглашал? В дом?

Я выбрался из-под колес и поднялся почти в полный рост. Благо с левой стороны стояла еще одна высокая машина, в каком-то смысле почти автобус. И вот сквозь ее стелка я и увидел ответ на свой вопрос.

Ворота одного из ангаров, которыми ограничивался периметр двора, были распахнуты. Оказалось, что внутри ворот нет никакой постройки, это просто ворота. Теперь они были украшены цветными флагами и вымпелами, а над аркой входа была растянута полосатая маркиза. Как в итальянском кафе. Или в цирке. Сходство с цирком, пожалуй, было вернее. Дальше за воротами, над длинными накрытыми столами, вокруг которых толпились гости, был натянут островерхий красно-белый тент. А вокруг горели длинными языками пламени газовые факела. Электрических фонарей там не было, все они остались здесь, на площади.

Я прикинул по плану. Ага, получается, что я видел зверинец и арену с черного входа, специально для персонала и жертв. Со стороны шатра там, скорее всего, расстелена ковровая дорожка, чтобы каждый гость чувствовал, как ему здесь рады.

Я посмотрел в сторону особняка. От машин до угла — метров восемь ничем не прикрытого ярко освещенного пространства. Дальше все довольно просто — там тень, задний двор, забор, кусты, надворные постройки и прочие надежные и не очень убежища, способные скрыть меня от любопытных глаз. Осталось придумать, как именно преодолеть вот этот короткий открытый промежуток.

Я снова посмотрел в сторону арки с маркизой. До нее было гораздо ближе. А главное — гораздо легче подгадать момент, когда все четыре Бека будут смотреть в какие-нибудь другие стороны.

Правда дальше там примерно человек сто разномастного народу... Зато, в отличие от этой дурацкой площади, там тоже есть сравнительно большие цветочные кусты, какие-то яблони, палатки непонятного отсюда назначения.

Я еще раз мысленно взвесил варианты — один путь короткий, прямой и простреливается из пулемета, а второй — длинный, не очень предсказуемый и с толпой людей вокруг. Хм... Какой же я выберу?

Тут заунывный вальс наконец-то замолчал, вместо него их матюгальников раздался колокольный набат.

Тревога?!

А, нет, это так господин Матонин возвещает о начале торжественной части своих игр.

Решение я принял моментально, когда увидел, как ближайший ко входу в «цирк

Матонина» Бек отвернулся, прикрывая от ветра сигарету. Когда успел закурить? Ничему жизнь этих Беков не учит... А вся публика в этот момент повернулась в сторону невидимого от ворот оратора.

Я прошмыгнул за раскидистый розовый куст, потом переместился за красно-белую палатку.

Выглянул.

Ага, вот значит, как тут все устроено.

Невысокие ворота, расписанные под красно-золотую хохлому, рядом с ними — высокий постамент, на котором, как памятник самому себе гордо стоял Юрий Матонин. В зеленом шелковом костюме с широкой золотой лентой через плечо. Он широко раскинул руки и провозгласил:

— Добро пожаловать, дорогие гости, на мою сказочную ночь чудес!

Глава 25. Шоу должно продолжаться?

Очень легко привлечь к себе внимание, если попытаться затеряться в толпе гостей, натянув до самых глаз платок, а глаза упрятав за темными очками (которые ночью никто не носит). И еще если ходить пригибаясь на полусогнутых ногах. Хех, меня эта вот походка «не смотрите на меня, я незаметный» еще в детстве смешила. В кинотеатре, когда кому-то надо выйти из зала во время сеанса, он обязательно передвигается перед экраном в позе вопросительного знака. То есть, и экран закрывает, и выглядит как дурак.

Но вшита эта походка где-то на уровне рефлексов. И чтобы в ситуации, когда реально надо не привлечь к себе внимание, не начать пригибаться и сгибать ноги, требуется приложить некоторые усилия.

Когда по бокам от яркой фигуры хозяина вспыхнули фейерверки, толпа гостей разразилась аплодисментами и повалила на трибуны. Те самые, которые я в прошлый раз видел с другой стороны. Гости было больше сотни, но меньше ста пятидесяти. Сосчитать точно мне не удалось.

Когда все ломанулись вперед, я встроился в движение, следя за тем, чтобы мое лицо не попало на глаза кому-то, кто меня видел раньше. Мимо постамента я проскользнул как раз в тот момент, когда Матонин с него спускался и в сторону гостей не смотрел. Насчет одежды я не особенно переживал, одеты гости были кто в лес, кто по дрова. Ну, то есть, несколько человек были даже в каком-то подобии фраков и смокингов, но в основном из праздничного на гостях был или приколотый на видном месте бант, или галстук-бабочка на голой шее, или шляпа с яркой ленточкой.

Так что я в своем черном пиджаке глаз никому резать был не должен. Но злоупотреблять наглым перемещением на открытом пространстве все-таки не стоило. Легко могу не заметить кого-то невидимого, кто наблюдает за гостями из укрытия.

Шаг в сторону, как раз к боковой части трибуны. Наклониться, как будто завязываю шнурки.

Убедиться, что все, кто мог, уже скользнули незаинтересованными взглядами по неудачнику, стоящему раком. Еще одно быстрое и незаметное движение — и вот я уже в надежной черной тени под первой трибуной.

Я замер и быстро осмотрел те точки, где могли прятаться заинтересованные соглядатаи. Слева деревянная стена какая-то сомнительная. Слишком составная, там вполне может быть и замаскированная дверь, и отверстия, чтобы подсматривать. И обзор с той точки неплохой.

Никакого движения.

Шатер на отшибе. Непрактичный какой-то, узкий и высокий. Как будто просто для красоты там поставлен.

Не шевелится.

Если там и есть замаскированный охранник, то он ничем себя не выдал. Рядом с входными воротами тоже никого. Бдительных Беков нигде не видно.

Впрочем, это вполне логично. Это же типа праздник. Гостям же неудобно будет, если все время рядом с ними будут маячить бородатые моджахеды с оружием. И сверлить всех суровыми взглядами. Такое себе...

Я осторожно пробрался дальше. Сейчас я даже не опасался привлечь к себе внимание — надо мной топали изящными туфлями и тяжелыми кирзачами, громко разговаривали и

размещали на деревянных сидушках свои задницы охочие до кровавых зрелищ гости.

Я остановился на самой границе тени с противоположной стороны трибуны и глянул на арену. В прошлый раз она казалась довольно невзрачной, просто круглое пространство, засыпанное песком и опилками. И сколоченные из строганных досок трибуны. Собственно, сейчас в этом смысле ничего не поменялось. Кроме ощущения. Если добавить факельное освещение и развесить по пустым в прошлый раз шестам длинные цветные полотнища с кистями и бахромой, то ощущение пространства станет совершенно другим. Прямо-таки мрачная гладиаторская арена во всем великолепии, не меньше.

И даже ложа цезаря в наличии. Средняя трибуна на противоположной стороне была обтянута красно-золотой тканью, а вместо скамеек там были сколочены два широких кресла. Перед одним из которых как раз и стоял Матонин, во всей красе. А на втором сидела Талтуга. И смотрела она, кажется, прямо на меня. Я инстинктивно отступил глубже в тень.

Что она вообще такое? Что ей надо? Она что, меня видит?

Талтуга не шевелилась. Только уголки ее губ, кажется, тронула улыбка.

Я тряхнул головой.

Блин, не буду сейчас ломать голову, вот что. Все равно вряд ли смогу понять, что нужно этой странной женщине с непроницаемо-черными раскосыми глазами. До тех пор, пока она не дергает своего супруга за рукав и не тыкает тонким пальчиком в сторону моего убежища — все нормально.

Кстати об этом.

Надо бы продвигаться дальше. Между первой и второй трибуной было небольшое открытое пространство, в котором стоял факел. И на трибуне напротив — зрители. А на арене пока ничего не происходит, так что смотрят все кто куда, и вот тут как раз тот самый случай, когда на человека, зачем-то пробравшегося из-под одной трибуны под другую, обратят гораздо больше внимания, чем мне бы сейчас хотелось.

Значит нужно ждать чего-то эдакого...

Шоу на арене началось внезапно и очень быстро. Я думал, что сначала, как во всех подобных мероприятиях, будет какой-никакой разогрев, ну, там, красивые девушки выйдут потанцевать или, скажем, будет показательный бой. Но вот вдруг на арену внезапно вытолкнули белобрысого парня лет семнадцати в одних полотняных штанах и с грубой дубинкой. Он пробежал несколько шагов по инерции, не удержал равновесие и растянулся прямо на середине. Снова открылась дверь, и на арену выскочил кабанчик. Он выглядел совсем небольшим, особенно по сравнению с рослым парнем.

Надо мной затопали и завозились не успевшие вовремя занять места. И раздались первые крики болельщиков. Кабанчик, дверь за которым захлопнулась, сначала выглядел не менее растерянным, чем парень. Но вот он потоптался на месте и обнаружил, что поблизости есть кто-то еще. Он опустил голову и рванул с места к распростертому на опилках парню.

Может юноша и был испуганным, но, похоже, с кабаном, в отличие от меня, сталкивался не впервые. Буквально за какие-то доли секунды он успел откатиться с пути разогнавшегося кабана в сторону и подняться на ноги. Кабан пробежал мимо, притормозил перед бортиком арены, но недостаточно. Раздался глухой удар, и кабан снова нача бестолков топтаться на месте.

Судя по воплям, болели за кабана а не за парня. Матонин уселся рядом с Талтугой и погладил ее по руке. Она загадочно улыбнулась.

В этот момент кабан снова пошел в атаку. Парень снова отскочил, отшвырнул палку и бросился к бортику. Подпрыгнул, ухватился за верхний край.

Но зрителям спасать его совсем даже не хотелось. Кто-то из сидевших в первом ряду стукнул его по пальцам, и он сорвался.

Момент удара кабана мордой я не увидел, его скрыли от меня ноги сидевшего надо мной зрителя. Я видел, что упавший парень подлетел в воздух, брызнула кровь. Теперь мне было видно только «ирокез» на спине кабана, который, похоже, яростно топтал свою жертву копытами.

Бррр.

Публика наконец-то начала орать хором и скандировать. А я понял, что совершенно зря сейчас торможу, потому что пока все опьянены первой смертью, надо было не тупить в шоке от нравов местного бомонда, а проскакивать под следующую трибуну.

Я быстро проскользнул через открытое пространство и снова скрылся под ступенями. Посмотрел в щель, быстро обежав взглядом противоположные ряды на предмет кого-то, кто хмурится и смотрит в мою сторону.

Пронесло.

Я увернулся от скатившейся между ступенек бутылке. Подавил сиюминутное желание воткнуть иголку в толстую задницу одного из зрителей. Высунулся во второй промежуток.

Да блин...

Не успел проскочить на той же жертве. Экстаз поутих, все снова начали крутить головами. А тут опять факел.

Два дюжих Бека утащили труп парня за ворота. Я старался не смотреть на его разворочный живот. Нет, мне уже давно не было плохо от вида человеческих внутренностей. Просто сама ситуация тошнотна. Эти люди собрались здесь, чтобы посмотреть, как звери убивают людей...

Но оказывается, это я пока просто следующего «номера» не видел.

Ворота снова распахнулись, и те же двое Беков выволокли на арену девчонку. Подросток еще, угловатая такая. Волосы короткие и растрепанные, такое впечатление, что кто-то отхватил ее косу ножом. Один из Беков ухватил ее за локти, второй рванул на ней платье. Девушка завизжала, задергалась, но держали ее крепко. Обрывки платья упали к ее ногам. Державший ее Бек разжал руки, она отскочила в сторону и постаралась как-то прикрыться. Второй Бек дотянулся и шлепнул ее по заднице. Оба Бека захохотали и ушли, оставив девушку в центре арены.

Она озиралась, как загнанный зверек. Прикрывала ладошками едва округлившуюся грудь. На лице грязных щеках видны дорожки от слез. Надо мной по трибуне загрохотали шаги. Потом что-то тяжелое поставили в центр. Наверное, это такая же корзина, как и на трибуне напротив.

Девушка тем временем схватила обрывки платья и попыталась в них завернуться. В этот момент в нее и полетели первые камни. Тут меня вообще затошнило. Оказывается, зрители тут не просто зрители. Они еще и активные участники. И сейчас они на моих глазах забьют камнями девочку. Почти ребенка, реально. Ей от силы лет тринадцать же, только-только вытянулась!

Но хорошо, что другая часть моего сознания продолжала четко работать.

Публика вошла в раж, на хрупком девчачьем теле появились первые кровавые следы.

Пора.

Я проскочил между трибунами и оказался под последним сектором. Дальше — вольеры с живностью, их я уже видел. Между трибуной и стенкой вольера не было уже никаких факелов. А главное — там я уже был, знакомое место.

И я уже даже прикинул, как буду его преодолевать. По крышам вольеров, конечно. Там два прохода, один из которых примыкает к воротам арены, а второй упирается в глухую стену. А с той стороны — проход, калитка, тренированная память даже подсказала расположение чахлах кустиков, за одним из которых я в прошлый раз прятался.

Я подождал особенно громких воплей публики, подпрыгнул, ухватился за верхний край крыши и бросил тело наверх. Распластался по плоской покато́й крыше вольера. Теперь аккуратно. Если слишком сильно поднять голову, то мой силуэт могут заметить на фоне неба.

Почти добрался до конца ряда. Оставалось только спуститься вниз, проскользнуть в калитку, и вот я уже на заднем дворе... И тут я услышал тихий девичий голос.

— Мама, они нас убьют?

— Помолчи, Арина, ты спрашиваешь уже в третий раз... — усталый женский голос с явственными истерическими нотками.

— Галка рассказывала, что страшные слуги Матонина похищают людей, а потом охотятся за ними как за диким животными, — снова сказала девочка. Почему-то ее голос звучал совершенно спокойно. И даже как будто с любопытством. — На нас тоже будут охотиться?

— Да замолчи ты! — отмахнулась мать. Похоже, это те женщины, которых привезли в том же грузовике, на котором я проскочил в поместье. Клетка — вторая от начала.

— Я ей не поверила, а она сказала, что он трупы на свалку выкидывает, — девочка не спешила выполнять пожелания матери и продолжала говорить все быстрее и быстрее. — Там целая яма с трупами, я сама видела! А еще Галка сказала, что того, кому удастся спрятаться от охотников, оставляют в живых и платят приз в десять тысяч соболей.

— Твоя Галка брешет, — сказала мать. — А ты веришь всему. На свалке есть яма, куда свозят трупы тех, кого не похоронили. Всякое нищее отребье.

— Нет, мама, там были не нищие! — воскликнула девочка. — И они были все изранены, бродяги так не выглядят!

— Зачем ты мне говоришь все это, Ариночка? — устало пробормотала мать.

— Это все из-за тебя, — жестко отчеканила девочка. — Отец решил от тебя избавиться, потому что ты с ним плохо обращалась!

— Не смей, — прошептала мать. — Просто у отца появилась другая, молодая... Когда ты будешь взрослой, то...

Тут женщина задохнулась слезами. Рыдания были негромкие и сухие. Обреченные.

— Мамочка... — прошептала девочка. И тоже тихонько заплакала.

Я понял, что больше не могу. Почувствовал, как внутри закипает ярость. Нечего было и думать, чтобы прямо сейчас кидаться на Матонина, который всю эту гнусь устроил, но я должен был попытаться сделать что-то прямо сейчас.

Я соскользнул с крыши вольера и выглянул в проход между клетками. Похоже, маму и дочку припасли на «второе отделение», а сейчас на арену водили животных и людей из клеток первого ряда. Здесь было пусто, а из всего освещения была только тусклая лампочка у дальней стены прохода.

Я подкрался к клетке матери и дочери.

— Пожалуйста, не кричите, — сказал я шепотом.

Девочка тихонько ойкнула.

— Что? Кто здесь? — спросила мать. К счастью все-таки шепотом.

— Я здесь совсем по другому делу, — прошептал я. — Могу открыть замок на вашей клетке...

— И чем нам это поможет? — тоскливо проговорила мать. — Тут вокруг сплошные заборы и всюду охрана. Или вы можете провести нас невидимками по какой-нибудь тайной тропе?

— Увы... — сказал я.

— Кто вы такой и что вам нужно? — спросила мать.

— Вряд ли вы меня знаете, — ответил я, склонившись к замку на клетке. В этот раз у меня с собой было несколько подходящих на роль отмычек железок. Гораздо удобнее гиениной зубочистки. Замок послушно звякнул, дужка выскочила из паза.

— И что вы предлагаете нам делать? — спросила мать.

— Мама, если мы сумеем убежать, Безумный Юрий больше не будет на нас охотиться! — горячим шепотом проговорила девочка.

— Нас поймают, стоит нам только высунуться во двор, — сказала мать. — Если хотите нам помочь, лучше дайте мне нож. Я зарезу Арину, а потом зарежусь сама. Даже если у нас получится убежать, то дома у нас все равно больше нет.

— Мама, что ты такое говоришь?! — в голосе девочки зазвучал страх.

— У вас есть нож? — женщина вцепилась пальцами в решетку. — Хотите расскажу, что с нами сделают? Я знаю, слышала, о чем мой муж договаривался с Матониным. Нас выведут на арену. Меня привяжут, а Аришку отдадут трем грязным бродягам. Чтобы они ее на глазах у всех обесчестили. Потом они выпустят голодного медведя. А потом выкинут наши трупы в лес, чтобы все решили, что мы просто неудачно погуляли. Мой муж так гордился, что так все красиво придумал. Публика должна плакать от восторга... Дайте мне нож, слышите?!

— Я не хочу умирать! — почти в полный голос воскликнула девушка.

— Ты все равно умрешь сегодня, — сказала женщина. — Просто можно это сделать быстро, одним ударом в сердце. А можно долго и мучительно. После публичного позора. Нам больше некуда возвращаться, ты же знаешь!

— А бабушка? — спросила девочка и всхлипнула. — Мы же можем добраться до Томска как-нибудь, мы ведь уже летали туда на цеппелине... Твоя мама еще в прошлом году говорила, что мы можем приезжать, когда хотим... Мамочка, давай хотя бы попытаемся!

— Ничего у нас не выйдет, — сказала женщина. — Если вы правда хотите нам помочь, незнакомец, дайте мне нож!

Она была так убедительна. От ее слов веяло такой кошмарной безысходностью, что я уже даже почти потянулся к рукоятке ножа. Замер, когда коснулся оружия.

Что я собираюсь сделать сейчас? Я что, просто отдам им нож и уйду?

Окей, а что я МОГУ сделать? И могу ли хоть что-нибудь вообще?

— Мама, мамочка... — девочка снова тихонько заплакала. — Почему все вообще так? Это не должно быть так, совсем не должно... Пожалуйста, кто бы вы ни были, помогите. Убедите ее как-нибудь!

Голос девушки дрожал, иногда звучал громче, чем мне бы хотелось. Может привлечь чье-то внимание... В этот момент арена взорвалась воплями и аплодисментами. А у меня появилась идея. Я придвинулся к решетке вплотную.

— Постарайтесь сейчас внимательно выслушать то, что я скажу...

Глава 26. Шагай, Лебовский, шагай!

Рациональная часть моего внутреннего голоса покрыла меня матом за такой бессмысленный риск. Женщина права, у них действительно почти никаких шансов. Им должно ну ОЧЕНЬ повезти, чтобы они смогли не просто уцелеть в заварухе с участием шагохода, но и потом благополучно добраться до Томска. Может меня просто упоминание Томска размягчило?

— У меня мало времени, и чем дольше мне приходится вас уговаривать, тем меньше его остается, — сказал я. — Я оставлю вам нож. Но только если вы дадите одно обещание.

— Какое? — быстро спросила девочка, но я смотрел на ее мать. Лицо той было непроницаемым. Скорбные складки у губ делали его совсем уж траурным. Радоваться нечему, конечно, но, похоже, она упала духом. Тогда я посмотрел на девочку.

— Вы немного подождете, — сказал я. — Возможно, здесь скоро будет довольно шумно. Ваша клетка открыта, и вы сможете воспользоваться суматохой и сбежать.

— Но... почему здесь будет шумно? — бесцветным голосом спросила мать.

— Неважно, — отмахнулся я. — Вы обещаете не торопиться?

— А если они придут раньше, чем случится... не знаю что? — спросила мать.

— Меня не будет рядом, я не могу вам приказывать, — сказал я гораздо резче, чем мне хотелось. — Арина, я отдам нож тебе. Вручишь его матери, только в том случае, если у вас точно не останется шансов. Поняла меня?

— Да! — девочка подскочила к решетке и вцепилась в нее пальцами, глаза ее сверкнули надеждой.

— Держи, — я вынул нож, замешкавшись всего на полсекунды. Ровно столько мой внутренний голос пытался меня убедить, что я действую совершенно неразумно. Взял нож за лезвие, протянул его девочке. Она не выглядела бойцом, особенно сейчас. Ей, наверное, лет пятнадцать. Круглое еще очень детское личико, она невысокая и кругленькая, очень милостивая, таких еще называют «сдобными». Она выхватила у меня нож и отступила от решетки.

— Мне пора, — сказал я. — Дайте мне полчаса, хорошо? И здесь будет настолько шумно, что про вас могут просто забыть.

Под очередной взрыв аплодисментов я проскользнул мимо прохода, ведущего к воротам на арену к знакомой уже калитке. Двор перед жилым корпусом в этот раз был весьма оживленным местом. Трое мужичков вытащили под фонарь стол и играли в домино, несколько кумушек сидели неподалеку на скамейке. Ясно, прислуга отдыхает, пока у барина важное мероприятие. Наверняка это какие-нибудь чрезвычайно важные для обслуживания поместья, но совершенно незаметные люди. Ну, там, садовник, прачка, специалист по мелкому ремонту. Им явно было нечего делать на шоу. Вот они и развлекали себя сами, как могли.

На колоде для колки дров сидел молодой парень и перебирал струны обшарпанной гитары. Я стоял в густой тени барака, они меня не видели.

Теперь времени у меня особо не было, так что я, ничего не выдумывая, взобрался по кирпичной стене на плоскую крышу барака и просто прошел вдоль двора, не особенно опасаясь, что меня кто-то заметит. В каком-то смысле, это были понты. Всегда есть риск, что кто-нибудь задерет голову именно в тот момент, когда меня не будет скрывать тень

дерева, например. Но после какого-то слишком тягостного разговора с женщиной из клетки, мне требовалось вернуть кураж и боевой настрой. Так что я обычным шагом прошелся по крыше, прямо над головами отдыхавшей прислуги, и никто из них, разумеется, не догадался оглянуться, прислушаться или присмотреться.

Действительно, ну что необычного может произойти на заднем дворе во время игры в карты и обсуждения свежих сплетен. Ну или что там они обсуждали?

Я соскочил с крыши и замер рядом с кустом. Дальше наступала терра-инкогнита, известная мне только со слов Гиены. Охраняемая терра-инкогнита. Вышка с пулеметом возле задних ворот, сторож и, возможно, патруль Беков.

Хотя патруля может не быть, может быть, как раз сегодня все Беки на представлении.

Досюда звуки доносились уже слегка приглушенно.

Еще один барак, рядом с ним — несколько мотоциклов. Освещение двора неровное — над входом в барак светится две тусклые лампочки, прожектор на вышке, луч которого направлен куда-то вниз и вбок. Не движется, то есть дежурный прямо сейчас его не трогает и занят чем-то другим.

Патрулей не было.

И вот он этот сарай, самый здоровый, я на него еще в прошлый раз обратил внимание. Если шагоход в принципе здесь есть, то он может быть только в этой циклопической постройке. Рядом с сараем — сторожка, похожая на уличный туалет. Специально, чтобы дозорный в ней мог находиться только стоя. Окно сторожки светилось, вопреки всем инструкциям. Сторож, разгильдяй такой, приволок на свой пост свечку и теперь предавался греху чтения. Ну или разглядывания похабных картинок.

С передней стороны сарая — здоровенные ворота, закрытые на слегка заржавевший амбарный замок. А в боковой стене — дверь нормальных размеров. Похоже, в нее тоже заходили редко. Я извлек свои импровизированные отмычки и склонился к замочной скважине.

В ночной тишине замок оглушительно лязгнул, петли зашлись в ржавом скрипе.

Я замер и перестал дышать.

Если сейчас заверещит тревожная сирена, то действовать придется гораздо быстрее, чем мне бы хотелось. Или бежать.

Сосчитал до десяти.

Тихо.

Похоже, старый сарай скрипит так часто, что сторож уже давно не обращает на это внимания.

Выдох-вдох.

Я включил фонарик. В его тусклом свете кружились потревоженные пылинки. Луч скользнул по неровной металлической поверхности, тронутой пятнами ржавчины. Замер на табличке:

«Боевой шагоход „Гусак“

Модель 007/3

1957 год

Казенный Завод Военных Самоходов

Г. Мытищи, Российская Империя»

Охренеть.

На гуся, кстати, эта машина была совершенно не похожа. Скорее уж на страуса, который

присел на корточки. Или... Да уж, самое время подбирать метафорические эпитеты!

Я пробрался под брюхо и встал между массивными трехпалыми лапами. Поискал на ощупь рычаг, он вроде должен быть где-то слева. Ага! Замок скрежетнул, и люк послушно отъехал в сторону. Изнутри пахло старой кожей, машинным маслом и почему-то анисом. Только вот лестница не опустилась, как ей и положено, а намертво заклинила где-то на самом старте.

Да фиг с ней. Я подпрыгнул, чтобы схватиться за две скобы. Подтянулся, бросил тело вверх и забрался в чрево ржавой машине смерти.

Натаха сказала, что шагоходы сняли с вооружения в Империи где-то в семидесятых. Заменили на немецкие шильдкроты. По боевым качествам они слабее, зато для управления не требуется никакое колдунство.

Теперь задраить люк. Только бы тут ничего не заклинило... Я нащупал внутренний рычаг, повернул до характерного щелчка. Люк послушно вернулся на место. Теперь скобу вправо, и достать меня из брюха этой железяки можно будет только... Да никак нельзя, нет у них тут такого оружия. Могут напалмом поджарить, но достать запеченный результат все равно не получится.

Я огляделся. Кабина была рассчитана на двоих — механика-водителя и стрелка. Кресло стрелка было под самым потолком, забраться туда можно было по короткой металлической лестнице. Кресло водителя занимало почти все оставшееся пространство. Я протиснулся между правым рычагом и поручнем и сел.

Выдох.

Ну что, момент истины?

Я сцепил пальцы с замысловатую фигуру, надеясь, что ничего не перепутал и пробормотал про себя заклинание, похожее на детскую считалочку.

Все четыре двигателя послушно взревели. Кабина мотнулась и резко дернулась вверх — Гусак разогнул колени. Снаружи раздался треск ломающихся досок. Ну да, рачительные хозяева построили над сидящим шагоходом навес и устроили там сеновал. И все это сено сейчас обрушилось на меня. Как тут, кстати, с обзором?

Я притянул к лицу окуляры и заглянул в них. Чего я ждал, интересно? Конечно же, там крошечная темень, и мне ни хрена не видно! Хотя пофиг! Вижу я плохо, но при моей броне и весе это вообще не моя проблема. Давай, Гусак, топай вперед! Я взялся за рычаги.

Теперь давай, шагоход. Прямо на закрытые ворота.

Сотрясаясь всем телом и сотрясая все вокруг, Гусак попер вперед. Доски разлетелись в щепки, и сразу же появился обзор. Завыла тревожная сирена, но поздно, поздно!

Метнулся луч прожектора, на секунду меня почти ослепило. Но это ерунда, просто я долго был в темноте.

Бум! Бум! Бум!

С непривычки на каждом шаге клацали зубы, но это тоже было неважно. Твою мать! Я рулю настоящим имперским шагоходом! Волна восторга пополам с адреналином захлестнула мое сознание, и я захохотал во весь голос.

Тра-та-та-та-та!

Пулемет справа. На левой вышке охранник или спит еще, или его там вообще нет.

Давай, Гусак, чуть правее! Протараним вышку и в лес.

Полный ход!

Шагоход снова чуть согнул колени и длинными прыжками понесся через пустырь,

отбросив на ходу пару попавшихся по пути мотоциклов. Я успел заметить перекошенное от страха лицо пулеметчика в тот момент, когда бронированный корпус шагохода превратил сторожевую вышку в груды обломков. «Бедный парень», — с лицемерным сожалением подумал я.

Логичнее всего сейчас было на максимальной скорости пронестись по царской просеке в лес, а потом по большой дуге топтать к точке встречи, о которой мы договорились с Натахой, Гиеной и Бюрократом.

У меня же все получилось — сирена голосит, контур сигнализации нарушен, в поместье сейчас никто не понимает, какого хрена и что произошло. «Надо рвать когти побыстрее!» — подумал я, но вместо этого замедлил ход, свернул и начал обходить поместье по периметру. Вспомнил отчаянные глаза Арины. Надо было дать девчонке шанс. В конце концов меня защищает толстенная броня, пробить которую мало что может. Дробовик точно нет. Да и пулемет тоже. А ничего тяжелее у Матонина нет. Во всяком случае, так Гиена считает.

Стена со стороны арены была высоченная, метров восемь, наверное. Возможно, когда-то это была часть какой-то другой постройки, и только теперь ее стали использовать как внешний периметр. Нечего было и думать, чтобы сломать ее простым таранным ударом. Вот если бы у меня была пара каких-нибудь ракет... Кстати, ракеты!

Я сосредоточился и представил, как гусак выпускает реактивные снаряды по стене. Рука послушно потянулась к клавише. Это пуск правой, а вот это — левой. Если бы в гнездах были ракеты, то можно было бы их запустить в эту стену. Даже если бы стена устояла, то среди зрителей точно случилась бы паника. Я разок ударил в стену бортом, просто проверить на прочность. Вдруг повезет, и она окажется толщиной в полкирпича и сломается как картонная?

Нет, не повезло.

Я скомандовал «Гусаку» медленно топтать дальше, оглядывая окрестности через окуляры. Обзор был так себе — темно, ветки невысоких деревьев постоянно лезут в «глаза». С одной стороны, понятно, что при моем весе и толщине брони это не мои проблемы, но действовать вслепую было такое себе.

У ворот меня уже ждали. Когда я вывернул из-за угла, луч прожектора тут же уперся в выпуклый гусачий лоб, по совместительству мое операторское место. Если бы спереди было окно, то сейчас все заинтересованные лица, кто наблюдал за движением шагохода, как раз и увидели бы, кто скрывается за его броней.

Я скомандовал боевой машине ускориться. По броне застучала первая пулеметная очередь. Потом к ней прибавилась вторая.

Блин, как же хреново без оружия-то! Фактически я просто нахожусь внутри довольно маневренной толстостенной консервной банки, которая сейчас может работать только как таран. Что я и сделал.

Отступил, присогнул колени и рванул вперед на полном. От удара меня чуть не выломило из кресла вместе с ремнями, но ворота поддались. Еще пару ударов, и что-нибудь обязательно не выдержит — или засов, или петли.

Пулеметные очереди слились в одно сплошное стрекотание. Я снова отступил и снова ударил.

Уде почти, почти! Давай, Лебовский, еще разок-то твои мозги должны выдержать!

От третьего удара правая створка обрушилась внутрь, а я чуть не потерял равновесие и не рухнул.

Упс! Как-то не подумал, что мне еще и балансировать придется! Хотя это логично, машина-то прямоходящая. И еще подумал, что если бы мне пришлось воевать против шагохода, я прежде всего старался бы повредить ему коленные суставы. Ну и сбить с ног. Еще глубокие ямы должны быть эффективны...

Я восстановил баланс и шагнул к правой башне. В мое поле зрения попали несколько Беков, что-то делавших у одного из сараев.

Черт, я реально не хочу проверять, что они пытаются оттуда достать. И мне всего лишь надо разнести вышки с пулеметами.

Сирена замолкла. Видимо, уже всех в поместье оповестили, что случилось что-то плохое, и кто-то наконец добрался до места, откуда ее можно было выключить.

Твою мать...

Чтобы достать вышку, мне требовалось войти во двор. Снести ее снаружи у меня не получалось, вся несущая конструкция была внутри периметра, над стеной возвышалась только вершина башни, с пулеметом и прожектором. Створка ворот лежала косо, повиснув на нижней петле. Если попробую через нее переступить, могу споткнуться и повалиться на бок. А инструкция о том, как именно поднимать шагоход, когда он упал, звучала в голове как-то туманно и неконкретно. Ну, вроде как, вот случится ситуация, и тогда нужная информация сама собой появится.

Ну да. Очень обнадеживает. Давай, мол, Лебовский, падай набок, я потом объясню, что делать!

И вот я, такой, падаю, а эта магическая объяснялка разводит воображаемыми руками и говорит что-нибудь вроде: «Ну теперь ты можешь скулить и сучить ножками. Кнопка скулежа — верхняя в правом ряду, чтобы сучить ножками — подергай рычагами беспорядочно вперед-назад». Или, скажем: «Нажмите на красную кнопку тревоги, сирена, встроенная в хвост, подаст сигнал вызова технической команды».

Чтобы не топтаться просто так, я продолжил ломать ворота, только теперь не отступая для таранного удара, а просто двигая гусиной мордой вперед.

Бабах!

Обе створки ворот рухнули на ярко освещенную траву.

Бумм!

Я моментально почувствовал себя внутри огромного колокола. В голове загудело, уши как будто заткнуло звенящей ватой. Рев двигателей сквозь я теперь слышал будто издалека.

Похоже, кто-то догадался гранату бросить.

Суки.

Так. Башня, мать ее!

Я шагнул вперед, повернул и прыгнул вправо. Эта вышка тоже была деревянной, и от удара моментально превратилась в куски деревянных обломков. Вот только рухнувший вниз прожектор все еще продолжал фигачить в небеса лучом яркого света. Я наступил на него своей, в смысле, шагоходной лапой, настырный светильник хрустнул, превращаясь в месиво из стекла и жести, и погас.

Вторая башня.

Я начал разворачиваться, изо всех сил стараясь поймать в окуляры как можно больше подробностей того, что происходит сейчас во дворе. В парадных воротах арены вроде бы мелькнула фигурка в изумрудно-зеленом. Среди других любопытствующих гостей.

Ну да, логично. Матонин точно должен был уже опознать свой шагоход, а значит он в

курсе, что никакого оружия у меня нет. Ну, то есть, я довольно быстро бегаю, по прямой человеку от меня точно не уйти, вот только не играть же с ними сейчас в догонялки!

Какое-то движение справа.

И снова — буммм! По ушам и мозгам. Не пробивает, это точно ясно. Но неприятно, жуть.

Танкистам никогда не завидовал, разок в свое время прокатился, мне хватило... А еще кажется я нацеплял себе на ноги кучу колючей проволоки. Вроде бы, запутаться и упасть в ней я не мог, хотя...

Чуть-чуть бы мне времени на тренировку, а то весь этот информационный шум, всплывающий в голове, изрядно сбивает с толку в боевой ситуации.

Тут в поле зрения снова мелькнул Матонин. Я не слышал его, но видел, как кривится его лицо — он явно громко вопил, отдавая команды.

Ворота сарая, с которыми возились несколько Беков наконец-то распахнулись.

Глава 27. Нелегкий труд погонщиков

Твою мать, обзор просто отстойный! Что там у них в воротах? Какая-то пушка? Успел увидеть только мельком, а бокового зрения у меня нет. С кресла стрелка вроде хороший боковой обзор должен быть. И назад смотреть тоже можно, а у меня...

Я пошевелил рычагами, чтобы шагоход расставил ноги поустойчивее и присел.

Повернул максимально окуляры.

Краем успел заметить сноп огня в темноте сарая. Скорее инстинктивно, чем продуманно сделал шаг в сторону.

Бабах! Снаряд пролетел мимо, пулеметная вышка разлетелась в щепки. Но момента я не увидел, скорость поворота не позволила. Это я удачно увернулся...

Так, пора валить, вот что.

Буммм!

Еще одна граната. Звон в голове уже даже не прекращается. Беки в сарае суетятся, видимо перезаряжают... это. Не знаю, что там у них за пушка, но от прямого попадания мне может сплохеть конкретно.

Давай, гусак, три шага назад, разворот, опускаем нос вниз и полный вперед по дороге. Еще бы какое дерево свалить, чтобы погоню задержать, но хрен с ним. Потом просто сверну с дороги.

Если это не шумный переполох, то не знаю уже что можно переполохом назвать.

А я еще недоумевал, зачем из подголовника кресла торчит кусок толстого кожаного ремня. Сначала подумал, что какое-нибудь крепление. Что-то было над головой, что отхватили ножом, обрезок оставили. Но вот на полном ходу, когда гусак несется вперед, а меня подбрасывает и мотыляет во все стороны, я понял что это. Ухватил конец ремня, сунул его в зубы. Чтобы не клацали, а то у меня к концу этой пробежки от зубов одни осколки останутся. Ну или язык себе откушу по неосторожности.

Темно, блин только. Как бы случайно в дерево на полном ходу не вписаться.

Магическая инструкция в голове немедленно подсказала, что если ткнуть в специальную клавишу, то во лбу гусака засветится фара. Демаскирую себя, или пофиг?

Пофиг.

Не свалиться в опасной близости от поместья Матонина сейчас важнее.

Я нажал на кнопку, и ночной мрак тут же прорезал конус желтоватого света.

Уф. Теперь можно еще ускориться. Кажется, это еще не предел.

Интересно, погоня есть за мной?

И догадался ли Матонин, кто угнал шагоход?

Инструкция подсказывала, что чтобы включить форсажный ход, надо сначала двинуть оба рычага на пару градусов вперед, затем потянуть на себя и локтями надавить по подлокотнику.

Проверим.

Сервомоторы взвыли, кабина накренилась вперед, и гусак рванул так, что я едва успел прикусить как следует ремень.

Йу-хуууу! Круто-то так!

Кошмарно неудобно, болтает, обзор ужасный, но восторг прямо таки нечеловеческий!

Офигенная штука шагоход!

А погоня? Да и фиг с ней, с погоней. На машину они ту дуру, которая из сарая стреляла, все равно поставить не смогут.

Прямой участок дороги заканчивался, так что я неохотно заставил себя притормозить, максимально замедлился и свернул по первой попавшейся просеке в сторону. Шагал осторожно, медленно, стараясь ломать поменьше растений. Ну, чтобы хоть как-то замаскировать свой путь.

Если погоня и была, то она отстала. Конечно, рассчитывать на то, что Матонин поймет и простит такое вот дерзкое ограбление не стоило, но какая-то фора у нас теперь была. Ясно, что соваться в Новониколаевск на гусаке не нужно, но я и не собирался.

Изначальный план был — отогнать мамонтов в Буготак, получить от Шпака деньги, а потом... Короче, дальше мы не придумывали. И сейчас, пробираясь по лесу в кабине шагохода, я как раз придумывал варианты.

Может, прямо на шагоходе до Томска? Засевшая в Болотном ватага может испугаться и не напасть, а потом...

Нет, ну правда! Что мы потом собираемся делать с этой чудо-машиной? Просто бросим? «Тихо, гусак, это я не подумавши ляпнул!» — мысленно оправдался я перед шагоходом и погладил кресло по подлокотнику. Глупо, конечно, но мне и правда было немного стыдно даже за то, что я просто подумал такое. Очень уж он... особенный.

Больше всего меня смущало в нашем плане то, как именно я вообще найду точку встречи. Без навигатора для меня окрестности Новониколаевска пока что представляли собой одно сплошное белое пятно. А тут еще и головой крутить трудно.

Но об этом позаботилась магия. Правда, я не очень понял, как именно. Как будто в моей голове появилось чувство нужного направления.

Суда по инструкции, какая-то версия автопилота у гусака тоже была, но указания были какие-то неконкретные, очень похоже, что какого-то прибора просто не хватает в комплекте.

До Кольцово я добрался еще по темноте. Увидел вдалеке светящиеся окна питомника и сбросил скорость до минимума и выключил фару.

Заглушил двигатели, отстегнул страховку, выбрался из кресла.

В коленях ощущение киселя, в ушах — все еще вата и остаточный звон.

Постоял над люком с минуту, ловя за хвост ощущение, что страшновато выбираться из брони на открытый воздух.

Усмехнулся, потянул на себя рычаг. Люк скрипнул, лязгнул и послушно распахнулся.

Я соскочил вниз, на траву.

Поежился от прохлады, вдохнул свежего воздуха.

Сквозь пелену шума в ушах начал пробиваться стрекот ночных насекомых. Я прикрыл глаза и постоял, наслаждаясь тишиной.

Ну и немножко маленькой победой, конечно.

Мысленно пожелал удачи Арине.

Потом поставил ногу на коленный сустав шагохода, схватился за скобу и забрался наверх. Согласно инструкции, там вроде должно быть место для «наездника».

Ну, такое... По конструкции предполагалось что-то вроде слоновьего седла с защищенными голеньями. Но металлические «доспехи» покорежены, так что правая нога в проем не влезает, а перила, чтобы держаться, сломались вообще хрен знает когда. Ну, то есть, удержаться здесь как-то можно, но если запустить гусака бегом, то вылетишь как нефиг

делать вообще. Не говоря уже о форсаже. Тогда вообще рухнешь вперед, и потом еще шагоход по тебе ногами пробежится.

Но пока стоит, нормально. Зато высоко и можно оглядеться.

Вокруг было тихо, стрекотали кузнечики, никаких посторонних фар на дорогах вроде незаметно.

Я похлопал гусака по бронированной спине, вытянул ноги вперед и запрокинул голову. Небо на востоке уже светлело. По идее, Бюрократ, Гиена и Натаха должны добраться досюда еще часа через два. Пешим ходом все-таки, небыстрое дело.

Когда стало светлее, я слез с гусака и направился к дороге. Чтобы посмотреть, насколько эта гора ржавого железа привлекает внимание. Угнать его, конечно, нельзя, но столпившиеся вокруг зеваки — это тоже далеко не все, что нужно.

Три фигуры вывернули из-за деревьев как раз, когда я размышлял, перепарковать ли мне гусака, или и так сойдет? Кабина, конечно, торчала над кустами, но с дороги было не очень понятно, что это такое. Шагоход был похож скорее не на замаскированную боевую машину, а на гору металлического хлама. Вещь, в целом, тоже ценная, но в Новониколаевске и окрестностях люди суеверные, и в Кольцово старались лишний раз не соваться.

Рыжие волосы блеснули в лучах рассветного солнца. Высокая и тощая фигурка слегка прихрамывала. Я помахал рукой.

Я облегченно выдохнул. Почувствовал, как напряжение отпускает. Все-таки, ночная дорога, мало ли, что могло произойти.

Мы с Натахой остались у гусака, а Бюрократ и Гиена отправились в питомник. Нашей задачей было освоить парное управление шагоходом, а Бюрократ тем временем сообщит, что мы готовы к выполнению поставленной задачи, и если все окей, то даст нам отмашку, чтобы мы вели нашего бронированного погонщика мамонтов к загону.

— Так, понятно, — Натаха поерзала в кресле стрелка, прилаживая страховочные ремни. — Вот тут крепление было для пулемета, но его вырвали вместе со скобами. Варварство какое...

— Там еще должны быть педали внизу, — сказал я. — Чтобы вращением платформы управлять.

— Ага... — сказала Натаха, потом раздался ржавый скрежет. — Ой. Лучше я не буду, а то заклинит еще. Похоже, тут проржавело все.

— Попробуй выдвинуть манипуляторы, — озвучил я призрачный голос инструкции в своей голове. — Там должно быть что-то вроде рычагов с кнопками по бокам кресла.

— А как мы будем друг друга слышать, когда все моторы заработают? — спросила Натаха.

В общем, через час механической возни, недоумения и хихиканья мы с Натахой научились более или менее слаженно управлять руками и ногами гусака. Для боевой ситуации этого, пожалуй, было еще маловато, но мамонтам должно хватить.

Гиена вернулся один. Некоторое время стоял и смотрел, как мы с Натахой гоняем гусака по небольшому распадку за холмом, чтобы с дороги было не видно. Шагоход послушно приседал, прыгал и размахивал «руками». Вообще с мамонтами надо быть осторожнее, если эта куча мяса поперет на таран, то может гусака и опрокинуть.

— Эй, Гиена! — я высунулся из люка. — Что там? Где Бюрократ?

— Все в ажуре! — сказал Гиена, спускаясь по травянистому склону. — Ученая дама

дала добро!

— Забирайся тогда наверх и потопали, — сказал я и вернулся в кресло. Заставил Гусака присесть пониже. По броне топали сапоги Гиены, но машина даже не шелохнулась. Страшно представить, сколько весит эта штука...

— Он сел, — сказала Натаха. — Можно шагать.

Идея была в следующем — мы с Натахой гоним мамонтов в Буготак. Это около пятидесяти километров, скорее всего, у нас на это уйдет дня три. Может, четыре. С расчетом на то, что мамонты могут устать топтать в день по двадцать километров. А Бюрократ и Гиена остаются в Новониколаевске и ждут нас, не привлекая к себе внимания. Гиена как человек, лучше всех знакомый с местной спецификой и самыми разными людьми, а Бюрократ — потому что его лицо, вроде бы пока что не украшает собой все розыскные листы. Это же мы с Натахой немного на шумели. Наверняка сейчас Матонин развернет по поводу нас довольно бурную деятельность...

Встретиться договорились здесь же, в Кольцово. При успехе нашей экспедиции, хозяйка питомника получит телеграмму, и тогда... В общем, так далеко мы не планировали.

Тот же молодой паренек, который нас встречал на крыльце, повернул рубильник на распределительном щите, и электрическая ограда превратилась в обычный забор. Ворота автоматически распахнулись, и пацан поспешил в укрытие. Помахав, что, мол, наш выход. Я поставил гусака в режим «боевой, пересеченная местность», чтобы тот поставил ноги пошире и поустойчивее, и пошагал к загону. Меланхолично пасшился до этого момента мамонты заволновались. Одна из мамонтих угрожающе подняла хобот и затрубила. Но в атаку никто из них идти не торопился. Гусак почти не уступал им в росте, видимо поэтому... Но расслабляться было рано, мало ли, что там у этих чудищ на уме.

— Богдан, пни вон ту мохнатую жопу, — услышал я голос Натахи в наушниках шлема. — А то она, кажется, намылилась в сторону бежать. Я выкрутил окуляры вбок, двинул рычаги и аккуратно, на полусогнутых ногах подкрался к осмелевшей мамонтихе, которая толкала своего мамонтенка совсем не в том направлении, куда нам было нужно.

Вообще, если кто-то скажет, что перегон мамонтов шагоходом — это простое и веселое дело, то я ему нос сломаю. Эти твари совсем на коров не похожи. Тем направление выдал, и они телепают себе потихонечку. Хотя я сомнительный специалист, коров только вприглядку видел. Но почему-то мне кажется, что вряд ли рогатые постоянно палят за пастухом и ждут, когда он расслабится. Мамонтихи гусака опасались. После того, как мы навывадали им легких затрещин, конечно. Но вели себя совсем не как покорные коровки. Стоило чуть-чуть расслабиться, как кто-то из них обязательно начинал реализовывать один из планов побега. Первый вариант был такой: «Ой, что-то я хромаю, наверное, скоро умру, бросьте меня здесь, я не хочу вас задерживать». Второй: «Голод, страшный голод! Вы ведете нас по совершеннейшей пустыне, где даже листик заваливающий сорвать не получается. И если я не объем вот то деревце, то никуда не дойду! Воон то, далеко справа. Да не отвлекайтесь вы, я просто пожру и вернусь». И третий: «Аааа! Паника! Ужас! Надо бежать! За мной гонятся саблезубые тигры!»

И каждый раз приходилось охреневшую гору мяса догонять и пинками загонять обратно в строй. А мамонтиха, соответственно, гордо трубила хоботом, изо всех сил показывала бивни и всем своим видом показывала, что эта фигня случилась не в последний раз.

Спали по очереди. Не выбираясь из своих кресел. Когда было мое время дежурства, я запускал гусака самым медленным шагом и ходил вокруг сбившегося в кучку небольшого

стада. Спать они не укладывались, топтались на месте, иногда издавали какие-то недовольные звуки.

На время дежурства Натахи я оставлял включенным фонарь на лбу и засыпал в полглаза, готовый в любой момент проснуться, завести двигатели и в срочном порядке бежать за опять решившейся на побег одной из мамонтих.

По началу было жутко тяжело. Прямо изматывающе. К первому закату я думал, что срублюсь просто намертво, но нервное напряжение дня перегона не позволяло. Потом мы привыкли, и к Буготаку пришагали уже бодро и почти без беготни в сторону. Начали отличать мохнатых слоних друг от друга, обозвали мамонтят Мурзиком, Барсиком и Сикарахой. И даже вроде как начали понимать, в каких все эти мамонты отношениях друг с другом находятся.

Выполняя инструкции Вавиловой-Бесстужевой, подводить наших чудищ вплотную к человеческому жилищу мы не стали. Обошли поселок по большой дуге и направились в тот его край, где куркуль Шпак должен был оборудовать загон для своего дорогущего приобретения.

— Кажется, нам вон туда, — сказала Натаха. Потом добавила. — Чуть южнее трех высоких сосен, рядом с серой скалой. Я повернул туда голову и увидел деревянную вышку, буквально-таки сияющую свежим деревом. Да, точно туда. Ограда, такая же, как у загона рядом с питомником — из трех рядов толстых металлических труб.

Я снова перевел гусака из экономичного маршевого в боевой режим. Сейчас наверняка придется раздавать пинки и тычки, загоняя мамонтих в не особенно широкие ворота. Конечно же, одна гора мяса тут же попыталась как бы невзначай направиться в сторону.

И даже с учетом, что мы уже не первый день знаем этих тварей, возиться с загонем все равно пришлось больше часа. Солнце почти успело коснуться горизонта.

Я остановил гусака в воротах и заставил его расставить ноги и согнуть колени. Ну, то есть принять максимально устойчивое положение на тот случай, если кто-то из мамонтих все-таки решится пойти на таран, пока Натаха возится с закрыванием ворот и подключением электричества.

Натаха соскользнула со своей платформы, протиснулась мимо спинки своего кресла, попутно опустила обе ладони мне на плечи и легонько сжала. Сердце у меня заколотилось быстрее. Эх, конечно же я не так себе представлял наше путешествие. В моих фантазиях присутствовали ночевки в высокой траве под звездами и прочая романтика. В реальности же наружу мы выходили очень редко, по одному, и когда совсем уж не оставалось сил терпеть. И к романтике это все не имело никакого отношения.

Впрочем, у нас еще была обратная дорога...

Натаха выскочила наружу, с грохотом задвинула массивный засов на воротах загона и распахнула дверцу распределительного щита. И как раз в этот момент маячивший неподалеку мужичок решил, наконец, приблизиться.

Я отстегнул ремни, выбрался из кресла и высунулся в люк.

— ...ждали вас сегодня с самого утра. — услышал я слова мужичка, обращенные к Натахе. — Господин Шпак приедут только завтра утром, но он оставил все распоряжения. Банька натоплена, мясо томится в печи. Наливки на любой вкус. Или вы предпочитаете пиво?

— А что насчет оплаты? — спросил я. — Нам бы побыстрее в обратный путь.

— На ночь глядя?! — мужичок всплеснул руками. Он был такой весь пухленький,

лоснящийся, с круглым как блин лицом, на котором клиновидная бородка смотрелась чем-то случайно прилипшим к подбородку. Крохотные глазки тонули в румяных щеках. Толстенные сосиски пальцев унизаны перстнями. Короткий пиджачок, не сходящийся на круглом пузике, поблескивал золотой нитью. И еще он был в галстуке. В общем, неприятный какой-то тип. — Я просто не могу вам этого позволить! Ладно вы мужчина! — он осуждающе погрозил мне пальцем. — Но девушка... Вам надо непременно отужинать и попариться.

«Твою мать!» — подумал я, чувствуя как начинают топорщиться волоски на предплечьях, верный признак того, что здесь что-то не вполне в порядке...

Глава 28. Липкие противные людишки

Я завис буквально на три секунды. Допустим, здесь засада. И жирный пидор решил не расплачиваться за мамонтов и как-то нас подставить. Можно включить собаку-подозреваку, сделать суровое лицо, но смысл?

— Уговорил, черт языкастый, — говорю и улыбаюсь во всю сотню зубов с простодушием деревенского дурачка. И все еще высовываюсь из люка вниз головой. — Показывай тогда место, где можно шагоход припарковать!

— А может... — на круглом лице встречающего мелькнуло растерянное выражение. — А может вы его здесь оставите?

— Дорогушую машину? — я сделал большие глаза и похлопал гусака по железной ляжке. — Да я лучше тебя тут оставлю! А если ее кто-нибудь угонит?!

Натаха стояла рядом с распределительным щитом и тоже безмятежно улыбалась. Она была примерно на полголовы выше пухленького парламентаря, который как-то занервничал. Или заподозрил что-то неладное, или просто ему в голову не пришло, как именно мы пригоним мамонтов. Он окинул гусака недоверчивым взглядом. Похоже, если бы он сам только что не видел, как мы с Натахой тут скакали, загоняя разбредаящихся мамонтих и мамонтят в загон, то никогда в жизни бы не поверил, что эта железная хрень вообще может с места сдвинуться.

— Ну может быть... — промямлил он. — На заднем дворе ежели поставить... Но там вы что-то сломать можете, господин Шпак ругаться будут...

— Не ссы, не ломаем, — говорю. — Хочешь на броне покататься? Там кресло есть специальное.

Лицо парламентаря побледнело еще больше, он отступил на два шага назад, сцепил руки на пузике и замотал головой.

— Боишься, значит! — я рассмеялся. — Ладно, рядом потопаем. Натаха, давай назад в брюхо. Показывай, где там твой задний двор!

Я забрался обратно в кресло. Через секунду в люк заскочила Натаха, лязгнул запирающий рычаг.

— Что-то не так? — спросила она, протискиваясь мимо спинки моего кресла.

— Пока не знаю, — говорю. — Но чую нутром, что тут какая-то подставка. Или Шпак платить не хочет, или... Или чего похуже.

— А может этого жирдяя тряхнуть получше и расспросить? — Натаха повозилась, застегивая страховочные ремни.

— Была такая мысль, — сказал я. — Только вряд ли у него деньги с собой, а мы все эти танцы с мамонтами ради них затеяли.

— И какой план? — спросила Натаха уже через шлем.

— Барагозим, ведем себя как дурачки, выламываемся из сценария, лезем смотреть на свиней или коров, в общем, сбиваем проводника с толку и максимально осматриваемся, — сказал я. — Ну это в том случае, если нас прямо на выходе из шагохода не стукнут по голове.

— Могут? — спросила Натаха.

— Хрен знает, — говорю. — Но будут драться — деремса. Я всей кожей чувствую подвох, но вот засада это или просто нас решили с деньгами кинуть, сказать не могу.

Натаха неопределенно хмыкнула.

Я скомандовал двигателям заводиться, Гусак взревел всеми четырьмя моторами. Парламентер присел, когда я направил шагоход к нему, не особенно чтобы медленно. Было заметно, что ему хочется бежать, но он изо всех сил сдерживается. Я пристроился к нему сбоку, Натаха махнула манипулятором. Мол, давай, веди.

Задний двор поместья Шпака выглядел, пожалуй что, лучше, чем многие передние дворы иных дворцов... Вымощенный плиткой, у боковой стены — ряд вазонов с какими-то экзотическими деревьями, всякие хозяйственные постройки, на внешний вид которых все обычно забывают и просто возводят из некрашенных досок, лишь бы стоял и не заваливался, были аккуратными, ровными и даже с какой-то художественной росписью.

Рассмотреть все это великолепие можно было снаружи. Вместо забора двор был обнесен высокой кованой решеткой. Я остановил шагоход рядом с воротами и заставил его переступить с ноги на ногу. Возившийся с замком толстячок вздрогнул и бросил на гусака испуганный взгляд. Ворота распахнулись.

Блин, ну какой же хреновый обзор! Не получалось одним взглядом охватить все сразу. Похоже, что это поместье не основное, а что-то вроде дачи. Вроде как этот Шпак — очень богатый куркуль, ему довольно много всякого принадлежит. Но вот картой его владений я как-то не озаботился. В любом случае, эта изящная постройка никак не тянула на основной дом.

Одна из надворных построек явно гараж. Но он закрыт, так что посмотреть, есть ли там засада, не получается. Случайно сломать ворота?

И еще раз поймал себя на мысли, что не хочу выбираться из брюха гусака. Не стал нервировать толстячка припарковался аккуратно, даже ни один вазон не задел. Заглушил двигатели и выбрался из кресла.

— Я восхищен вашим мастерством, — без выражения сказал толстячок, разочарованно оглядывая меня с головы до ног. Очевидно, пока я высовывался из люка здоровенной шагающей машины, я казался ему выше и значительнее, чем сейчас. — Сначала приказать готовить баню?

Вообще-то я бы и сам с удовольствием помылся. Могу себе представить, какой от нас с Натахой запашок после трех суток, не вылезая из душной кабины гусака. Но сначала...

— Корней Саввич! — к нашему толстячку подскочила невысокая и тоже кругленькая женщина. Лет примерно сорок, длинное платье, светлые передник. Волосы убраны под косынку, лицо кругленькое и с румянцем во все щеки. А в руках — ошипанная куриная тушка. — Корней Саввич! Хозяин приказал на второй ужин ему курочку поджарить, а мой дурак петушка зарезал. Как считаете, сгодится петушок хозяину, или мне супруга моего опять в курятник отправлять?

— Глафира... — зашипел толстячок. В этот момент из люка шагохода спрыгнула Натаха. Откинула за спину свою роскошную косу, на плече — дробовик.

— Так это, Корней Саввич, — опять затараторила дамочка в переднике. — Мне петушка зажарить или все-таки курочку, как хозяин и просил? Не накажет он меня за петушка-то, как вы думаете? А то они сидят, смурные, в оранжерее, а я-то и подходить боюсь. А ну как туфлей запустит...

— Надо же, какая удача, Корней Саввич, — сказал я и хлопнул толстячка по плечу. — Вот и вернулся уже хозяин из своего отъезда...

— Что вы тут выдумываете, хозяин никуда и не ездил, весь день дома сидят и розы нюхают! — Глафира уперла руки в боки, держа многострадальную тушку петушка за шею.

— Глафира, пойдите прочь! — высоким голосом скомандовал толстячок.

— Так жарить петушка-то мне? — требовательно спросила женщина.

— Тебе хозяин что сказал? — толстячок угрожающе навис над поварихой. Ну, наверное, она повариха, раз еду готовит. — Курочку приготовить. Вот и готовь курочку.

— А петушка что же...

— Глафира, я что вам сказал?! — в голосе толстячка зазвучали истерические нотки.

— Да поняла я, поняла уже, — забормотала Глафира. — Орать он мне еще будет...

Женщина, смешно переваливаясь и таща почти по самой земле ошипанную тушку, скрылась в двери одной из аккуратных надворных построек. Натаха прихватила толстячка за локоток. Он испуганно дернулся, но освободиться из ее цепких пальцев не смог.

— Сколько человек всего в доме? — спросил я все еще веселым и безмятежным тоном.

— Что вы такое... Что вы себе... — залепетал толстячок. Тьфу ты... Даже как-то неудобно стало. Может моя интуиция меня подвела, и здесь ничего особенного? Просто содомит Шпак с утра не в духе пребывать изволит, и чтобы его не злить, Корней Саввич взял на себя смелость заставить погонщиков помыться, а завтра, когда наступит новый день и новое настроение... Хотя нет. Не похоже. Глаза бегают, лоб покрылся испариной. Что-то этот толстый скрывает.

— Послушайте, Корней Саввич, — говорю. — Не знаю, что вы тут затеваете, но у меня план простой — я выполнил работу и хочу получить за нее деньги. Это понятно?

— Ддда, — толстячок кивнул для убедительности.

— Баня и ужин — это хорошо, конечно, но вторично, — сказал я. — Так что давай-ка мы сначала о делах поговорим, а потом все остальное. Веди нас к хозяину. Где он там розы нюхает?

— Они приказали... — толстячок шевелил губами почти беззвучно, потом ойкнул и бросил взгляд на Натаху. Видимо, она как-то особенно болезненно сжала его локоть. — Хо... Хорошо. Я поняла. Нам туда.

Свободной рукой он указал на неприметную дверь с правой стороны дома. Я вошел первым, следом Натаха практически затащила толстячка. Он вроде бы не упирался, но энтузиазма в его глазах было не больше, чем у хряка, которого на бойню тащат.

Оранжерея обнаружилась на третьем этаже. Собственно, не то, чтобы это была прямо оранжерея... Просто просторная комната с множеством горшков, кадок и ящиков с разными экзотическими растениями. Похоже, этот Шпак весьма увлеченная натура.

Массивная фигура куркуля, завернутая в бордовый шелковый халат размером с небольшой дирижабль, восседала на низком диванчике. Перед ним на столике с гнутыми ножками стояло блюдо с виноградом. Он отщипывал по ягодке и отправлял в рот. А на его объемном животе возлежала книга. Впрочем, на столике была не только миска с виноградом, но и листок бумаги, явно письмо.

— Что происходит, Корней?! — капризно сказал Шпак. — Я же ясно приказал тебе...

— Мы его очень хорошо попросили, господин Шпак, — сказал я. Уловил движение, которое он собрался сделать, и быстро выхватил у него из-под руки листок.

Пробежал глазами. «Богдан Лебовский, бла-бла-бла, за информацию про место — тысячу соболей, за живого — пятнадцать тысяч соболей». Надо же, Матонин объявил за меня награду! Интересно, кто художник? Сопровождающий объявление портрет и правда был даже похож...

— Сколько в доме человек, господин Шпак? — спросил я.

Шпак сделал вид, что не услышал мой вопрос, и продолжал сверлить взглядом Корнея. Тот побледнел, потом его шея покрылась красными пятнами. Да твою ж мать... Я кивнул Натахе, она толкнула Корнея на диван, под толстый бок своего хозяина.

Потом она сняла с плеча дробовик и направила ствол в сторону Шпака и Корнея.

Внимательно посмотрела на их лица, нахмурилась, подняла дробовик и пальнула над их головами в стену. С посеченной картечью стены посыпалась штукатурка. И наконец-то с лица Шпака сползло спесиво-недовольное выражение хозяина положения. А появился здоровый испуг.

— Господин Шпак, я доставил в ваш загон мамонтов, которых вы заказали в питомнике Вавиловой-Бесстужевой, — сказал я. — Я хотел бы получить свои деньги. Пятнадцать тысяч соболей. Оплатите мою работу, и я уйду.

Я перевернул бумажку с объявлением о награде за меня. Оказывается, это была не просто бумажка. На другой стороне было написано быстрым почерком:

«Этот Богдан Лебовский угнал у Матонина шагоход. Совершенно точная инфа, я не мог ошибиться. Так что если он объявится на шагоходе, телеграфируй мне немедленно, и я пришлю тебе людей.

Еще он может быть не один, а с рыжей бабой и Степаном Кулемой, его ты должен помнить. В общем, придержи его, остальное я сделаю сам, деньги поделим».

Вместо подписи стояли инициалы. В.К. Очень информативно, ага.

— Ты отправил телеграмму, толстый? — спросил я, обращаясь сразу к ним обоим. Натаха грозно свела брови и прицелилась прямо с лоб Шпаку.

— Сразу же, как только нам пастух доложил, — сказал Корней.

— Кто должен приехать? — спросил я.

— Мишка Ворсин, — ответил Шпак. — Муж моей двоюродной сестры. Он сам из Барнаула, но строит здесь неподалеку пивзавод. И с ним десять человек еще.

— Насколько неподалеку? — спросил я.

— Час на лошади, полчаса на грузовике, — ответил Корней.

— Тогда время платить по счетам, господин Шпак, — сказал я и кивнул Натахе в сторону Шпака. — Отдадите мне оплату за работу сейчас, или после того, как Натаха прострелит вам колени?

— Они приказали, чтобы я натопил баню и запер вас там, когда вы будете мыться, — вдруг сказал Корней. — Они считали, что вы должны были согласиться!

— Я хочу напомнить насчет денег, — сказал я. — Честно говоря, мне вообще плевать, как именно вы собирались меня ловить и продавать.

Фу. Каждый раз, когда сталкиваюсь с такими людьми, я впадаю в ступор. Вот эти два толстых. Один больше, другой меньше. Задумали продать, придумали план, трусили. Могут развести руками и сказать: «Ну мы же ничего не сделали!» И что с ними делать? Бить? Вырезать на лбу что-нибудь вроде: «Осторожно, пиздобол!»?

— Деньги, — сказал я.

— Отдай ему, Корней, — сказал Шпак, а потом пристально всмотрелся в мое лицо — Мне кажется, я вас где-то уже видел...

— Очень вряд ли, — я ухмыльнулся. — Просто лицо похожее.

— Да нет же! — Шпак даже попытался приподняться. — Я определенно вас видел!

— Даже если так, что что? — я скривил губы. — В этом объявлении написано же, кто я такой.

Шпак попытался приподняться, но Натаха пресекла эту попытку, легонько толкнув его стволом дробовика в необъятный живот. Со стороны внешнего двора раздался шум машины. Натаха выглянула в застекленную стену с той стороны.

— Восемь человек, — сказала она. — Это твой Ворсин приехал?

— Думаю, да, — с некоторой плаксивостью сказал Шпак.

— Здесь есть только одиннадцать тысяч с мелочью, — сообщил Корней, сосредоточенно считавший купюры.

— Давай сюда! — я забрал деньги из пухлых, унизанных кольцами пальцев Корнея, и мы с Натахой спешно отступили к двери. Прогрохотали по ступенькам вниз, до заднего двора, большими скачками пересекли двор.

Я впрыгнул в люк, кажется еще даже до того, как он успел открыться. Натаха бросилась к воротам и откинула засов. Толкнула металлическую решетку и вернулась к шагоходу как раз в тот момент, когда я взревели моторы. И в этот же момент бахнул выстрел. Я его даже не услышал, просто разлетелась одна из плиток, которыми был вымощен двор. Как раз между Натахой и шагоходом. Она резко прыгнула в сторону, перекатилась. И дальше я уже не мог видеть ее в окулярах.

Бахнули еще два выстрела. Одиночные, непонятно, из чего стреляют. И непонятно откуда, обзор у меня, мягко говоря, не очень.

— Ходу, ходу! — закричала Натаха, уцепившись за спинку моего кресла. Я рванул рычаги, шагоход выпрямился, потом кабина накренилась чуть вперед. И гусак рванул вперед. Очень быстро. Частично закрытые ворота от удара не распахнулись, а выломались.

Рядом с вольером мамонтов я притормозил. Мамонтихи с мамонтиятами меланхолично паслись на лужайке, объедая небольшие деревца и кустики. И не скажешь ведь теперь, что эти степенные покрытые шерстью горы мяса на самом деле ведут себя как шkodливые котята...

— А может выпустим их? — прокричала мне в ухо Натаха. — Пусть Шпак сам их загоняет!

— Нам еще должны доплатить половину суммы, помнишь? — спросил я.

— Да, точно! — Натаха коснулась моего плеча. — Притормозишь, я заберусь в свое кресло?

Обратный путь оказался до обидного быстрым. Я так спешил подальше убраться от дома Шпака, что притормозить смог только когда наш шагоход начал форсировать Мосиху и Ноздриху. А это уже настолько в двух шагах от питомника, что как-то глупо останавливаться в полях на ночлег. Ну, чтобы вокруг высокие травы а над нами — только звезды. Как-то глупо, когда уже видно свет из окон питомника.

Расстроился еще больше.

С другой стороны — в баню мы так и не сходили, так что романтика могла бы оказаться не особенно романтической в таких условиях. Да уж, полцарства за душ.

Я сбавил ход до самого малого, тихо приблизился к питомнику с задней стороны. Притерся между основным корпусом и пристройкой, в углу, в тени. Надо бы подумать теперь, что делать с шагоходом.

Но сначала...

Сначала надо заполучить вторую часть денег.

Когда мы подходили к крыльцу питомника, я прислушался к своему внутреннему голосу.

Вроде бы, никаких сигналов он не подавал. Что, впрочем, ничего особенно не значит.

Я вытянул руку и постучал в дверь. Интересно, здесь вообще есть кто-нибудь ночью, или нам придется ждать на крыльце начала рабочего дня?

Глава 29. Как мало надо для счастья!

Я еще не успел глаза открыть, но уже напрягся, как сжатая пружина. Прислушался. Тихо. Слышно щебет птичек и вроде бы чей-то разговор. Будто окно в комнате открыто, а на улице прогуливается парочка и спокойными голосами что-то обсуждает. Приоткрыл один глаз. Белые стена, потолок с простым шаром-люстрой, часть приоткрытого окна. Тонкую белую занавеску слегка колышет ветерок. Пятна солнечного света.

Чьи-то осторожные шаги. Я быстро сел на кровати, готвый, с случае чего немедленно бить или выскакивать в окно, в зависимости от того, что увижу. Моментально окинул взглядом комнату. Она была похожа на больничную палату — две узких кровати, на одной из которых я и спал, рядом с каждой — деревянная тумбочка, возле двери — узкий шкаф. И никаких подкрадывающихся врагов, решеток на окнах или чего-то подобного. Еще из открытий — спал я абсолютно голый. На соседней койке тоже кто-то спал, постель смята, одеяло наполовину сброшено на пол.

И вот только сейчас память мне напомнила ночные события. Дверь в питомник нам открыл все тот же пацан с серьезным лицом. Причем открыл быстро, как будто специально сидел и ждал. Он даже вроде представлялся, но я не запомнил имя. Про себя я почему-то называл его Шурик.

Так вот, Шурик, впустил нас в темное здание питомника, провел куда-то вглубь. Какие-то коридоры, лестницы, стеклянные галереи. И привел в что-то вроде общежития. Причем даже для меня привычного вида. Блоки по несколько комнат, в каждом — небольшая кухня и душ с туалетом. Сообщил, что горячей водой можно пользоваться без ограничений, показал шкафчик с мылом и полотенцами. Сказал, что в нашем блоке соседей нет, так что мы никому не помешаем, принимая душ посреди ночи. Натаха отправила меня в душ первым, мол, мне быстрее, ее волосы промывать — это история больше, чем на час. Я собирался на спать и дожидаться, когда она закончит, но как-то медленно моргнул, и...

— О, ты уже проснулся, — дверь комнаты тихонько скрипнула, на пороге стояла Натаха, одетая в синий халат и с подносом в руках. — Я сходила в их столовую. Подумала, что ты тоже захочешь есть.

Натаха поставила поднос на тумбочку. На простой белой тарелке — пласт омлета или чего-то подобного, в кружке — чай с молоком. Несколько ломтей хлеба. Булочка, посыпанная маком. Яблоко. Прямо-таки, стиль советских НИИ. Или правильнее сказать, имперских? Здесь-то никакого Советского Союза не было...

— Еще рано утром заходила прачка, забрала наши вещи в стирку, — Натаха подошла к шкафу и открыла дверцу. — Очень извинялась, что вечером не зашла, принесла вот такие халаты.

Натаха бросила рядом со мной на кровать такой же халат, как и у нее. И у Шурика.

Вещи забрали? А где тогда... Я выдвинул ящик тумбочки. Ну да, вот он мой брелок-талисман с шишигой и несколько железок, приспособленных в качестве отмычек. «Надо будет как-нибудь найти умельца и заказать ему нормальные отмычки», — подумал я и схватился за вилку. На самом деле жрать хотелось так, что, кажется, еще чуть-чуть, и я начал бы грызть свое одеяло. Логично, в общем. В дороге мы с Натахой питались урывками — грызли сухари и вяленое мясо, которые захватила с собой предусмотрительная Натаха.

Если бы я ел этот омлет в другой ситуации, то посчитал бы его пресноватым, но сейчас

я проглотил все содержимое подноса за пару минут. Натаха сидела на кровати напротив и чистила дробовик.

— Что у нас еще нового? — спросил я, натягивая халат. — Нам заплатили, кстати?

— Не спрашивала о деньгах, — Натаха пожалала плечами. — Гиена и Бюрократ должны приехать сегодня после обеда.

— А обед во сколько? — спросил я.

Как, оказывается, мало надо человеку для счастья! Я до одурения плескался в душе, щедро поливая себя жидким мылом с запахом березовых листьев и каких-то цветочков. Потом мы с Натахой еще раз сходили в столовую, которая оказалась практически пустой, видимо, сотрудники после завтрака разошлись по своим рабочим местам. Мы смогли урвать там десяток пирожков, оставшихся от завтрака и вернулись в комнату. А потом... А потом я снова уснул. По ходу, накопившаяся усталость и дефицит сна победили романтические мысли.

Проснулся я от весьма неприятного звука — рядом с моей кроватью ржал Гиена. Натаха на него грозно шикнула, он икнул и заткнулся, но я уже открыл глаза.

— О, здорово, Боня! — сказал Гиена. Я повернул голову и увидел Бюрократа, сидевшего на соседней кровати рядом с Натахой. — Неплохо вы тут устроились, как я посмотрю!

— Не жалуясь, ага! — я потянулся и сел. — Как там в Новониколаевске? Облаву на нас еще не устроили?

— Матонин пригнал откуда-то еще Беков, — Гиена помрачнел. — И по всему городу развесил объявления с тобой и Холерой. Типа, кто найдет, тому пятнадцать тысяч соболей за живого. А за Натаху столько же, если мертвая. Рыбацкие тут же взялись строить планы, как заполучить эти деньги. Сам разговор подслушал, чуть не попался.

— А у тебя случайно не возникло мысли меня Матонину сдать? — спросил я.

— Тебе честно, Боня? — Гиена выпрямился и заложил большие пальцы за ремень. — Если бы кто другой награду объявил, я бы крепко задумался. Но Матонин... Ой, что-то я не верю, что этот хорек честно все заплатит. А то получится, что я ему приволоку тебя, упакованного вот в эту простынку и голову Натахи, а потом очнусь, когда мной какой-нибудь медведь на арене закусывает. Нет уж, увольте.

— Я посчитал наши финансы, — подал голос Бюрократ, до этого момента сидевший молча. Билет на цеппелин обойдется нам по четыре с половиной тысячи соболей. На перегоне мамонтов мы с вами заработали двадцать шесть тысяч пятнадцать соболей. Значит на билеты до Томска на всех четверых мы потратим восемнадцать тысяч соболей. Из оставшихся половина полагается Богдану...

— Как билеты по четыре с половиной? — Гиена нахмурился. — Было же всегда по две!

— Это если рейсовый, — сказал Бюрократ. — А рейсовый будет только через две недели. Но Брюквер согласен слетать в Томск, если мы заплатим по четыре с половиной. В любое удобное нам время.

— А почему Боне половина? — спросил Гиена.

— Потому что никто, кроме него, шагоход бы угнать не смог, — ответил Бюрократ.

— Справедливо... — пробормотал Гиена. — И что там полагается на мою долю?

— Нам на троих остается четыре тысячи, — сказал Бюрократ. — Две мне, за успешно проведенные переговоры, и по одной тебе и Натахе.

— Как-то это... — Гиена поскреб в затылке.

— Я не согласен, — сказал я и встал. — Ну, то есть, ты рассуждаешь верно, Бюрократ,

насчет незаменимости и всего такого прочего. Но Гиена тоже был незаменим. Он лучше всех знает город, Епифан, обеспечивший нас едой, крышей над головой и транспортом — его друг. Гранаты, опять же... В общем, давайте поступим так. Купим билеты до Томска, а потом каждый возьмет себе по тысяче. А остальное мы придержим как общий фонд. Патроны к дробовикам купить, например. Или еще что-нибудь. Кстати, я же правильно понимаю, что в Томск мы собираемся все вчетвером? Может кто-то хочет остаться?

Я посмотрел на Натаху. Та кивнула, без всяких сомнений. На Бюрократа. Только сейчас обратил внимание, что он обзавелся новыми очками и поменял костюм с клетчатого на темно-серый. Тоже коротковатый в штанинах и рукавах. Тот кивнул, хотя и с чуть меньшим энтузиазмом. На Гиену. Он думал дольше всех. Шевелил бровями, по лбу бродили морщины, как будто мозговые извилины пытались пробраться наружу. Наконец он тоже кивнул.

— Я думал остаться, — сказал он. — Все-таки всю жизнь тут прожил. Друзья-приятели... Но как-то все одно к одному сложилось. Из семьи только Аркаша остался, которого я если встречу, то наверняка придушу ненароком. Епифана убили... Матонин... Сука... Боня, поклянись, что когда тебе в Томске магию вправят на место, ты этого хорька испепелишь на месте, а пепел над помойкой развеешь?

— Даю слово, — руки сами собой сжались в кулаки. Ах, как бы мне хотелось еще тогда наступить на его одетое в яркий шелк тело трехпалой лапой шагохода! Я уже несколько раз прокручивал в голове возможные сценарии убийства Безумного Юрия, но все они получались самоубийственными и непредсказуемыми.

— Тогда я тоже в Томск, — Гиена хлопнул меня по плечу. — Хрен его знает, что я там буду делать, конечно. Но как-нибудь не пропаду.

— Софья Исааковна сказала, что когда мы будем готовы, транспорт до второй Базарной площади Новониколаевска они нам предоставят. Им зачем-то самим надо в город, так что подбросят попуткой. Кроме того, она любезно предложила оставить у них на хранение. Пообещала, что их техники позаботятся о техническом обслуживании и правильной консервации. Брюквер сказал, что готов взлетать, когда нам заблагорассудится, как только мы заплатим.

— Какая странная фамилия, — сказал я.

— Брюквер-то? — переспросил Гиена. — Да это прозвище! Он немец, фамилия у него какая-то сложная. А лицо похоже на червивую брюкву. Так значит мы можем прямо сейчас ехать?

— Ну... — я хлопнул себя по коленям, прикрытым синим рабочим халатом. Посмотрел на Натаху, одетую в такую же униформу. — Как только нам вернут одежду.

— Могу за ней сходить, — сказала Натаха и встала.

Но идти никуда не пришлось, прачка явилась сама и принесла ворох наших вещей, только теперь они были сухие, чистые и даже заштопанные. Я натянул на себя пахнущее березой и луговыми цветами белье, рассовал по карманам мелочи и подумал, что неплохо бы перед дорогой пообедать...

На крытом кузове грузовика были выведены большие буквы «Б» и «В», и значок из пересекающихся трех кружков. Очень похожий на знак «биологическая опасность». Водитель, невысокий мужичок с шапкой кучеряшек и пышными усами, обратил внимание, что я разглядываю грузовик.

— Не переживай, парень, наш грузовик никто не решится обыскивать или грабить, — сказал он и громко расхохотался. — Репутация, знаете ли! Даже самому дремучему ватажнику не хочется сдохнуть под чахлым кустом от фонтанирующего поноса.

— Так значит слухи не врут, и понос вы можете? — спросил я.

— Кто знает, кто знает, — водитель хитро улыбнулся и подкрутил ус.

Мы забрались в кузов и расселись на деревянных скамейках вдоль бортов. Хоть водитель и убеждал нас, что никакой опасности нет, никто не рискнет останавливать машину Вавиловой-Бестужевой, но Натаха и Гиена все равно не выпускали из рук дробовики.

— Интересная история, кстати, у хозяина цеппелина! — перекрикивая шум мотора сказал Бюрократ. — Я думал, что это какая-то транспортная компания делает деньги на сибиряках, оказалось нет!

— Так вроде же Брюквер — немец? — спросил я.

— Немец, да! — машину тряхнуло на ухабе, Бюрократ чуть не рухнул со скамейки. — Когда императрица Елена объявила баницию Сибири, то всем инородцам было позволено пересечь границу и вернуться каждому на свою родину. Здесь же было очень много немецких поселений, да и не только... Прадед нашего Брюквера отказался наотрез. Мол, и кем я там буду, в Германии? Здесь я доктор и ученый, у меня мастерская и пациенты. На кого же я всех брошу? И остался. Здесь после баниции творились разные страшные вещи. И так-то дорог хороших не было, а уж после всех этих бунтов, восстаний и маленьких войн — так и вообще. И однажды прадед Брюквера не успел доехать до пациента, из-за того, что его машина завязла в грязной луже. Вот тогда-то он и построил первый цеппелин. Чтобы было на чем летать в деревни, куда дорог нет. Ну а потом...

— Выяснилось, что транспорт приносит больше денег, чем медицина? — спросил Гиена.

— Вроде того, — Бюрократ поджал губы и вздохнул. Машину опять тряхнуло, так что ему пришлось вцепиться в раму. — Кстати, Степан, вы с ним встречались?

— Случалось... — Гиена криво ухмыльнулся.

— Вам не показалось, что он немного... эээ... странноват? — Бюрократ красноречиво покрутил пальцем у виска.

— Странноват?! — Гиена захохотал так, что заглушил шум мотора. — Это еще мягко сказано! Он полный и абсолютный безумец! Особенно если выпьет. А пьян он практически всегда!

В этот момент снаружи раздался раскатистый грохот. Я передвинулся по скамейке и отогнул полог кузова. Небо над Новониколаевском было черным от клубящихся грозовых туч.

И буквально через секунду грянул ливень. «Интересно, а дирижабль вообще может летать в такую погоду?» — подумал я.

Вообще я опасался, что водитель окажется педантичным и высадит нас на второй Базарной. И нам придется пробираться переулками через весь город. Вторая Базарная была в южной части, почти на выезде. А цеппелин квартировал почти на самом севере. Но кучерявый оказался человеком великодушным. Он на полной скорости проскочил площадь, свернул на широкий проспект, жаль я не запомнил название, промчался с ветерком мимо бывшего здания городской управы, гостиницы «Метрополь» и прочих «фешенебельных» для Новониколаевска зданий. Потом проехал вдоль кирпичного завода, свернул на объездную и

высадил нас практически у самого летного поля.

Дирижабль выглядел совсем не таким, как я себе представлял. Мне почему-то казалось, что это должна быть каркасная громадина, вроде «Гинденбурга», гордо зависшего рядом с причальной башней. В реальности же, цеппелин был больше похож на надутый презерватив, перетянутый в трех местах канатами. Гондола, размером с небольшой автобус, с одним винтом сзади, была подвешена к продолговатому пузырю на стропах. Этакий вытянутый в длину воздушный шар.

К земле он крепился несколькими канатами, а по бортам гондолы было развешено множество мешков с песком. Разного размера.

Ветер норовил оторвать эту штуку от земли, натягивая якорные канаты. Косые струи дождя барабанили по обшивке, стук капель сливался в мерное гудение.

— Я ждайт вас уже целый час! — заорал выскочивший откуда-то длинный и тощий, как Бюрократ, мужик. Он прикрывал голову от дождя медным тазом. Волосы его были такого же цвета как и этот таз. И торчавшие в стороны усы. На лбу — здоровенные гоглы. Комбинезон с множеством оттопыривающихся карманов надет прямо на голое тело, плечи и руки покрыты множеством рыжих веснушек. — Нам уже дафно пора фзлетайт! Шнель! Бистро! Торопитес!

Он размахивал свободной рукой, подгоняя нас к гондоле и не переставая выкрикивать команды. Когда я прошел мимо него, то ощутил стойкий запах самогона.

Я поежился. То ли от затекавших за ворот пиджака холодных струй дождя, то ли от перспективы лететь в грозу на гипертрофированном презервативе, пилотировать который будет пьяный рыжий немец. А впрочем, о чем я? Отличный план, как ни посмотри! Явно не безумнее, чем угнать у Матонина шагоход, чтобы перегнать на нем стадо мамонтов содомиту из Буготака.

Я замер на ступеньке и заржал. Натаха, поднимавшаяся в гондолу ступенькой выше, обернулась на меня недоуменным взглядом. Я махнул рукой. Мол, ерунда, просто накатило.

Почти успел. Уже даже был готов подумать, что нам удастся покинуть Новониколаевск без приключений. Ну, если не считать таковым грозу и пьяного пилота, конечно...

В тот момент, когда я стоял в дверях, к летному полю подкатила машина и лихо притормозила рядом с грузовиком из питомника. Из него выскочили двое мужиков в меховых шапках и понеслись во весь дух к дирижаблю. Один на бегу прицеливался из обреза. Я быстро нырнул в дверь гондолы. Натаха и Гиена уже держали дробовики наизготовку. Бюрократ лежал между двух рядов плетеных кресел. Вряд ли сам упал, скорее всего, его дружеским тычком туда отправил либо Гиена, либо Натаха. Чтобы не случайно не пристрелили. Ну и чтобы под ногами не путался.

— Рыбацкие, суки, — сказал Гиена. — Похоже, караулили где-то здесь, паскуды!

— Не смейт стреляйт тут! — заорал Брюквер, высовываясь из двери. — Хальт! Не стреляйт!

Глава 30. Сквозь грозу

— Отдайте нам Лебовского и можете лететь! — заорал один из «мохнатых шапок».

— Поцелуй моя шоппа, шпрюхеклопфар! — зарычал Брюквер и выхватил откуда-то два двухствольных пистолета. То ли они возле двери в гондолу были спрятаны, то ли висели у него на поясе среди прочих многочисленных и очень нужных, конечно же, вещей. Четыре выстрела грохнули одновременно. Настолько быстро, что «мохнатые шапки» даже сообразить ничего не успели. Тот, что успел подбежать ближе, опрокинулся на спину, его обрез успел пальнуть куда-то в небо. Второму пуля попала в плечо, развернула и отбросила в сторону.

Брюквер деловито оттер меня в сторону и направился к кабине пилота. Ну, то есть, скорее к креслу пилота. Кабина от салона в гондоле никак не отделялась.

— Высвободить гидроп! — прокричал он, усаживаясь. — Нам пора фзлетайт!

— Что нам нужно сделать? — спросил я слегка пришибленно.

— Швартовы отдать, наверное, — Гиена высунулся в одно из окон. — Ну, короче, веревки вот эти... Они тут закреплены на таких железных штуках...

Натаха рванула к соседнему окну. Я — к противоположной стороне гондолы. Ага, ясно. Веревки были пропущены через металлические петли на тяжелых блоках на земле и продеты в зажимы. Чтобы высвободить, нужно отогнуть железную штуку в форме запятой, которая удерживает...

— Думмкопф! — заорал Брюквер. — Шнелле! А то нам снофа стреляйт!

Я мельком глянул в окно и увидел выворачивающий с улицы грузовик. Да уж, и правда надо пошевеливаться! Подскочил к соседнему окну, дотянулся до металлической запятой, щелк! Готово! Теперь следующую...

Ослепительная молния разломила небеса, от раската грома заложило уши. Пальцы соскальзывали с последней «запятой», порыв ветра дергал наше несчастный дирижабль, грозя вырвать крепление. Щелк! Получилось!

Я уцепился за все, до чего дотянулся руками и ногами, земля стремительно стала отдаляться, вращаясь, как карусель.

Сверкнула еще одна молния.

Сквозь шум дождя я скорее почувствовал, чем услышал, как заурчал мотор. Впрочем, остальные наблюдения были смазаны дикой совершенно тряской. В окне то мелькала земля, геометрически расчерченная улицами и дорогами, то клубящиеся черные тучи.

Было странно, что на этом взлете никто из нас не вылетел в окно. Гиена упирался ногами в два разных кресла, а руками в потолок. Бюрократ распластался морской звездой на полу — обеими руками держался за привинченные к полу ножки кресел, правая нога коленом упиралась в столб-опору, левая дергалась в поисках еще одной точки стабильности. Натаху, как и меня, взлет застиг у окна. Она уцепилась за скобу сбоку и уперлась спиной в раму. Ее огненная коса развевалась на ветру как вымпел.

Как Брюкверу удавалось усидеть в кресле пилота было совершенно неясно. Впрочем, он мог успеть пристегнуться, пока мы возились с гидропами.

Он держал штурвал, который, кажется, никак вообще не влиял на наше хаотичное движение, и громко пел песню на немецком языке.

Я посмотрел вниз. Ветром нас оттащило куда-то в сторону. Где там было летное поле, с

которого мы поднялись, я уже не видел. Пока, Новониколаевск! Рыбацкие в мохнатых шапках, Беки на грузовике и Юрий Матонин!

Фиг знает, долетим ли мы до Томска, или наш цеппелин расхреначит в щепки ближайший разряд молнии, увидимся мы в любом случае, нескоро.

Летучая лодка нырнула в густую пелену облаков. Нас перестало мотылять из стороны в сторону, но отпускать точки опоры все еще не хотелось. Тем более, что теперь не было видно вообще ничего. А еще стало заметно холоднее.

Брюквер отпустил штурвал и поднял руки над головой. Его пальцы начали какой-то сложный танец. И ритм песни сменился на речитатив или что-то подобное.

Ах вот в чем дело...

Магия-шмагия.

Гулявший по гондоле ветер затих в один момент. Нас совсем перестало качать. Едва заметное свечение возникло на какую-то долю секунды вокруг кресел, штурвала, стоек и канатов, и сразу же исчезло.

Наступила тишина, нарушаемая только мерным стрекотом мотора.

— Зер гут! — заявил Брюквер и направил нос цеппелина вверх.

Я с трудом заставил заостреннейшие пальцы расцепиться и осторожно переместился в кресло. Бюрократ поднял голову. Лицо его было какого-то даже не бледного, а практически зеленого цвета. Гиена отпустил потолок и шагнул на пол. Подал руку Бюрократу. Только Натаха осталась сидеть на окне. Ее зеленые глаза сияли нечеловеческим каким-то восторгом. Ей что, понравилось?!

— Всегда мечтала полетать на цеппелине! — сказала она, повернув к нам все еще мокрое от дождя лицо.

— Мечты сбываются, — пробормотал я. Но подумал, что тоже мечтал, вот только представлял себе это совсем по-другому. Ну, там, салон, дамы в вечерних платьях, белый рояль, шампанское...

— Каким газом наполнен баллон этого... цеппелина? — спросил Бюрократ, усаживаясь в кресло через проход от меня.

— Вассершгоф! — крикнул с места пилота Брюквер.

— Водород?! — в ужасе переспросил Бюрократ. — И вы не побоялись поднять его в воздух в грозу?! А если бы молния...

— Буммм! — Брюквер взмахнул руками, как бы изображая здоровенный взрыв. Потом громко расхохотался и повернул свое рябое лицо в салон. — Я летайт уже фюнфцин... пятнатцат лет! Или вы не верит мне?

После того, как Брюквер «включил» свою магию, полет стал ровным и совершенно беспроблемным. Мы плыли над белой ватой облаков, иногда касаясь гондолой. Можно было высовываться в окна и пытаться дотянуться до облаков руками. Никакого ветра, холода или недостатка кислорода не ощущалось. С одной стороны, мне хотелось спросить, почему наш пилот не сделал всех этих своих жестов на земле, но я не стал. Не хотелось лишний раз затевать с ним разговор, я был согласен с Гиеной — «странненький» — это очень мягко сказано.

Полет до Томска занял приблизительно часа три. Или чуть больше. Ну и когда мы начали снижение, я получил ответ на свой вопрос естественным, так сказать, образом. Похоже, нежные «магические ладони» подхватывали только тот летательный аппарат, который способен без их помощи забраться достаточно высоко. И примерно на той же

высоте отпускали, когда цеппелин начал снижаться.

— Фсем дершаться крепче! — скомандовал Брюквер и вцепился в штурвал. Гондолу снова тряхнуло, ветер вспомнил о своем существовании и засвистел во всех окнах сразу.

На наше счастье, погода в Томске была не такой убийственной, как в покинутом нами Новониколаевске. Так что нас не мотыляло в безумной скачке, а всего лишь слегка трясло. Так что можно было полюбоваться на вид Сибирских Афин сверху.

Во-первых, Томск на город был похож больше, чем Новониколаевск. Примыкавший к реке центр выглядел очень даже презентабельно — большие светлые здания, некоторые вполне можно было бы назвать дворцами. На улицах гораздо больше многоэтажных домов, чем бревенчатых изб.

Во-вторых, похоже, здесь был в ходу общественный транспорт. Возникла такая мысль при виде покрашенных в ярко-желтый небольших автобусиков.

И в-третьих — город по периметру окружала настоящая крепостная стена. Вот прямо с зубцами и башнями. Она совершенно не вязалась со всем остальным на вид, построенная из бревен и каменных блоков. Так что Томск с одной стороны был ограничен рекой, а со всех остальных — этой самой стеной. По верху которой могли спокойно прогуливаться патрульные.

Что они, кстати, и делали.

— Ахтунг! — заорал Брюквер. Кажется, говорить спокойно этот человек не умел вовсе. Я вцепился в кресло одной рукой, в скобу рядом с окном другой и продолжал смотреть вниз. Земля стремительно приближалась. Гораздо быстрее, чем мне хотелось бы. И чем я вообще представлял когда-то приземление на дирижабле. Почему-то я был уверен, что аппарат легче воздуха должен опускаться нежно, словно перышко.

Но Брюквер на мои иллюзии плевать хотел, так что мы неслись к земле стремительно, будто ужасно соскучились. Заверещала лебедка, выкидывающая вниз гайдропы. Под нами на просторном поле с внешней стороны стены уже суетились какие-то люди.

Гондолу рвануло так, будто мы во что-то врезались. Двигатель замолчал, зато заурчали моторы внизу.

Я не виде, что там точно произошло, но, кажется, наш цеппелин поймали за гайдропы и остановили. А потом сунули хвосты в лебедки, и теперь нас медленно подтаскивает к земле.

— Мы прилетают! — заявил Брюквер, когда цеппелин наконец замер в полной неподвижности. — Клаус, я хотел фторая половина тениги!

— Ддда... — сдавленно ответил Бюрократ, держась обеими руками за шею. — Один момент... Я только...

Он вскочил и бросился наружу. Судя по звукам, он расставался с остатками обеда, которым нас накормили еще в Питомнике.

Через несколько минут он вернулся, вытирая лицо носовым платком.

— Прошу прощение, — сказал он. — Вот ваши девять тысяч соболей, как мы и договаривались.

— Зер гут! — Брюквер выхватил у Бюрократа пачку денег, перевязанных тонким шнурком и упрятал в один из многочисленных карманов на своем комбинезоне. — Теперь можейт убирайтесь! Гуте райзе!

Честно говоря, я все еще не мог поверить, что мы снова на твердой земле. После воздушной акробатики взлета и посадки, мой мозг отнесся с недоверием к покрытой травой поверхности, так что когда я спустился с лестницы, мне все еще казалось, что подо мной все

покачивается. Но это, в общем, обычное дело. Не сказать, чтобы сюрприз. Скоро пройдет.

Итак, мы прилетели в Томск. Вокруг практически чистое поле, слева — высокая крепостная стена. Зараза, с земли она выглядит еще массивнее. Сколько метров она высотой? Двенадцать? Пятнадцать? Похоже, чуть севернее от этого места — ворота. Кроме нашего цеппелина на аэродроме были самолеты. Целых шесть штук парусиново-фанерных этажерок, которые, к моему ужасу, похоже вовсе не музейные экспонаты, а настоящие летательные аппараты. Ближе к стене — неказистая двухэтажная постройка из красного кирпича. И еще какой-то недострой. Непонятно пока, что это будет.

По дороге от ворот к нам пылил лупоглазый автомобильчик без крыши. С тремя пассажирами внутри. Точнее, один из них водитель, конечно.

— Кто тут Лебовский? — спросил детина с водительского места, когда авто притормозило прямо рядом с нами. Ну зашибись, блин! Им от Матонина телеграфировали, что ли? Правда, я сразу же отмел эту мысль. Сдать нас Матонину мог только один человек, и он сидел за штурвалом цеппелина. Если бы Бюрократ желал меня продать за пятнадцать штук, он тысячу раз мог бы сделать это куда более простым путем. То есть, Матонин просто не мог знать, куда конкретно я направляюсь, по крайней мере, не так быстро...

— Ну что заткнулись-то? — снова сказал водитель. Потом все трое выскочили из машины, не утруждаясь открыванием дверей. Они были рослыми, все трое выше меня примерно на голову или около того. Одеты они были примерно одинаково — черные штаны армейского образца, двое в кирзачах, один в щегольских высоких ботинках, черные же рубахи и, внезапно, бархатные фиолетовые жилетки с вышитыми фигурными золотыми буквами «Т», «И» и «У». На головах — квадратные фиолетовые же шапочки, вроде тубетеек или ермолок.

— Томский Императорский Университет, группа встречи! — отчеканил темноволосый, с дурацкими усами, которого я сходу нарек Кортесом. — Который наш абитуриент, давай, сдавайся!

— Привет, — я шагнул вперед. — Как-то не ожидал, что меня будут встречать. Откуда вы узнали, что я прилетаю?

— А мы блюдечко крутили! — заявил водитель. Светловолосый, из всех троих самый изящно сложенный, на лице — тонкие очки в золоченой оправе. Я мысленно прилепил ему на лоб табличку «Леннон».

Все трое заржали.

— Да не, он свистит! — заявил Кортес. — Почтового голубя нам прислали, вот! Голубятня только для особо важных гостей!

Все трое опять заржали. Видимо, какой-то внутренний юмор, который я пока не понимаю.

— Да не ссы, абитура! — сказал третий. Похожий одновременно на грубоватую версию Бреда Питта и гламурного Дэнни Трэхо. Я растерялся, и даже не смог сходу придумать ему подходящее прозвище. — Все будет чики-пуки! И не слушай их, им лишь бы поржать. На самом деле у нас есть хрустальный шар...

Тут он не выдержал, фыркнул, и они все снова заржали.

Интересно, а чего я вообще ждал?

Ну, то есть, я придумал себе цель — добраться до Томска и найти университет. И у этой цели даже были причины. Вроде как, с неконтролируемой магией без обучения жить бывает вредно для здоровья. Кроме того, в Новониколаевске у меня как-то отношения сходу не

заладились, и... И вот я здесь.

— Короче, хорош тормозить, — отсмеявшись сказал Леннон. — Над тобой пока даже прикалываться неинтересно. Как над ребенком, право слово. Нас за тобой послал господин ректор, Гезехус Яков Антонович. Приказал встретить и проводить. А откуда он про тебя знает, понятия не имею.

— Вот у него и спросишь, — сказал тот, которому я пока прозвища не придумал. — Полезай в машину.

— Эй, стоп! — я оглянулся на Натаху, Гиену и Бюрократа. — Вообще-то я не один...

— Надо же, их императорское высочество со свитой, — заржал Кортес. — Ну они у тебя вроде с ручками-ножками, дотопают как-нибудь сами!

— Вот ты тупой, Жора! — сказал Леннон. — И гостеприимный, прямо хоть иконы с тебя пиши. Люди только с цеппелина сошли, правил наших не знают, пропуска у них, поди нет. Куда они пойдут-то?

— Да, мля... — Кортес почесал в затылке. — Что-то я... Короче, вы же типа с дороги и устали, да? Сейчас я тогда вам выдам три чека, чтобы в гостишку упасть. Ну, там душ с дороги, поспать в удобном сортире и все такое. А пацана вашего мы пока к ректору увезем, а потом уже он за вами вернется. Лады?

Чутье опасности молчало. В отпуск ушло или здесь действительно все было именно так, как сказали эти трое. А если нет... Да, пофиг, в общем.

Здесь меня пока не слишком хорошо знают, чтобы хотеть убить при первой же встрече.

— Лады, — сказал я и сделал шаг к машине. — А гостишка где? По какому адресу?

— Адресу, вот ты сказал! — Кортес снял с пояса планшет и сейчас как раз корячился, пытаясь держать его в одной руке и что-то написать на бумажке другой. — Вон та гостишка, красная. В город пока что никому, кроме тебя, нельзя.

— Ясно, — сказал я, протиснулся мимо Леннона и запрыгнул в машину. На переднее сидение.

Томский Университет я опознал сразу. Он практически не отличался от фотографий томского же университета в моей реальности. Классическое такое желто-белое здание с полуколоннами, раскинувшее два крыла, и зеленая лужайка перед ним. Правда дорога не асфальтированная, а грунтовая. Правда, довольно ровная. Хотя от дождей она должна здорово раскисать. Троица выскочила из машины, Леннон легонько подтолкнул меня по направлению к крыльцу. На котором сидела шумная компания человек из десяти, тоже в фиолетовых жилетках и шапочках. По всей видимости, студенческая форма такая. Занимались они тем же самым, что обычно делают студенты в свободное от учебы время — передавали друг другу бутылки из зеленого стекла.

«Моя» троика помахала им, и мы деловито направились к дверям.

Гулкая тишина холла, лестница вверх, потом направо, третья деревянная дверь. Леннон взялся за ручку, дверь открылась с легким скрипом.

— Яков Антонович, к вам Лебовский! — сказал он. Потом широко распахнул дверь и втокнул меня внутрь.

Дверь за моей спиной закрылась.

Я неуверенно остановился на пороге. Потертый паркетный пол. Книжные шкафы во все стены. Массивный стол из темного дерева. Напротив входа — открытое окно. Над развернутым в его сторону креслом поднимались голубоватые струйки табачного дыма.

— Яков Антонович? — произнес я и сделал шаг вперед. Кресло крутанулось, и я

встретился глазами с ректором. Худое лицо, даже тощее, похожее на скорее на череп, обтянутый кожей. Длинные, как у китайского злодея, усы. В длинных узловатых пальцах — скрученная из газетного листа «козья ножка».

— Здравствуй, Богдан, — сказал он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net